

Николай Слимпер

Бессмертный

Даже неуязвимого можно уязвить

Annotation

Амарталис родился во времена чумы и охоты на ведьм, но с тех пор прошло почти более 27 веков. Герой бороздит просторы Вселенной в качестве наемника и наживает врагов, которые умирают либо от его руки, либо от старости. Один из старых врагов оказался жив и решил отомстить, но зная, что его противник неуязвим, продумывает хитроумный план, натравив на него всю Вселенную.

Бессмертный

Николай Слимпер

Не верьте, когда говорят, что бессмертие — это скучно. Я прочитал буквально десятки, сотни тонн книг, и в большинстве из них, где обитают бессмертные персонажи, есть слова о том, как же все-таки тяжело жить вечно. Им скучно, рутинно, они повидали жизнь со всех ракурсов, им надоело само существование, и поэтому они рьяно ищут способ умереть или просто стать смертными, дабы в конце концов спокойно окончить свои дни в мягкой постельке с счастливой улыбкой на лице.

Но все это полная чушь! Даже ища способ отправиться на тот свет, они продолжают жить полной жизнью: работают, общаются с друзьями и коллегами, платят по счетам и даже влюбляются, и это вместо того, чтобы все свое бесконечное время тратить на поиски вакцины от приторной для них жизни.

Способов умереть сотни, даже для бессмертного. Прыгнуть в действующий вулкан; утопиться на дне Марианской впадины, заранее обвешав себя чем-нибудь тяжелым и напичкав организм китовой дозой убийственного наркотика; искупаться в чане с карборановой кислотой; в конце концов, похитить космический корабль и направить его на звезду или в черную дыру! Если бессмертный ничего из этого не испробовал, то ни черта он не стремится умереть, а просто пытается вызвать к себе какое-то непонятное сочувствие, как безработный, который жалуется на отсутствие денег, но даже не делает вида, что ищет работу.

Либо бессмертный слишком бессмертный, чтобы на него подействовало что-то из вышеперечисленного. Как я, например.

Меня зовут Амарталис де Восаф, и я настолько бессмертен, насколько это вообще возможно в нашем мире. Не то чтобы Амарталис де Восаф мое настоящее имя, но мне нравится, как оно звучит, хотя мало кто меня так называет. Да и мало кто знает меня под этим именем, в основном меня зовут разными прозвищами, часто довольно обидными, но чаще меня никто не зовет, я сам прихожу, а еще чаще меня приводят силой, но об этом позже.

Родился я настолько давно и так далеко от тех мест, где нынче пребываю, что даже не уверен, что та вонючая планета до сих пор крутится вокруг еще более смрадной звезды, не способной никого согреть. Та планета, когда я там был в последний раз, утопала в грязи. И когда я попал на другую, где над пропастью бескультурья возвышалась цивилизация, я даже боялся дышать, не желая замарать тамошний воздух своим смрадом. Правда, в конечном итоге, это оказался какой-то верхний город, где живет элита, а все остальные пребывают на самом дне. В прямом смысле. VIP-города были построены высоко над землей, а то, что происходило под ними, никого особо не волновало. В общем, все было как в плохом фильме или сериале, только эти люди-на-дне не были совсем уж оборванцами, а вели вполне приемлемый образ жизни и даже имели свой малый бизнес. Пока я случайно не уничтожил один из городов... А нечего было делать опоры верхнего города в стилистике костяшек домино! Я всего лишь немного задел автоматной очередью какие-то газовые баллоны. Опора в падении задела другую, третью, и так по кругу. Все, что находилось наверху, рухнуло вниз. Так-то город был уничтожен не весь, а лишь по краю, но из-за этого все дороги и мосты, ведущие в него и из него, оказались уничтожены. Город остался изолированным, а строить все заново апатичным богатеям, — которыми стали и некогда строители городов, разбогатевшие на своем бизнесе, — было попросту не вмоготу. Так и стоит некогда

процветающий город нынче под управлением людей-на-дне, большая часть которых теперь «на дне» лишь фигурально.

В общем, пока я жил на своей родной помойной планете, ставшей еще более грязной и вонючей, если быть откровенным, не без моего участия, то пережил столько, что всего и не упомнишь, да и вспоминать не особо хочется.

На той планете бессмертие воспринималось как что-то настолько неправильное и противоестественное, что попытаться убить человека, обладающего этой способностью, было более чем почетно. Поэтому я пережил все, что только мог придумать крохотный мозг обитателей там существ, считавших себя разумными, но все равно чересчур суеверных. В этом плане остальная Вселенная не далеко ушла вперед.

Была на той планете и в то время такая веселая забава, как охота на ведьм. Люди находили самую красивую девушку в каком-либо селении, после чего для галочки пытали ее всевозможными способами. Во-первых, выбивали из нее признание в колдовстве, а во-вторых, придавали ей подходящий для ведьмы облик, чтобы у остальных не возникало сомнений. Ну а затем следовало традиционное сожжение нечестивой на костре. Хотя поистине нечестивой «ведьма» становилась после того, как ее искренне и от всей души «выпытывали» все палачи по кругу, но об этом обычно умалчивалось.

Свирипствовала тогда чума, погубившая людей больше, чем тогда вообще знали такое число. И мой скромный городок беда не обошла стороной, выкосив его почти подчистую, а меня вот не тронула. Родители, друзья, знакомые — все в конечном итоге оказались в одной из множества больших горящих куч. Те, кто выжил, перебрались в соседний городок, до которого «черная смерть» еще не добралась, но с приходом новых поселенцев, которых не удосужились как следует проверить на наличие необычных на коже образований, второй город разделил судьбу с первым. А я опять ни при чем. Тут-то ко мне и стали присматриваться. Кто и как показал на меня пальцем, мол, «смотрите, этот парень уже из второго мертвого города выбирается как ни в чем не бывало», я не знаю. Раз кто-то это понял, значит, он и сам пережил эпидемию, но присматриваться начали именно ко мне. И несомненно, будь я противоположного пола, меня бы давно уже сожгли на костре или утопили с камнем на шее. Но ко мне пока только присматривались.

А схватили меня через несколько дней после того, как я уже перебрался в третий город, где чума только начала разрастаться, словно опухоль. Слухи о том, что какой-то парень брезгует особой защитой от заразы и не брезгует иметь дело с зажаренными, быстро разнеслись по округе, из-за чего те, кто присматривался, решили действовать. Схватили, заковали в цепи и заперли в глубокой и сырой темнице, где, кстати, было полно крысopodobных. А они еще удивлялись, отчего это у них чумных так много.

Когда меня приковали к колесу и в первый раз опустили под воду вверх ногами, мне даже понравилось, — освежает, но потом это поднадоело: начала кружиться голова и тошнить, начал задыхаться, да еще и веревки болезненно натирали руки и ноги, впиваясь в кожу до крови. После водных процедур меня без слов вернули в казематы. Дальше все развивалось быстро: допрос о причастности к дьяволу, очередное колесование (уже было не так страшно и больно), новый допрос со сдавливанием лодыжек чем-то дурацким на вид, потом снова вопросы (которые звучали как утверждения) и спать. Раннее пробуждение от удара под дых ногой, выход на «сцену», привязывание к деревянному столбу в куче хвороста, гул толпы, запах горящих кожи и волос, темнота... Раннее пробуждение, выход, привязывание, гул толпы, запах, темнота... Пробуждение. Выход. Привязывание. Гула нет — ропот. Вонь.

Темнота... Надоело.

Почему они решили, что если с первого раза не вышло, то выйдет со второго, пятого, двадцатого, — я не знаю. Я сбился со счета, сколько раз меня сжигали, прежде чем решили избавиться по-другому. Решали долго, но в конечном итоге привязали к шее камень и бросили в озеро. Я, естественно, не выплыл. На том и порешили. Разошлись, оставив меня под толщей воды. Правда, ненадолго. Через некоторое время я очнулся как ни в чем не бывало. Развязав чутко связанные руки и ноги, снял с шеи хомут и, чувствуя себя как рыба в воде, я под водой переплыл на другой берег, подальше от мучителей.

Так и начались мои странствия, которые продлились целую неделю... Меня опять поймали, хоть и другие люди и всего лишь за воровство, но я таки опять очутился в кандалах и на стуле с шипами, так как оказался единственным выжившим заключенным — остальных поглотила чума. После чего меня не раз казнили, иногда я даже удачно притворялся успешно казненным, после чего сбегал, но меня опять где-нибудь ловили и снова по кругу. Потом мне надоело, и я ушел на восток, где, по слухам, почти никого и никогда не сжигали. Там моя жизнь и сделал крутой оборот, хотя не совсем тот, на который я рассчитывал. Я участвовал в сражениях, защищал и освобождал города, все больше узнавал о своей силе. Поднаторел. А после некоторых сложившихся обстоятельств, я попал в космос, и Вселенная открыла мне... Ну, в общем, ничего она мне такого не открыла, я просто стал наемником, так как больше ничего не умел, кроме как воровать и избегать ловушек. Хотя последнее совсем не мой конек.

Странная штука — память. Помню, как пытали, как казнили, помню даже запах тех дыр, в которых меня держали, а вот название своей же планеты не помню, как и название городка, в котором родился и жил до эпидемии. Запомнил лишь самое плохое, в котором отчасти и сам был виноват. Потому даже и не стремлюсь вернуться обратно к родным пенатам.

Глава 1

— ...и тут как рванет! Меня аж через стену в другое здание выкинуло! А знаешь, что потом? Знаешь?

— Опоры начали падать одна за другой, — безучастным голосом сказал бармен, протирая и без того чистую стойку.

— Опоры начали падать одна за другой! Не, ну ты прикинь!

— Да слышали мы уже эту байку десять раз, — громко сказал бородач, сидящий от меня через два стула, отмахнувшись.

— Слышали? Ну, тогда я вам другую расскажу! Бреду... Или брожу? Как правильно? А, не важно. Шагаю я, значит, по пустыне. На многие мили вокруг никого и ничего! Правильно пустыню пустыней назвали, а не каким-нибудь... ну, не знаю, как-нибудь по-другому, в общем. Иду, никого не трогаю, если не считать перекасти-поле, на которые я очень люблю падать. Вот в кайф мне и все! Так вот, иду, башкой мотаю в поискать пресловутого куста, а тут смотрю — дымок на горизонте...

— И эту мы тоже слышали! — вскипел бородач. — Хватит триндеть, достал уже всех.

— Да это ты достал меня прерывать постоянно! Только ты и возмущаешься, а другим, может, нравится!

Несогласный гул пробежался по залу.

— Да ну вас всех! Пойду отолью, — и я встал, и пошел отливать. Ведь я держу слово. И не успел я в кабинке спустить штаны до колен (ниже не рекомендуется, ибо запачкаешь брюки так, что только выбрасывать), как в соседней кабинке раздался гундосый голос:

— Это ты Болванчик? — спросил он.

— Мало кто меня так называет, — заговорщически ответил я в такт вопрошающему.

— Что у тебя с голосом? — тут же оживился туалетный собеседник.

— А у тебя что?

— Я такой от природы.

— А я такой от погоды.

Помолчали.

— Ты что хотел-то? — наконец подал я голос. — Автограф взять, что ли? Так у меня из холста только туалетная бумага — мало, кстати, — а про писчие принадлежности я и не говорю.

— Да кому нужен твой автограф? — возмутился он. Теперь его голос не напоминал заговорщический.

— Ну не скажи... — поднял я указательный палец, хоть он этого и не видел, после чего о чем-то задумался.

— Эмм... а продолжение будет?

— Какое продолжение? А что тебе еще нужно, кроме автографа? — удивился я. — Я, если что, только по существам женского пола!

— При чем здесь автограф? Что ты несешь?!

— Я? А что я? Ты первый начал.

Туалетный собеседник буквально зарычал, словно дикий зверь. Хотя в туалете подобные звуки не редки.

— Боже мой! Мне, конечно, рассказывали, что ты больной на голову, но чтобы

настолько!

— Кто больной? Я больной?! — наиграно возмутился я. — А кто устраивает допросы в туалете? Я сюда, конечно, пришел дела делать, но немного другого характера!

— Ладно, ладно, успокойся! Я все понял, — быстро заговорил не имеющий понятия о сарказме Человек в соседней кабинке. — Я и правда не подумал, просто мне было необходимо переговорить с тобой без лишних свидетелей, и я посчитал, что туалет — лучший вариант.

— Апчхи! — раздался чих в кабинке уже слева от меня.

— Мужик, блин, ты сколько там уже сидишь?! — воскликнул я. — Ты что такой тихий?

— Я люблю тишину, — ответил тихий и меланхоличный голос.

— Боже, куда я попал? Клуб анонимных туалетных собеседников? Эй, ты, который поболтливей, ты еще тут?

— Да, да!

— Жди меня на выходе (или входе?) у бара. Я тут... решу дела и сразу же выйду.

— Ладно, — ответил мужик и вышел из туалета.

— А ты, любитель тишины, больше так не делай.

— Хорошо, — слышался такой же тихий и меланхоличный голос.

Не первый раз мне предлагают работу в необычных местах, обычно удаленных от большого скопления людей, было и в туалете, только тогда мы заранее планировали подобную встречу и все оставались в штанах, да и проверяли, нет ли лишних ушей.

Это был молодой парень (я даже усмехнулся — для меня все молодые, дети, можно сказать) в темно-синем пальто ниже колен, низко натянутой шляпе с большими полями, черных перчатках и в черных же туфлях. Конспиратор хренов, еще бы газету перед собой развернул. Я тут же рассмеялся в голос, когда представил, что он так и сидел на унитазе: в пальто и шляпе. Отсмеявшись, спросил:

— Ты так и сидел в кабинке?

— Ну, да, — ответил тот без тени улыбки. Я заржал еще сильнее, даже схватился за столб, чтобы не упасть. Проходящие мимо подозрительно косились на наш странный дуэт, а «шпион» чуть ли не утонул в своей одежде, оставив торчать наружу один свой странный нос из ворота под тенью широкой шляпы.

Наконец, как только я отсмеялся во второй раз, мы с ним прошли по улице пару кварталов, свернули в переулок, прошли еще немного и уткнулись в небольшой деревянный домик с распашными дверьми в стиле «мы, типа, в вестерне», только большими, полноценными, и вошли в питейное заведение.

Не даром я назвал его нос странным. Он оказался не человеком, как я думал, а вирусусом. Эта раса полностью покрыта волосами с ног до головы, не исключая и лица. Их не очень любят, в основном из-за блох и других мелких тварей, часто обитающих в их шевелюре, хотя это стереотип, поэтому он и нарядился так, ибо его могли даже и не пустить в тот бар.

— Не бойсь, здесь можешь не скрываться, — сказал я.

Этот бар был более значный, чем предыдущий, и обслуживали здесь любую шантрапу, если те при деньгах.

— Да, я знаю, — сказал вирусус, снимая пальто и шляпу и вешая их на напольную вешалку. — Я здесь уже бывал как-то раз.

Бар назывался «Ураганный Вэш». Баром он считался лишь из-за присутствия здесь

грязной стойки, которую не протирали, наверно, лет десять. Под ногами хрустело битое стекло и обглоданные кости. Под некоторыми столами валялись упитые вусмерть граждане, громко похрапывая, словно играя одним лишь им знакомый мотив. Это место славилось заключением всевозможных сделок, от банального убийства любовника жены до слияния мультимиллиардных компаний. И было здесь столько темных личностей, что меня даже удивило, как небрежно волосатый оставил пальто на вешалке. Видимо, попросту нечего красть, подумал я.

Мы уселись в дальнем темном углу кабака. Несмотря на то, что все вокруг всегда утопало в грязи, столы, кресла, стулья, а где даже и диваны, всегда были удивительно чисты, отполированные задницами, локтями и кружками с пивом. Я начал разговор первым:

— Чо-как? — кивнул я собеседнику.

— В смысле?

— Да ты задрал уже! Нельзя же быть таким тормозом. Что ты от меня хотел-то так рьяно, что даже в туалет за мной поперся?

— Я не поперся, — сказал волосатый, — я там был с самого начала.

— Еще лучше — вздохнул я.

— То есть теперь я виноват?

— Нет-нет, что вы, я же уже признал свою ошибку, — примирительно поднял руки собеседник, при этом почему-то перейдя на «вы». — Не подумал.

Я привык иметь дело с самыми различными отморозками, начиная от тех, у кого высшее образование по астрофизике, и заканчивая самыми низами общества, которые левую руку от правой ноги не всегда отличают. Над последними я всегда издевательски подшучивал. Те, кто все же это в конце концов осознавал, пытались отстоять свою позицию кулаками, что, само собой, у них никогда не выходило.

— Ладно, черт с ним. Тебя как зовут-то? — спросил я.

— Лайонел, — ответил вирусус и протянул мне руку. Или лапу. У всех было свое мнение на этот счет.

— Очень приятно, конечно, но руку я тебе жать не буду. Неприятные воспоминания, знаешь ли.

— Понимаю, — ответил тот и убрал руку обратно под стол.

«Что значит „понимаю“? Он знает о той моей „неудачной“ встрече с другим вирусусом? Не должен».

— Так что тебе надо?

— Меня... меня послал мой босс. Я... то есть он предлагает вам работу...

— Какая неожиданность, — съязвил я. Было в этом вирусусе что-то настораживающее. Он казался куда умнее, чем пытается казаться. Не первую сотню лет на свете живу. Будь он таким идиотом, каким себя выставляет, он бы сразу подошел ко мне в том баре, а не стал бы сидеть в туалете, зная, что после пива я обязательно туда загляну. Да и не видел я, как он вообще в бар заходил. Даже если представить, что я увлекся рассказами и выпивкой, потому и не заметил его, все же есть у меня сомнения, что поспрашивай я посетителей, кто-то сможет сказать, что видел его. Хотя, возможно, я просто паранойю за зря. И все же есть в нем что-то отталкивающее, помимо моей нелюбви к его расе.

— У меня есть все необходимые бумаги. В них подробно описано задание и сумма за выполнение.

«Только идиот станет переносить подобную информацию на бумагу», — подумал я.

Лайонел встал, залез во внутренний карман своего пальто и достал оттуда небольшую папку. «Все же он идиот, да, потому что профи достаточно и пары секунд, чтобы забраться в карман и незаметно спереть все, что там лежит. Или он просто хочет, чтобы я считал его таковым».

— Вот, — протянул он мне папку.

Я первым делом внимательно осмотрел бар, не наблюдает ли кто за нами, но все были заняты своими делами. После чего я вынул из папки бумаги — контракт. Быстро пробежав по основным пунктам, я даже улыбнулся. Дело было стоящее, да и оплата неплохая. Подозрительно неплохая.

— Мне нравится. Пожалуй, я возьмусь.

— Это очень хорошо, — обрадовался Лайонел и протянул мне ручку.

— Это еще что?

— Ручка. — «А то я не догадался». — Чтобы подписать контракт.

— Запомни мальчик, — снова усмехнулся я, — я никогда ничего не подписываю.

— Но... босс сказал, чтобы вы подписали. Я первый раз на таком серьезном деле, он мне доверил...

Из-за волосатого лица было трудно разглядеть его эмоции, но интонация говорила о том, что он и правда волнуется, хотя сильнее, чем нужно. Либо его босс и правда так страшен, либо этот Лайонел переигрывает.

— Я все понимаю, но подписывать ничего не буду. Тут уж извини.

— А как же контракт? Нам нужны... э-э, гарантии...

Не удержавшись, я рассмеялся.

— Ты такой забавный и странный. Вам нужны гарантии чего? Что я выполню задание? Так это в моих интересах. Это мне нужны гарантии, что написанное в контракте будет исполнено, если я выполню все условия. А вам-то что надо? Если у меня не выйдет, вы просто мне не заплатите и все.

— Но мы все же даем вам аванс...

— Парень, ты же новичок в этом деле? Так такого хрена ты приперся, заранее не узнав обо мне все? Я тебе не хухры-мухры, мелочь пузатая, — я почему-то начал заводиться, — я один из лучших наемников во всех известных галактиках. Ко мне такие личности обращаются, что одно их упоминание грозит немедленной расправой, а тут приходит какая-то сопля, не давая мне нормально сходить по большому, да еще и какие-то предъявы кидает. Мне не нужно ничего подписывать, чтобы начать выполнять заказ, а выполнив его, забрать свою награду, ибо обмануть меня у вас все равно не получится, спроси у взрослых, малявка.

У меня такое бывает, когда речь идет о делах. Просто начинаю беситься и все. Я, наконец, замолчал. Лайонел смотрел на меня, вытаращив глаза, потом сказал:

— Я... я все понял... Простите. Вот. — Он достал конверт из кармана штанов. Все же не так он глуп, подумал я, раз додумался положить деньги не в пальто, хотя, возможно, это подсказал ему сделать босс.

— Что это? — зачем-то спросил я, зная ответ.

— Аванс. На расходы и все такое. Бумаги я тоже оставляю. Там... там есть способы связи с нами, так что, если... то есть *когда* выполните работу, свяжитесь с нами. Вот... Ладно, я пойду, — договорил он, оделся и быстро вышел из бара, даже не оглянувшись.

У меня остались смешанные чувства от этой встречи. Что-то темнит этого волосатик. Ой, как темнит. Но я не я, если не стану выполнять данную мне работу. Она выглядит

опасной и, наверняка, является еще опасней, чем кажется. Ну и что? В худшем случае я умру. Хах. Все-таки надо было спросить, кто его босс.

Вернувшись домой, то есть в номер, который я снимал в не самой лучшей гостинице, я еще раз оглядел бумаги. Сказать, что дело стоило свеч, значит, ничего не сказать. Весь план был расписан чуть ли не поминутно. Все, что мне оставалось, это добыть недостающие детали, а с остальным мог бы справиться и ребенок, если, конечно, у него в комнате, помимо мягких игрушек, хранится целый арсенал оружия, приборов слежки и другой различной дребедени на все случаи преступной жизни. У меня хранится.

Город, в котором я нынче находился, славился своей преступностью. Если ты гуляешь по улице ночью, то либо ты бесстрашный и/или влиятельный преступник, либо глупый коп, либо будущая жертва, что не отрицает нахождение в первой или второй группе. Город настолько плохо контролировался властями, что тут были даже специальные гостиницы для лиц, занимающихся не самыми честными делами. Говоря о том, что мой номер не в самой лучшей гостинице, я имел ввиду вообще, в городе, а так, среди преступных синдикатов, этот постоялый двор считался одним из самых высококлассных. Решетки на окнах с бронированными стеклами, крепкие металлические двери с биометрическими замками, для открытия которых необходимы отпечаток пальца и аутентификация по радужной оболочке глаза постояльца. Даже танк не сможет пробиться в такое здание, что было проверено много лет назад, когда преступность только начала захлестывать город. Здание не раз было укреплено снаружи, на крыше были установлены крупнокалиберные пулеметы, а куча камер глядела во все стороны даже за сотни метров от строения, дабы враг не подкрался незамеченным. Преступные шишки просто обожали это место.

В моем распоряжении находилось очень много оружия и снаряжения, но кое-что мне все же надо было добыть. Для начала мне необходима легенда, чтобы проникнуть на место моего задания. Есть у меня один знакомый, способный достать любые документы, так что это не проблема. Вообще, по плану я должен стать официантом, но я решил, что это слишком скучно, поэтому я стану пассажиром. Богатым и самоуверенным пассажиром. У меня будет бизнес по... ну не знаю, пусть я буду строить и оснащать всем необходимым такие гостиницы, как эта. А что, бизнес, на самом деле, не плохой. Владельцы тратят целое состояние, чтобы оснастить свои форпосты последними новшествами по защите от вторжения нежелательных лиц. В общем, самым сложным было пронести на судно оборудование, чтобы его не обнаружили.

Первый этап задания заключается в проникновении на борт космического корабля под названием «Infortissimo». Эта махина была более двух километров в длину и около двух сотен метров в ширину, а вмещает семьдесят тысяч пассажиров, не считая работников. Целый город на... не на колесах, конечно, но на реакторах антимассы. Корабль бороздит просторы вселенной уже более ста пятидесяти лет, я даже одно время присутствовал на строительстве лет этак сто шестьдесят пять назад, он тогда был сконструирован где-то наполовину. Каждую часть корабля строили отдельно и на специальных грузовых космолетах доставляли в открытый космос, где уже собирали полноценное пассажирское судно.

Корабль окружен прозрачным барьером, не позволяющим космическому холоду и радиации проникнуть внутрь, а также создающим искусственную атмосферу, из-за чего палуба была, можно так сказать, под открытым небом. Даже мелкий космический мусор попросту отлетает от невидимой сферы, а вот если к кораблю направится по-настоящему крупный объект, его сбивают еще на подлете к барьеру пучками уплотненного света. За

космический мусор принимается абсолютно все, что летит в сторону круизного судна и не имеет допуска, поэтому единственный способ попасть на борт — купить билет (место бронируется на десятилетия вперед), после чего прибыть на место старта небольшого шаттла, который доставляет туристов на «Infortissimo». А еще можно стать нанятым служащим, вроде уборщика или официанта, но, как я уже говорил, для меня это слишком скучно.

Корабль был поистине огромен. Чем ближе транспортный модуль подлетал к нему, тем больше нарастало давящее чувство, что он вот-вот упадет и подомнет под собой любого, кому не посчастливится находиться у него на пути. Но тьма вокруг напоминала, что это открытый космос, и что тут ничего не может взять и упасть, и все же... Только пристыковавшись к этому великану и пройдя вглубь, гнетущее чувство ушло, сменившись восхищением, восторгом, экзальтацией, в конце концов. Если бы мне завязали глаза, привезли на этот корабль (если его так можно назвать) и сняли повязку, я мог и за недели не догадаться, что нахожусь в космосе.

Выйдя из небольшого, но облагороженного коридора, туристы попадали в рай. Прямо посреди огромного зала, выстой точно более сотни метров, размещался, а лучше даже сказать — возвышался абсолютно ненормальный фонтан: на высоте метров двадцати буквально плавала огромная круглая «капля» воды, из которой вниз лился самый настоящий дождь. При этом точки излияния воды постоянно менялись, плавно перетекая с места на место, а иногда и вовсе на долю секунды исчезали, тут же появляясь вновь, создавая в воздухе различные картины. Все это обильно подсвечивалось не яркой, но разномастной цветомузыкой, наполняя эти картины краской. Высоко под потолком висела громадная длинная люстра, словно сотканная из бриллиантов пауком-художником, которая не доставала до фонтана метров пятнадцать, словно между ними был заключен договор о территории и личном пространстве. На люстре было множество подсвечников, причем они тянулись на всем ее протяжении, увеличиваясь в количестве пропорционально к низу, из-за чего вся конструкция напоминала огромную блестящую украшенную елку. Светила люстра (если вообще светила), крайне тускло, будто задействовано было не более пяти процентов от полной мощности светильников, но это практически не было заметно, так как белизна и прозрачность конструкции отражали от себя всякий окружающий ее свет, заставляя люстру блестеть, словно она вся и есть свет.

Сам зал уходил далеко вперед, как и балконы-этажи, с которых, вероятно, открывался еще более потрясающий вид. Но... что-то было не так. Чего-то не хватало.

— Позвольте вашу накидку? — Ко мне подошел елеинного вида молодой служака в черном смокинге. А ведь я мог быть на его месте, ну или где-то рядом.

На корабль все летели в различных накидках: то ли владельцы лайнера не хотели, чтобы гости запачкали свои костюмы, то ли боялись, что те замерзнут, а потому, по прилету, все могли скинуть накидки и наконец похвастаться видом своего дорогого костюмчика и выставить на показ свои миллиарды. Я не был исключением.

И вот я гордо скинул накидку в руки челяди и тут же уловил на себе недоумевающие взгляды. Мне хватило буквально секунды, чтобы понять свою глупость. Я, наконец, понял, что было не так. Белые. Все вокруг были белые. То есть в белых костюмах, а я, разрази меня гром, был в черном как смоль костюме-тройке. Как и швейцары, окружающие меня, хотя у них и не было жилета, как у меня, а только рубашка, но кто будет вглядываться, во что одета прислуга? Я был на чертовом Sensation White для буржуев, которых должен был незаметно,

тайно и не привлекая внимание грабануть. И что же я сделал в первую очередь? А в первую очередь я стал центром внимания для тысяч глаз и камер. «Молодец, — похлопал я себе в душе. — Мо-ло-ДЕЦ». Дело слегка осложнилось.

Спустя примерно час и пары десятков обращений ко мне, как к прислуге, я, так и не успев рассмотреть все великолепие лайнера, наконец-то нашел бар. В брошюрке, выданной мне по прибытию, было написано, что всего на корабле двадцать три бара различной направленности (и это не считая ресторанов, которых еще больше), и даже несмотря на преимущество белого цвета, были бары в стиле стимпанк, готика и средневековье, в которых я в своем черном облачении был бы как дома, вот только в брошюре не хватило места для точных координат, а по информативным картам просто невозможно было ориентироваться. Но мне срочно надо было выпить, и я таки нашел один бар на третьем этаже, возвышающемся как раз на уровне большой «капли» фонтана, из-за чего так называемое питейное заведение было стилизовано под нее. И черный ворон вошел в белый курятник, собрав на себе все взгляды посетителей. Хотя я и мало чем отличался от прислуги, на которую практически не обращали внимания, пока они не были нужны, я почему-то сразу приковывал к себе недовольные взгляды «светлой элиты».

— Пива, — заказал я бармену.

— Темного? — спросил тот, сдерживая улыбку. Он сразу понял, что я не из прислуги, глаз наметан, но все равно не смог сдержаться от порыва усмехнуться надо мной. Я почувствовал себя новичком в модной частной школе, который из всех попал туда не по благу, а благодаря собственному уму.

— Да, шутник, темного. — Я решил не поднимать бузу, потому что богачи если и устраивают скандалы, то лишь с двумя-тремя телохранителями за спиной, я же решил ограничиться аристократическим высокомерием, мол, я выше того, чтобы скандалить с какой-то прислугой, при условии, что так оно и есть.

Холодное и вкусное пиво тут же появилось передо мной. Сервис на уровне, подумал я, даже если меня и приняли на низший слой высшего сословия. Большими глотками я выдул кружку и, заказав еще пару плюс орешки, сел за небольшой столик у стены. Пусть я и походил на шалманщика, но хотя бы в этом я был самим собой. Запах пива перебивал смрад туалетной воды и одеколona, витавший в воздухе приторной сладостью.

Я был уверен, что такое же пиво в баре, в котором я сидел вчера, было в разы дешевле, но на цены не смотрел. Во-первых, было бы странным, что богача, коим я должен представляться, вообще заботила бы цена, а внимание сегодня я уже успел привлечь, поэтому надо было «залечь на дно». А во-вторых, — я был богат. Не то, чтобы прям очень, но теневые сделки приносили неплохой доход, а я был не последним наемником в городе, да и во Вселенной вообще, так что без работы не оставался. Иногда работал на себя, но чаще на других. И эти другие построили мне отличную репутацию, что в свою очередь поднимало цену на мои услуги в разы, но никто не жаловался, ведь в большинстве случаев я выполнял работу до конца и получал свои барыши. В остальных случаях входило предательство нанимателя. Но это ерунда, вначале эта цифра была куда больше, но со временем предатели платили по счетам, хотели они того или нет, а молва об этом разносилась эхом. А я получал компенсацию, иногда превышающую сумму основной оплаты.

Я лакал уже третью кружку пива, темного, как мои штаны, почитывая очередной буклетик, кои были в центре всех столиков в баре. Теперь стало понятно, как работает этот летающий фонтан. «Капля», которая официально называлась «Водяное облако», не просто

так была на высоте третьего этажа. Сбоку, в перекрытиях и в столпах между вторым и третьим этажами, находились телекинеры, — устройства, создающие невидимое устойчивое поле, поддерживающие воду в воздухе, и настроенные так, чтобы вода просачивалась в маленькие прорехи, создавая эффект дождя. А чтобы вода не кончалась, телекинеры на дне небольшого бассейна под фонтаном также направляли струи вверх в «каплю», а цветомузыка же как раз не позволяла невооруженным взглядом увидеть все тонкости этого процесса. А я как быдло сидел в баре и пил пиво, которое за сотни и сотни лет, как и любой другой алкоголь, уже приелось моему организму, поэтому эффект опьянения от него действовал совсем недолго. А вот эффект на мочевой пузырь никто не отменял.

Вернувшись из туалета — где со мной, слава богу, на этот раз никто не заговорил, хотя в одной из кабинок слышались странные звуки, звучавшие совсем неуместно в такой белой и чистой комнате, — я обнаружил, что за моим столиком кто-то сидит. Не то чтобы это было *моим* местом, но на мягком кресле я оставил приличный такой след своей пятой точки. Но я не гордый (хотя нет — гордый, но умею сдерживаться, когда это необходимо), так что решил сесть за соседний столик, и уже проходя мимо моего бывшего...

— Принесите мне еще мартини, — услышал я женский голос и увидел протянутую в мою сторону руку с пустым бокалом, но реагировать не стал. — Эй, вы оглохли? — Она явно обращалась ко мне. Сдержаться я уже не мог.

— Сама принесешь, не сломаешься.

— Да как вы смеете? Я буду жаловаться начальству! — возмутилась она.

— Чьему? — поинтересовался я. Одно дело, когда усмехается бармен моей оплошности, но другое, когда тупые богатенькие мадмуазели в упор не видят во мне равного. Так-то я и не был им равным, даже наоборот, но я умею притворяться, и не моя вина, что кто-то замечает лишь одежду, а не личность в ней.

— Как чьему? — выкатила барышня глаза. — Вашему.

— Ха, — усмехнулся я, — я сам себе начальство.

— Не поняла.

— Что тут непонятного? — Я, наконец, взглянул на базанившую девушку. А ничего так, подумал я, вроде не выглядит такой уж стервой. Я даже немного присмирел. — Нет у меня начальства и все.

— Но вы же официант, — проямлила она уже не таким уверенным сопрано.

— Кто вам сказал такую глупость?

— Но вы же в черном костюме.

— А может, я гот?

— Да готы так не одеваются. — Девушка тоже явно стала спокойнее, и народу, вначале с интересом наблюдавшему за затеявшимся скандалом, это наскучило и они отвернулись обратно к своим собеседникам.

— А может, я интеллигентный гот в дорогом костюме? Почему вам знать, может, у меня под одеждой все в татуировках и пирсингах? — Татуировок у меня не было, они как-то не приживались на моем теле. Я был девственно чист, это если говорить о теле: ни рисунков, ни шрамов, ни даже мозолей на ладонях. Иногда из-за этого у меня возникают неловкие ситуации.

— Вот еще — фыркнула девушка. — Мне только не хватало знать, что у вас под одеждой. Мне достаточно и того, что снаружи. — Она демонстративно отвернулась и поморщилась, но меня не проведешь...

— А может как раз этого вам и не хватает? — Я немного подвинул кресло в ее сторону. — Для полного, так сказать, мироощущения.

— Вы так ко всем девушкам клеитесь или только к тем, кому безразличны? — спросила она, хотя в голосе не было ни нотки возмущения.

— Ха-ха-ха... Если я так уж вам не нравлюсь, что же вы продолжаете со мной разговаривать?

— А я и не разговариваю, я спорю. Это две большие разницы, знаете ли!

— Хм, и о чем же вы со мной спорите? — Я слегка наклонил голову и ухмыльнулся.

— Как о чем? — изумилась она, повернувшись ко мне. В глазах у нее горел огонек.

— Ну вот так. О чем? О моей принадлежности к прислуге? Или о внешнем виде гóтов?

А может о том, что у меня под одеждой?

Она вновь отвернулась, но даже за свисавшими с головы длинными черными волосами, прикрывающими лицо, я заметил тень улыбки.

— Так о чем? — снова спросил я.

Она не успела ответить, к ней подошел молодой человек (так-то для мне все молодые, но по виду ему было лет сорок, что лет на пятнадцать больше, чем ей). Я даже сначала не понял, откуда выполз этот пузан, что для меня не свойственно — я всегда замечаю, что происходит вокруг меня, а тут... отвлекся. Но увидев его, я снова взял себя в руки. Судя по всему, он появился из туалета, хотя, насколько я помню, туда никто после меня не заходил и не выходил. Так вот кто издавал те зловещие звуки рождения Ктулху! Он как-то покровительственно положил свою руку с колбасными пальцами на плечо девушки («А помыл ли он руки?»), — промелькнуло у меня.) и противным голосом протянул, обращаясь к даме, но смотря на меня:

— Он к тебе пристаёт?

— Нет...

— Да, — перебил я девушку. — Пристаю! — Народ вновь наострил уши. — И что?

Толстячок аж оторопел. Он явно не привык к такому к себе отношению. Я это, естественно, понимал.

— Что? Как что? Не понял. Да ты вообще знаешь, кто я? — начал «включать быка» хомячок.

Возле него выросли две глыбы, коих я еще за приметил при входе. Два красномордых (в прямом смысле слова) йофира — раса здоровых быдланов с красной как у вареного рака кожей. Но заметил я их не из-за цвета кожи — на борту было много различных рас всех цветов радуги, — а из-за серой одежды. Только сейчас понял, что серый носили телохранители и им подобные, то есть та же прислуга, только чья-то личная. Я демонстративно их не заметил.

— Знаю! — Я не знал. — А ты знаешь, кто я? — ответил я в такт ему.

— Нет... — отозвался он чуть рассеянно.

— Ну так и не связывайся со мной.

— Да это ты со мной связываешься, шнырь! Парни, покажите лоху, где раки свистят.

Последняя фраза показалась мне нелогичной, но его цепные псы все поняли и двинулись на меня.

Они были профи с годами, а то и десятилетиями упорных тренировок за плечами. А я был бессмертным, и за плечами у меня были сотни лет получения тумачков, и чуть больше их раздачи.

Правый от меня красномордый попытался ударить меня с разгона правой же рукой, довольно быстро для его габаритов, но очень медленно для меня. Уклониться не составило проблем и он, не ожидая отсутствия преграды, начал падать, не сумев вовремя затормозить, но вот левый бугай, который пытался нанести по мне удар, тоже, естественно промахнулся. Промахнулся по мне, но как следует, с того же разгона, как и его брат/друг/коллега, врезал прямо по затылку летящему на землю брату/другу/коллеге, отчего того развернуло прямо в воздухе и он, еще и перевернув стол вместе с зазевавшимися посетителями, отлетел метра на четыре и вырубился. Так-то вырубился он еще в воздухе, но не суть важно. Второго тоже немного занесло, но он удержался на ногах. Ненадолго. Не давая ему времени опомниться, я резко подался к нему, схватил за правую вытянутую руку, потянул за собой, развернулся и резким рывком выкинул двухсоткилограммовую тушуза пределы бара. Она, то есть туша, пролетела метров пять и, проломив хрупкую ограду балкона, влетала в «каплю». Как я и планировал, естественно. Телохранитель, попав под воздействие телекинеров, завис в «Водяном облаке», неуклюже барахтаясь. Йофиры могут задерживать дыхание примерно на час, так что не утонет, а служба безопасности все равно скоро отключит телекинеры и мордоворот будет спасен. Все произошло так быстро, что бармен даже не успел выказать свое недовольство по поводу драки в его заведении и попросить выйти наружу. Для него, наверняка, подобный инцидент первый на его памяти.

Я повернулся к боссу этих вояк, ожидая увидеть на его лице страх, удивление или любую другую отрицательную эмоцию, а на лице девушки радость, благодарность, восхищение, в общем, эмоцию положительную. Но все было наоборот. Толстячок широко улыбался, явно в восторге от представления, а вот девушка, все еще сидя на своем (бывшем моем) месте, опустила голову, и даже за вновь упавшими на лицо волосами я разглядел какую-то раздосадованность и недовольство. Непонятно.

— Потрясающе, потрясающе! — захолопал в ладоши босс только что избитых телохранителей, чуть ли не прыгая от свинячьего восторга, что с его внешностью было вдвойне забавно. — Это просто потрясающе! Никогда не видел ничего подобного! Никогда бы не подумал, что один человек может раскидать моих богатырей, словно слепых щенят.

— Не совсем такая реакция, на какую я рассчитывал, — честно признался я. — Разве тебя не волнует судьба твоих шестерок и особенно твоя собственная?

— Шестерки, они на то и шестерки, чтобы их разменивали — отмахнулся он. — А меня ты не тронешь.

— Это еще почему? — удивился я самоуверенности толстячка.

— Ну, как? Во-первых, я важная рыба. Красномордых ты еще побить можешь, но меня тронуть не посмеешь! — Его уверенность/глупость (нужное подчеркнуть) выходила за все рамки разумного. Я таких встречал не раз, долго они не жили.

— А во-вторых?

— А все. А больше и не надо, — снова усмехнулся он.

— Эй, а кто за это платить будет? — наконец пришел в себя бармен. — Весь бар мне разгромили!

— Запиши на счет Костуна Де Вито Рейнольдса, — ответил толстяк, не оборачиваясь, и обратился ко мне: — Слушай, у меня есть для тебя предложение: становись моим телохранителем! Деньгами не обделю.

Я подошел поближе к толстяку и тихо спросил: — Неужели я похож на того, кому нужны деньги? — После чего резким ударом в нос отправил его в нокаут.

Девушка, до этого просто сидевшая, склонив голову, и не повернувшаяся даже после того, как я вырубил ее... папика? вдруг резко встала и быстрым шагом направилась мимо меня к выходу. Да, совсем не такая реакция...

Решив, что инцидент исчерпан, я тоже направился к выходу, в надежде догнать девушку. Ну и заодно смыться от медлительных секьюрити корабля. Могли быть и порасторопней, подумал я, хотя, вероятно, они просто не могли и предположить, что среди их «элитных» клиентов может возникнуть крупный дебош.

Выходя быстрым шагом из бара — йофир все еще барахтался в «капле», а завидев меня, попытался даже ко мне подплыть, и явно не с дружескими намерениями, — я обнаружил девушку, быстро отдаляющуюся от бара. Я направился за ней, но ее ноги оказались довольно длинными, и мне даже пришлось немного пробежаться, но когда между нами оставалось метров десять, она резко свернула вправо — там был узкий проход на правый край корабля. Добежав до поворота, я остановился. Пусто. Дойдя примерно до середины, я почувствовал резкий рывок за руку и меня тут же затолкали в небольшую складскую комнатку.

— Ты какого хрена там устроил? — Девушка уверено держала меня за грудки и прижимала к стене.

— А что я? — поднял я брови. — Я защищал честь...

— Тебя кто-то просил? — перебила она меня. — Меня не надо было защищать! Я и так прекрасно справлялась!

— С чем справлялась? — не понял я.

— Ты вообще кто такой? Откуда ты взялся? — ответила она вопросом на вопрос, но пиджак отпустила.

— Как кто? Гений, миллиардер, плейбой, филантроп... — ответил я, разглаживая помятую одежду.

— Не надо дурацких шуточек, — сверкнула она глазами. — Никакой ты не миллиардер, миллиардеры так себя не ведут, а судя по тем избитым, на филантропа ты тоже не походишь, ну а если вообще все это устроил, плюс твой костюм...

— Нормальный у меня костюм!

— ... то и гений из тебя никудышный.

— А вот про плейбоя ты ничего не сказала, — улыбнулся я.

— Ты всегда такой?

— А ты? Сначала заигрываешь с парнями, имея папика за плечами, а потом затаскиваешь их в какую-то подсобку (что само по себе не так уж и плохо) и начинаешь предъявлять претензии.

Подсобка. Так много теплых воспоминаний. Таких воспоминаний у меня полно для любого тесного помещения, где можно уединиться. Однако маловероятно, что этот случай можно будет приобщить к тем.

— Этого, как ты выразился, папика я обхаживала больше трех месяцев, пытаюсь стать лучшей его... женщиной, чтобы он взял меня в этот круиз. А ты все испортил! — последнюю фразу она чуть ли не выкрикнула.

— Что значит — обхаживала?

— А то ты не понял. Ты хоть и не гений, но на это мозгов должно хватить.

Конечно, я и так все отлично понимал, но иногда приятно вот так поиграть, притворяясь дурачком, отчего затем умные мысли производят большее впечатление.

— И зачем ты мне все это рассказываешь? Я же могу пойти, например, к охране и

настучать на тебя.

— Не настучишь, — уверенно заявила она, скрестив руки.

— Почему это?

— А потому что ты такой же, как я. Ты не один из этих зажавшихся толстосумов, стремящихся еще больше нажраться и еще больше утолстить свои суммы. Ты ведь тоже не очень законопослушный гражданин? — Вопрос прозвучал как утверждение. — Я это сразу поняла. Богачи вроде Костуна никогда не подкатывают к девушкам, — они просто берут и пользуются. Без вопросов. Они никогда никого не защищают, кроме себя любимых, и это не говоря о том, что из них драчуны, как из меня светская львица. А еще они не портачат с костюмами.

— А вот сейчас обидно было. Достали меня с этим костюмом уже.

— Ты мне испортил три месяца работы.

— Почему испортил? — спросил я немного удивленно. — Могла бы с ним остаться и дальше играть. Ты ведь сама ушла.

— Ты его просто не знаешь, — покачала она головой. — Его лишь однажды в жизни били. В детстве. Его младший брат, который еще тупее, чем он сам. И с тех пор он решил, что его никогда никто больше и пальцем не тронет, потому и завел себе больших и страшных дяденек за плечами, этих сеньоров Помидоров. Он сейчас очнется и обозлится на целый мир, а потом просто улетит с лайнера. Скорее всего, в какую-нибудь дорогую больницу, лечить свой нос и все остальное, что отбил.

— Да я ж слегка ударил. Там даже перелома нет.

— Я ведь тебе говорю: его не били с пяти лет. Для него это просто катастрофа. И для тебя тоже, кстати. Он будет тебя искать. Так что жди гостей. И это будут не красномордые йофиры, а кто-нибудь посерьезней.

— Я не боюсь. А ты? Не боишься, что просто сбежала от него? Она лишь усмехнулась:

— Он когда кровь из носа увидит, обо мне даже и не вспомнит. У него таких, как я, — вагон и маленькая тележка.

Помолчали.

— Теперь твоя очередь, — сказала она наконец.

— В смысле?

— Давай, говори, какого черта ты тут забыл? И не надо ля-ля, что ты простой богачей и пришел поразвлечься. Говори-говори, ты мне должен.

И я все же поведал ей о том, что я наемник и что прибыл на этот корабль для ограбления. А точнее, меня наняли, чтобы украсть одну вещь — шкатулку. В инструкции не было написано, как она выглядит, но зато сказали, где ее можно найти: в номере 1408. А еще строго-настрого запретили в нее заглядывать. Что я с этого имел? Несколько десятков тысяч толстосумов, богачей и плутократов, набитых как килька в банку на этом вылизанном сверху донизу судне. И тут всплывает резонный вопрос: а почему я раньше не обчистил это потрясающее судно, бороздящее просторы Вселенной? Все просто — мне было лень. Даже не то чтобы лень, просто не было особого желания и резона. Как я уже говорил, деньги для меня не были проблемой. А тут контракт. Почему бы и не взяться за столь грандиозное дело? Про последнее я все же умолчал, пока незачем ей знать, что у меня кругленькая сумма в банке. Мало ли что. И все я этой ей поведал, сам не зная почему. Наверно, как-то понял, что она не выдаст, ведь мы чем-то похожи. А если и выдаст — кто ей поверит? Без Костуна она была здесь никем.

— Я хочу в долю, — сказала она, как только я замолчал.

— В долю? — удивился я. С нашей судьбоносной встречи не прошло и получаса, а она уже столько раз успела меня удивить.

— А что? Ты мое дело загубил, так что должен мне как минимум альтернативу. Да и не унесешь ты все равно все богатства. Ты сам говоришь, что тут десятки тысяч гостей. Ты всех и за целый год не оберешь. Так что не жадничай.

— Что ж, — сказал я после короткой паузы, — вполне резонно. Так уж и быть, я согласен на совместную работу. Можешь брать все, что захочешь, кроме шкатулки, конечно.

— Согласна, — кивнула она и протянула мне руку, которую я тут же пожал, хотя и не любил этого.

— И еще одно условие, — заявил я ей, — если мне что-то понравится из украденных тобой вещей, я это забираю.

— Хм, а что тебе может понравиться? Может, я тогда и не буду это брать, чтобы зря не тащить.

— Тащи все. Там разберемся, — сказал я. А вдруг она и правда найдет что-нибудь интересное? Даже если и нет, она должна уяснить, что среди нас главный я, а она лишь прилипала, и основная добыча принадлежит мне.

— Ну, хорошо, — согласилась она, даже не попытавшись затеять спор.

— А, кстати, ты так и не сказала, как тебя зовут.

— Ты тоже.

— Я первый спросил.

— Ну, тогда жди моего ответа.

Вначале я хотел отдохнуть: недельку, две, может, даже месяц. Не часто у меня выдаются свободные деньки. Хотя нет, вру, свободных дней у меня бывает много, но провожу я их обычно в местах злчных и мрачных, куда не сунется простой обыватель в страхе нарваться на нож. А мне нормально, особенно потому, что обычно я похож на того, у кого как раз и будет в руке этот нож. Небритый, взлохмаченный, ругаюсь матом, не самого чистого вида плащ или пальто, в зависимости от погоды, под которыми может быть все, что угодно: от того же ножа до автомата. Не то чтобы мне нравилось пребывать в таком затасканном виде, но иногда находит. Нет, не депрессия, такое со мной крайне редко случается, а просто хочется чего-то новенького, но обычно все заканчивается чем-то стареньким. Хоть алкоголь на меня и слабо действует, но достаточно большое его количество в купе с крепостью делают свое дело. А еще наркотики. Не знаю, можно ли меня назвать наркоманом, но иногда балуюсь. Я бессмертный, мне можно, у меня даже привыкания нет, просто повеселюсь чутка и все, снова как огурчик. Хотя, долго все равно ничего употреблять не могу, ибо вырабатывается временный иммунитет.

Но не об этом речь. Появление поначалу загадочной девушки слегка нарушило мои планы. Она хотела закончить все быстро и свалить, и не упускала случая непрозрачно намекнуть, что ее планы нарушил именно я, так что я теперь ей должен, и чем раньше долг будет «выплачен», тем лучше. Лучше для нее.

— Так какой, говоришь, нам нужен номер? — поинтересовалась она.

— 1408.

— А, ну да. Хорошо, что ты сменил тот ужасный костюм.

— Какая ты жестокая. — Я демонстративно опустил голову и надулся.

— Не я такая, работа такая. Ты был слишком приметным.

Мы шли по одному из верхних этажей, на котором должен был находиться искомый номер. Костюм я предварительно сменил, купив новый — белый — в одном из множества бутиков, находившихся на одном из уровней корабля. Девушка лично его выбрала, причем мне пришлось перемерить десятков ни чем, по моему мнению, не отличающихся пиджаков и брюк. Она, кстати, тоже сменила свое узкое платье на более удобное. И теперь мы оба шли в белом, словно невеста и... жених без чувства вкуса. Не люблю белый цвет, он слишком легко пачкается, а работа у меня грязная. На плече я нес небольшую сумку, в которой протащил немного оружия и инструменты для вскрытия замков, сейфов и черепов. Будучи при деньгах, на борт можно было пронести хоть атомную бомбу, никто бы не стал тебя обыскивать. Если бы я следовал первоначальному плану и стал официантом, то на этот случай в инструкции описывался детальный план проноса инструментов на борт, но это заняло бы больше времени, а риск бы возрос.

— А то я, блин, не заметил, — съязвил я.

— Так чего вырядился, как на похороны?

— Откуда мне было знать, что здесь неделя косплея снега? — В данном случае мне бы подошел образ черного пепла.

— Ты же вроде говорил, что профи. Надо было лучше узнать о месте, в которое навевываешься, чтобы обокрасть целую толпу народа.

И это мне говорит та, что целых три месяца обхаживала толстого толстосума, которого я

бы обчистил за пару минут, не говоря уже о том, что у меня опыта в разы больше, пусть она об этом и не знает. Не люблю я, когда меня поучают.

— Во-первых, у меня были подробные инструкции, в которых ни слова не было о цвете одежды. — На самом деле, я их так и не дочитал. — А тратить время на поиски ненужной мне информации я не люблю. Если есть инструкции, я тоже им следую. — Про то, что я первоначально должен был быть прислугой, я тактично умолчал. — И если заказчик упустил важную деталь, я требую надбавку, что и собираюсь сделать после выполнения заказа. — Так-то нет, я собираюсь для начала поискать в бумагах упоминание об одежде.

— Все с тобой ясно. Ну, а во-вторых?

— А во-вторых... А во-вторых, девочка, не надо со мной, как с дурачком, у меня опыта в тысячу раз больше, чем у тебя. Я вначале хотел немного отдохнуть, так как в контракте не указаны точные сроки выполнения заказа, а вот потом уже заняться делом, которое я бы и без тебя начал с покупки нового костюма, более подходящего для антуража.

— Все, все, я поняла, — подняла девушка руки, мол, сдаюсь, — не надо так злиться. Я злодейка, я все поняла. Помешала Робину Гуду свершить его благородное дело. Беру всю вину на себя.

Она так и истекала неприкрытым сарказмом. Почему все женщины такие... такие... женщины. Они всегда находят способы указать тебе твоё место, при этом сами решают, где оно должно быть. Из-за её болтовни мне уже самому захотелось поскорее завершить дельце и свалить куда подальше, пока она не возомнила себя хозяйкой бала, к чему уже была близка.

— Вот давай только без сарказма и иронии, — сказал я. — Мы даже ещё дело не начали, а ты уже начинаешь.

— Опять я виновата! — всплеснула девушка руками. — Вообще-то, пока ты там костюмы мерил и любовался в зеркало («Сама же меня заставила переодеться, и не один раз! — зло подумал я, но промолчал»), я уже сделала полдела.

— Как это? — удивился я. Похоже, она уже все взяла в свои руки, и если все провалится, то виноват, естественно, буду я.

— На каждом уровне лайнера есть стойки регистрации. Так вот, я подошла к одной из них и попросила, чтобы нас выписали из наших старых номеров и дали новый двухместный где-нибудь в промежутке между 1400 и 1410, мотивируя это тем, что ты крайне суеверный. Именно поэтому я и сказала тебе забрать из номера все свои вещи. Странно, кстати, что ты с собой только одну сумку с инструментами захватил, если собирался остаться тут на продолжительное время.

— То есть как это выписала? Никто же кроме самого постояльца не может выписать его из номера.

— А я представилась твоей женой — хмыкнула она самодовольно, словно делая мне одолжение. — Мол, мы только что поженились — здесь, кстати, есть неплохой храм на верхних ярусах — и хотим провести первую брачную ночь в своем общем номере. Пара красивых бумажек растворила все сомнения служаки за стойкой.

Хоть она и говорила практически равнодушно, но... мне показалось или она немного покраснела? Все девушки такие, как бы они себя не вели, все мечтают о принцах на белых конях. Именно во множественном числе, чтобы был выбор. У меня, правда, был только белый костюм, так что я и принц, и конь одновременно. Такого кентавра вы ещё не видели.

— Быстро ты, — протянул я.

— Это для дела.

— Ты слишком серьезно к этому относишься.

— Так и надо, вообще-то, — поучительно сказала она. Она точно не поверила, что у меня больше опыта. — Кстати, мы на месте: номер 1409. Не знаю, какой умник это проектировал, но дверь прямо напротив двери 1408. Хотя, может это и к лучшему, — удобней следить за перемещениями постояльцев. Кстати, в твоей этой инструкции не было указано, кто живет в этом номере или кто его охраняет?

— Нет. Но зато было сказано, что проникнуть в номер не сложно, а вот с сейфом придется повозиться.

— Это само собой. Куда без сейфа-то?

Номер был шикарным. Просторная комната с диваном у стены справа и креслами вокруг небольшого стеклянного стола в центре. В углу слева мини-бар. А главное — окно. Огромное окно на всю стену, открывающее вид на космос. Маршрут круиза проходил лишь по одной галактике, а точнее, лишь по небольшой части этой галактики, ведь никакой жизни не хватит, чтобы пролететь через все «молочное кольцо»... ну, не считая кое-кого вам небезызвестного. И как раз сейчас мы проходили мимо скопления астероидов, что для обывателя выглядело довольно уныло: просто огромные камни в невесомости. Мне, по крайней мере, было скучно, девушка тоже лишь мельком взглянула в окно. Справа в углу находилась дверь в спальню. Большая двухместная кровать с телевизором напротив и зеркалом на потолке. Зеркалом прямо над кроватью, отражающим все, что происходит в постели...

— Ты спишь на диване. — Голос девушки вывел меня из мира грез.

— Что? Почему? — Я все еще витал в облаках и не смог или забыл сдержать странный тембр голоса, будто обиженный. Она это расслышала.

— По кочану!

— Тогда нафига взяла номер с двухместной кроватью?

— Потому что мы, типа, женаты. Это было бы слишком подозрительно, если бы я взяла номер с двумя отдельными кроватями. Да и нет здесь других.

— Ладно, не важно. Но мы же взрослые люди, можем и в одной постели поспать...

— Диван, — твердо сказала она и выпроводила меня из спальни.

Заняться делом было решено завтра. Хотя в космосе и нет заходов и восходов солнца, но на лайнере зато было свое собственное время, и в данный момент часы показывали шесть после полудня. Примерно часов в восемь мы заказали ужин в номер, молча поели и разошлись спать. Завтра предстоял долгий и сложный день.

Пусть мы и собирались встать пораньше, но сон ко мне никак не шел, зато напали предсонные думы, из-за чего я заснул примерно за два часа до начала «операции», хотя это не было проблемой из-за моей способности приспособливаться. Я мог вообще не спать сотни и тысячи лет, и был бы всегда свеж и бодр, но... Вы когда-нибудь не спали очень долго, например, дня три? Глаза слипаются, в голове туман и вата, ноги передвигаются на автомате, а единственное желание — СПАТЬ! Лечь на мягкую кроватку с мягкой подушкой, накрыться облачным одеяльцем и провалиться в небытие с приятными снами про пони, радугу и розовую травушку-муравушку. Я такого состояния не испытываю, но зато я испытываю радость от просыпания. Не эту саркастическую радость от просыпания в шесть утра от трели будильника, мол, «О, понедельник! Наконец-то! Как же я рад проснуться ни свет ни заря и пойти на любимую работу!», а настоящую радость от естественного пробуждения. Это действительно удовольствие, и я не отказываю себе в свободное время

вздremнуть, чтобы потом приятно проснуться в хорошем настроении. Иронично, но из-за дум о приятности сна я никак и не мог заснуть. А может, истинная причина была в другом. Может, истинная причина мирно спала за стенкой. Или не спала? Прислушался — тихо.

Проснулся я резко и, как это часто бывает, забыл почти обо всем, о чем думал перед сном, кроме приятного пробуждения, которого на сей раз не было. Бывает и такое. Я резко открыл глаза, резко поднялся с дивана и нестройным шагом направился в душ. Вот вам еще одна ирония — я мог не спать вообще никогда, и был бы бодрячком, а вот спросонья все равно неадекват, как и большинство других живых существ. Ничего не вижу, ничего не слышу, где я вообще, черт возьми? Так и вошел в ванную комнату. Открыл дверь помещения, открыл полупрозрачные дверцы душевой кабины (кто вообще додумался делать дверцы душевой кабины прозрачными? Вообще... молодец он!), а там... А оттуда душевым шлангом по голове (кто вообще додумался делать насадки на душевые шланги металлическими? Не правильно это как-то... и больно) и тычок в грудь так, что я поскользнулся и треснулся задом о плитку пола! Освежающе, ничего не скажешь.

— Ты совсем дурак? Чего в душ лезешь? — гаркнула она.

— Ну хоть не в душу, скажи? — усмехнулся я в ответ.

— Очень смешно.

Я сидел мокрый на диване и ждал, пока она выйдет из душа. И вот она вышла. Я знал, что сейчас мне опять достанется и потому заранее смирился.

— Или решил действовать наскоком? — она ехидно усмехнулась.

— Я просто хотел в душ! Кто ж знал, что ты так рано просыпаешься? — Похоже на дешевые оправдания, да? Похоже!

— Так там дверцы душа прозрачные. Ты не видел, что там занято? Да и шум воды не плохой подсказчик.

— Да я даже проснуться не успел, где мне там детали высматривать? — А ведь если бы был чуть пободрей, то, может, и высмотрел бы эти самые детали, а так лишь насадка для душа маячила перед глазами.

— Ладно, черт с ним. — Я ожидал большего разноса. — Ты ничего не слышал? Никто не входил, не выходил из того номера?

— Я часов до четырех не спал, но ничего не слышал.

— Я до полчетвертого, — невзначай сказала она.

Возникло подобие неловкой паузы. Что, если она думала о том же, о чем и я? А что, если она и сейчас тоже думает о том же, о чем и я? Надо быстро разрядить обстановку. Скажи что-нибудь. Что угодно!

— Что угодно!

— Что? — вздрогнула девушка.

— Я это... в душ.

— А, да, теперь там свободно.

— Я проверю сначала... на всякий случай. — Да, я веду себя очень естественно...

До самого позднего вечера мы попеременно наблюдали в глазок за соседним номером и прислушивались к любым звукам, но все оказалось бессмысленно. За весь день оттуда никто не выходил и туда никто не входил. Я начал высказывать свои опасения по этому поводу. Была мысль, что этот номер снят чисто для отвлечения внимания, а шкатулка, за которой я охочусь, в совершенно ином месте. А еще я предполагал, что в номере сидит полно охранников с оружием и охраняют эту самую шкатулку, а сам владелец живет в другом

номере и в ус не дует. Но эту теорию девушка опровергла сразу, сказав, что даже охранникам нужно питаться, а в номер ничего не доставляли, ну а я в ответ заявил, что у них может быть годовой запас рамена или что-то в этом роде. Девушка даже в качестве доказательства своей правоты вышла из номера и постучала в дверь, но ответа не последовало. Тогда она залепила глазок жвачкой и вернулась в наш номер. Я и не думал ее останавливать.

— Вот так, — выдохнула она, осторожно закрывая за собой дверь. — Я же говорила, что там никого нет.

— Во-первых, то, что тебе не открыли, не значит, что там никого нет. Я сам неделями сидел в засадах, так что знаю, что настоящий профессионал не поведется на такую примитивную провокацию. И если бы тебе все же открыли, что бы ты тогда делал?

— Сказала бы, что ошиблась номером, — неуверенно буркнула девушка.

— Это тебе не телефонный звонок. Тебя бы мгновенно затащили в номер, и только бог знает, что бы они с тобой сделали, выясняя, кто ты такая и действительно ли ошиблась номером.

Я бы так и поступил, если бы вообще открыл дверь.

— А во-вторых? — пробубнила порозовевшая девушка.

— А во-вторых, цель не оправдывает средства. Если бы тебя схватили, мне бы пришлось тебя отбивать, а по-тихому у меня бы не вышло. Весь план полетел бы к чертям. Ты как будто в первый раз, честное слово. — Наверно, я переборщил, но лучше научить теории сейчас, чем потом спасать ее от практики.

— Я поняла, извини, — девушка еще сильнее зарделась и скривила губы, что было видно даже с опущенной головой и прикрывающими лицо черными волосами.

— Ладно, и ты меня. Переборщил маленько.

— Да нет, ты абсолютно прав, — подняла она на меня глаза.

— В чем именно?

— Во всем. Я действительно поступила глупо, слишком топорно и нетерпеливо. А еще... это и правда мой... первый раз. Я никогда раньше никого не обворовывала.

— Это как это? — вытаращил я глаза. — А тот потный Винни как же?

— Он-то как раз и был моей первой жертвой, точнее, должен был им стать, пока...

— Пока я все не испортил, — закончил я за нее. Даже извиняясь, она сумела напомнить мне и о моей якобы промашке. — И ты что же, никогда раньше никого не обворовывала?

— Ну, так, по мелочам. В магазинах там еду воровала, одежду и все такое, что можно было продать. Но прям из кармана никогда ничего не тырила.

— Странная ты. Вроде совсем зеленая, а меня сразу раскусила.

— Просто... просто мой отец тоже был вором. — Девушка уже перестала дуться и стала говорить свободнее, даже румянец практически сошел. — Не таким... гм... масштабным, конечно, но все же. И водился с такой же компанией, вот я и стала на глаз отличать простых граждан от... от преступников. Но воровать я сама не хотела, из-за чего он меня даже иногда бил. Ты ничего не подумай, — быстро добавила девушка, — он меня любил. По-отцовски любил. Но иногда на него находило. А потом он умер...

— Соболезную, — сказал я, но она словно не заметила и продолжила дальше:

— Представляешь, он решил завязать. Всю жизнь воровал, а тут решил завязать. Говорил, что хочет куда-нибудь уехать вместе со мной и начать новую жизнь. На другую планету перелететь мы, конечно, не могли — не было ни документов, ни достаточно денег, — но он сказал, что на переезд в другой город средства он найдет. Решил с друзьями-

ворами ограбить банк. Впервые. Я подслушивала их разговоры в комнате, стоя за дверьми. И вроде план был детально продуман, но что-то пошло не так и его застрелили вместе с остальными уже на выходе. А я осталась одна. Мне тогда было восемь. Ну а дальше все стандартно по сюжету: детдом, побеги из детдома, драки с ровесниками и не совсем, снова побеги и так далее и тому подобное. Но воровать я все равно не хотела, пока однажды не сбежала так далеко, что меня решили больше не ловить.

Я сидел и молча слушал, потому что понимал ее. Когда я убежал из очередного города, где сжигали ведьм и им подобных, а потом еще и из страны, я так же скитался по свету и не редко воровал, в том числе и еду. Это только потом я понял, что могу прожить и без нее, но как и в случае со сном, поглощение еды вызывало огромное удовольствие и чувство... обычности, особенно вкусная дорогая еда, на которую у меня денег тогда не было. Не все ей сказанное было правдой — это я умел отличать, — но часть про нее саму она не выдумала.

— Тогда меня и настиг голод, — продолжала девушка. — Жуткий голод, который я не испытывала до этого никогда. В тот момент меня и накрыло. Я поняла, что отец делал для меня. Точнее, что он делал это ради меня. Чтобы я не голодала и была счастлива, и хотел, чтобы я тоже начала воровать, так как понимал, что рано или поздно он умрет, и я останусь одна, неспособная о себе позаботиться. У него была смертельная болезнь. Он ничего мне не говорил, а я поняла это уже намного позже. Глаза начали вваливаться, он весь осунулся, руки иногда дрожали... Рак, наверно, или что-то в этом роде. В общем, я проплакала, наверно, дня три, а потом решила, что с меня хватит. Я решила добиться всего в этой жизни своими собственными силами. И плевать, что надо было воровать. Многие добрались наверх по головам, воруя и даже убивая, а теперь сидят в теплых креслах и нагло заявляют, что всего добились сами и честным путем!

Последние фразы она произнесла гневно, выплевывая их, даже слезы, до этого льющиеся из глаз, вдруг резко испарились.

— Я «заработала» достаточно денег, купила самое красивое платье, хоть и не в самом лучшем магазине одежды, и отправилась в дорогой клуб, где наметила себе жертву.

— Костун, — догадался я.

— Да, этот толстяк. Я втерлась к нему в доверие и делала все, что он пожелает. Ты не подумай, — поспешила она объяснить, увидев на моем лице отвращения, — ничего такого. У него уже лет пять в штанах сдутый шарик болтается, так что ему не до этого. Точнее, до этого, но... все равно никак...

— Я понял, можешь не продолжать, — спас я девушку от противных подробностей. Противных как для нее, так и для меня.

— В общем, ему девушки нужны лишь для поддержания статуса. Он их... нас... их... каждые три-четыре месяца меняет, в общем. А у меня уже как раз третий пошел. И тут он решил отправиться в круиз. И я посчитала, что это лучший шанс, чтобы его обчистить. Тут столько народу, что он меня и за год не найдет, особенно если я сменю прическу и цвет волос. Он даже имя мое запомнить не мог, что уж говорить о внешности. Описал бы меня как стройную девушку с длинными черными волосами, а я бы волосы отрезала и перекрасила, и ищи-свищи. Тут хоть женщин моей расы и меньше, чем мужчин, но тоже очень много.

— Я уже не так сильно жалею, что вырубил того дяденьку, — усмехнулся я.

— Почему?

— Мне нравится твоя прическа, — просто ответил я.

— Мне тоже, — улыбнулась девушка.

Мы и не заметили, что прошло около часа, а за окном уже... хотел сказать — стемнело. Но мы в космосе, тут за окном всегда одинаково темно, если не пролетать мимо звезды. Мы заказали поздний ужин, опять поели в тишине и пошли спать. Я заснул почти мгновенно, и снилась мне моя жизнь на родной планете. Жизнь, полная беготни, проводимых надо мной экспериментов, сидений в тюрьмах и концлагерях, войн и много другого дерьма, которое глубоко засело в подкорку — не вырубить и топором. И ее жизнь казалась мне такой простой по сравнению с моей, что я даже не понимал, что чувствую. Нечто среднее между сочувствием и завистью. И все это во сне. Я, конечно, мог подкорректировать свой сон — осознанным сновидениям я обучился еще на родной планете, — но не стал. Хотел почувствовать.

Встали мы опять рано. На этот раз я подольше полежал в постели, чтобы окончательно проснуться и избежать неловких казусов. Сходил в душ, разделил трапезу с девушкой и вышел в коридор.

На глазке все еще была прилеплена вчерашняя, уже засохшая, жвачка. Щепотка соли тоже осталась нетронутой — вчера перед сном мы насыпали немного соли на дверную ручку, чтобы знать, открывалась ли дверь ночью. Как оказалось — нет. В номере с вероятностью в девяносто процентов было пусто. Мы решили действовать следующей же «ночью». Даже если там была засада, то максимум, что они могли сделать — убить меня. Точнее, попытаться. Я бы уничтожил любую засаду, но тогда может подняться лишний шум, что нежелательно. Я рассказал свои мысли девушке (не уточнив, конечно, что меня нельзя убить, и это не из-за того, что я уж очень крутой боец), предложив подождать подольше, как и планировал с самого начала, до встречи с ней, на что она ответила: «Ты планировал не следить за номером, а веселиться целый месяц, так что делаем все сейчас!». Я не нашелся, что ответить. И только потом сказал, что в номер зайду только я, а она останется на стреме. На негодование я ответил лишь тем, что это мое задание и что основную работу должен делать более опытный. Она, было видно, обиделась, но согласилась.

Весь следующий день мы провели за просмотром телевизора и поеданием пиццы. Несмотря на то, что девушка старалась выглядеть спокойной, я чувствовал ее тревогу и волнение. С наступлением времени, когда большая часть обитателей лайнера либо спала, либо развлекалась в барах и игорных заведениях, мы приступили к операции. Она была совершенно несложной, учитывая то, что я заранее подготовил все «инструменты».

Для начала, я открыл дверь нашего номера и бросил в коридор небольшой Факсимильный Куб — размером примерно два на два сантиметра полупрозрачный куб, который автоматически подключается ко всем техническим средствам в определенном радиусе. После этого некоторое время (в данном случае — десять секунд) он записывает картинку, которую видят всевозможные камеры вокруг, и звук, а затем заставляет записывающие устройства бесконечно повторять один и тот же зацикленный видео- и звукозапись, пока его не отключишь, если, конечно, не установить автоотключение. Когда камеры оказались под контролем, мы вышли в коридор. Куб я спрятал от возможных глаз в нашем номере, ибо после подключения его нельзя далеко уносить от места активации.

Взломать дверь не составило труда — даже в одном из самых престижных космических лайнеров двери были с замком, открываемым стандартной магнитной картой-ключом. Для профи взломать такой замок, словно отнять парик у лысой старухи.

Я вошел в комнату, готовый ко всему, даже вакуган за поясом на всякий случай, но меня

встретила лишь темнота помещения. Я аккуратно нащупал выключатель, все еще находясь в стойке ниндзя, и включил свет. Ничего не произошло. На не меня не налетели здоровяки охранники, не сработала сигнализация, не выстрелило ружье, одним словом — тишина. Девушку я оставил за дверью, на всякий случай — она просто стояла и якобы что-то писала в телефоне, — хотя мог бы и позвать ее внутрь, тут было безопасно, но решил, что пусть все идет, как идет.

— Ну что там? — спросила она.

— Тшш... — зашикал я на нее. — Не пались.

— Да тут никого нет, а Куб отключил все камеры.

— Все равно, лучше дверь прикрой.

Номер был практически идентичный нашему, только без окна на всю стену, естественно. Наверно, в разы дешевле, подумал я. На поиски и открытие сейфа у меня ушло минут пять, и за это время девушка раза четыре спрашивала у меня через дверь о делах. Я лишь отмахивался. И вот, кейс наконец найден. Да, в сейфе был кейс, а не шкатулка, но номер был абсолютно нетронут, словно в нем и не жили никогда, и лишь серебристый кейс в сейфе выбивался из общей картины. Я медленно отнес его в гостиную, положил на кровать, открыл и... замер, вытаращив глаза и вытянув челюсть так, что она хрустнула.

5:00

4:59

4:58

4:57...

Я закрыл кейс. Потом снова открыл.

4:49

4:48

4:47...

— Ох ты ж ежик волосатый...

Нет, это была не бомба. Хуже. Это был таймер от бомбы. Бомбу можно попытаться обезвредить, а это лишь таймер. Сама взрывчатка может находиться в любой части двухкилометрового корабля, и не факт, что одна. Мой многовековой опыт подсказывал... нет, он кричал мне, что этому кораблю конец. Абсолютный и бесповоротный. Ради маленького взрыва, даже в одном или нескольких двигательных отсеках, всю эту игру затевать бы не стали. Даже если кто-то и погиб бы, то это лишь ремонтники, которых легко заменить, а так — хотели уничтожить кого-то (или всех) из элиты: финансистов, депутатов, членов советов, бизнесменов и даже премьер-министров. Уничтожить моими руками. А может, пытаются убить именно меня? Но если он не знает, что я бессмертный, тогда зачем все эти сложности?

Я выбежал из номера и, схватив девушку за руку, побежал по коридору.

— Валим отсюда! — закричал я.

— Эй! Что случилось? Куда валим?

— Где здесь эвакуационные шлюпки или как они там называются?

— Спасательные шлюпки, — машинально поправила она меня. — И мы бежим не в ту сторону.

Я громко выругался.

— Черт, быстрее туда! — Я развернулся туда, куда мне указала девушка, и побежал вслед за ней.

— Да что случилась?!

— Какая же ты настойчивая! На лайнере бомба! У нас около трех минут! Быстрее!

И вот тут она, наконец, побежала. Такой прыти от нее я не ожидал.

— Так бы сразу и сказал! А то беги, не знаю куда...

— Давай потом, а? — крикнул я ей в спину. — У нас нет времени.

Она была в ужасе, а девушка в ужасе — двойной ужас для всех вокруг. Обычно в таких экстремальных ситуациях у них отказывает мозг.

— Вот тут ты прав, — уже спокойней ответила она, что меня даже удивило. — До шлюпок при таком темпе бежать минут пять, не меньше. Плюс бежать придется через большой зал, где, наверняка, толпа, не протолкнешься.

— Даже если прогремят взрывы, у нас еще может быть время, чтобы сесть в уцелевшую шлюпку.

— Ты ведь ничего об этом корабле не знаешь, да?

— А в чем дело?

— Капсулу можно отстыковать только с наружной панели...

На этих словах мы вбежали в огромный зал, который оказался даже больше, чем я представлял. Он представлял собой высокий атриум с прозрачным куполом вместо потолка, через который был виден космос. Но на любованиe не было времени. Мы врезались в толпу, словно ледокол в полярные льды, расталкивая народ.

— Эй! Аккуратнее! — взвизгнул голос.

— Хулиганье!

— Да как вы посмели? Вы знаете, кто я такой?..

— А-а, моя сумочка...

— А ну стоять! — Это был охранник, или кто у них тут.

— Слушай, служивый, — затормозил я, — на корабле бомба. Может даже не одна.

— Откуда у вас эта информация?

— Да какая, к черту, разница?! — взревел я. — Надо всех эвакуировать, а не стоять столбом, придурок!

— Я бы вас попросил! А то задержу вас за хулиганство и угрозу террористического акта... Подождите-ка! Что-то лицо мне ваше знакомо.

Он полез в карман и достал оттуда планшет, на котором красовался мой портрет. Точнее, снимок с камеры, где я бью кулаком в нос тому толстяку. Значит, и правда решил мне отомстить, зло подумал я. А вслух... А вслух я ничего не сказал, но зато врезал тупому охраннику так, что тот отлетел, попутно сбив с ног пару гостей.

— Да что ж это творится? Среди бела дня...

Что там среди бела творится в космосе, я уже не услышал, так как побежал за далеко оторвавшейся девушкой. Побежал так, как могу только я. Быстро. Нет, правда, очень быстро. Если не знать, никто так сразу и не поймает, что это сейчас было: человек или гепард. Мне некогда было рассматривать народ, но перед стартом я услышал, как кто-то заикнулся о том, что перед тем, как ударить полицейского, я что-то говорил о бомбе. Недалекий ум высшего класса, я не сомневался, быстро сложит два и два, решив, что я какой-нибудь террорист, зато они помчатся спасать свои драгоценные тушки. Может, и спасутся. И расскажут всем о том, что я говорил о бомбе. Эти все тоже сложат два и два, после чего я официально стану преступником номер пять. Но это не важно, так как тот, кто меня подставляет, и так бы все закрутил таким образом, чтобы выставить меня виновным.

Совсей своей скоростью я быстро настиг девушку. Она стояла под небольшой аркой,

знаменующей выход из зала.

— Куда ты запропастился?

— Пытался втемязить местным властям о бомбе, но у них оказались дела поважнее.

— Но, кажется, это подействовало. — Она кивнула мне за спину.

— Потрясающе...

В толпе началась суматоха, анарод стал произвольно расступаться. За нами бежали полицейские в броне и вооруженные до зубов. Услышав о бомбе, они решили вместо эвакуации арестовать «террористов» (девушку я тоже посчитал: все, девочка, попала ты. Сама ведь захотела со мной работать, вот, получай!). Очень умно, отметил я про себя. Среди толпе же все больше нарастала паника. Слова о бомбе, полицейский без сознания и куча вооруженных солдат не оставили даже у самых «догадливых» личностей и толики сомнений в последующих своих действиях. Бежать, бежать и еще раз СПАСАТЬСЯ!!! И мы побежали. Побежали в первых рядах. Побежали от взбесившейся толпы, от серьезно настроенных солдат и быстрее к шлюпкам, которые скоро станут дефицитом.

И тут что-то хлопнуло. Потом еще раз, уже сильнее и ближе. А потом еще раз. Все, словно по команде, замерли. Медленно повернулись. И увидели фиолетовый дым, вырывающийся из вентиляции. И мне в голову пришла гениальная догадка: по всему кораблю установлена не взрывчатка, а биологическое оружие, ну или его аналог. Что ж, тем, кто это сделал, извращенной фантазии не занимать. Мне, почему-то, подумалось, что они следят за всем через камеры, и даже Факсимильный Куб вряд ли поможет.

Я опомнился первый, схватил девушку за руку и побежал. На мгновение даже забылся, чуть не впечатав ее в стену, но быстро опомнился, услышав ее крик.

— Осторожней, скороход!

— Ой, прости! Мы далеко?

— Сейчас будет еще один большой коридор, а в конце выход на эвакуационную площадку.

И коридор был, вот только... Хлопок. И его почти мгновенно заволочло фиолетовым дымом. Что это был за дым, я не знал, но вряд ли он мог мне сделать хоть что-то серьезное, но со мной была самая обычная на вид девушка. Долго гадать не пришлось, ответ пришел откуда-то сзади. Выбежав в предыдущий коридор, я понял, что слово «пришел» было не просто фигурой речи. В начале коридора шла толпа... зомби. Не то, чтобы они были мертвыми, разлагающимися телами, требующими мозг, но они были неадекватные и, вероятно, не контролировали себя. Глаза невидящие, изо рта течет слюна, у некоторых толстяков даже сопля из носа текут, а многие попросту обмочились. Хоть я и сказал, что они шли, это больше было похоже на бездумное волочение ногами. Некоторые упирались в стены, не понимая, почему не могут двинуться с места, другие до крови кусали всех, кто рядом, за руки, шею, а валяющиеся — за ноги. Постоянно возникали какие-то склоки и еще более тупые чем раньше богачи пытались отвесить оппоненту оплеуху или просто ударить кулаком, вцепиться в глотку или волосы, издавая при этом гортанные звуки, как самые настоящие киношные зомби. И то, что сделало их такими, сделало это за считанные секунды.

Они шли медленно, но уверенно. У нас было полно времени, чтобы запустить шлюпку, но лучше поторопиться, так как была еще одна проблема — задымленный коридор. Я вернулся к девушке.

— У нас проблемы.

— Что там?

— К нам направляется толпа зомби. Так что, если не хочешь стать ходячим овощем, лучше эту хрень не вдыхать.

— И что ты предлагаешь? Почти весь коридор в этом дыму. Через минуту и до нас доберется.

— Хм... Есть одна идея, — нахмурился я.

— Судя по твоему лицу, она не из приятных.

— Она пока единственная. Надо тут проветрить.

И не успела девушка понять, как я собираюсь это сделать, я достал вакуган и расстрелял стену слева от нас от начала и до самой противоположной стены, оставив на ней рваные отверстия. Ну, хоть дым оказался не взрывоопасным, о чем я подумал уже после стрельбы. После этого я направил оружие на бронированное широкое стекло справа и сделал несколько точных выстрелов, проделав в нем небольшое отверстие. Дальше за меня все сделало безвоздушное пространство космоса.

Полезный все-таки этот вакуган, очередной раз подумал я про себя. Вакуган — это особое огнестрельное оружие. Хотя большего внимания заслуживают именно пули. Они состоят из особого материала — Никоралита, который сжимается под действием искусственно созданного в оружии вакуума в несколько раз, а при выстреле, попадая на воздух, он мгновенно расправляется и затвердевает. Благодаря этому свойству, в обычном по размеру пистолете — а точнее, в магазине — находится примерно в пять раз больше пуль, чем в обыкновенном короткоствольном огнестрельном оружии. И это не говоря о том, что Никоралит на воздухе намного прочнее и тверже, чем другие материалы, из которых чаще всего делают пули, поэтому им можно пробить даже особо прочное стекло, как в этом лайнере, хотя и не с первого выстрела.

— Ты что делаешь?! — воскликнула девушка.

— Проветриваю! Я ж сказал.

— Нас же выбросит в космос!

— А ты держись крепче. — Я схватил ее правой рукой, а сам вцепился левой в дыры, проделанные в стене ранее.

Как я и планировал, весь дым засосало в проделанное мной отверстие, сделав коридор практически безопасным, не считая, конечно, пытающегося нас поглотить космоса и орды зомби, дышащей в спину. Съесть-то они нас не съедят, но могут вцепиться руками и зубами, не позволяя дойти до шлюпок, а нужно было торопиться. Во-первых, к шлюпкам ведет не один коридор, так что там уже может быть толпа народа, которая заняла все капсулы. Это в лучшем случае. Я, например, ожидал увидеть там толпу таких же слюнявых ходячков. А во-вторых, неуправляемый гигантский лайнер вполне может быть притянут гравитацией какого-нибудь космического тела — мы как раз пролетали мимо неизвестной желто-оранжевой планеты — или неадекватный капитан сам направит громадину на планету, чтобы разбиться к чертовой матери.

Было не просто хвататься одной рукой за раскуроченную стену, которая так и норовила раскрошиться у меня под, а другой держать девушку, которая изо всех сил хватается за меня, чтобы не стать затычкой для отверстия в стекле, при этом еще и идти вперед, ближе к этому самому отверстию. Но все шло по плану.

— Хороша здесь вентиляция, а? — крикнул я болтающейся у меня на руке девушке и подмигнул, хотя вряд ли она это заметила. — Если бы вентиляция отключилась, мы бы могли

уже задохнуться или замерзнуть.

В ответ послышалась отменная брань, и хотя большая часть не достигала моего слуха, я посчитал, что культурные леди таких выражений знать не должны. Я догадался, что девушке не по нутру легкая прогулка по борту корабля в компании со мной.

— Все нормально! — крикнул я ей. — Сейчас все будет.

И буквально через несколько секунд все резко прекратилось. И если бы я не держал девушку, она бы шандарахнулась на пол.

— Что случилось?! — по привычке крикнула она, пытаясь убрать с лица запутавшиеся волосы.

— Нет времени, бежим!

И мы снова побежали. А что случилось? Сработал мой план. В начале, когда я только увидел тех бездумных зомби, я хотел их убить, чтобы не мучились сами и нас не беспокоили, но потом передумал. И правильно сделал. Попав в наш коридор, вчерашние богачи не обратили на ураганный ветер никакого внимания, продолжая нестройно брести вперед. И как только первый из них достиг определенного расстояния до отверстия, его попросту притянуло. И стал он живой затычкой. Но надолго ли? Надо было снова торопиться. Мы выбежали за массивные двери в конце коридора и загерметизировали их изнутри. Код на панели набрала девушка. Я ничего не сказал. А затем мы обернулись. В нас было направлено несколько стволов различного оружия. У одного, я заметил, даже был вакуган.

— Стоять, не двигаться! — послышался голос из-за спин бугаев с оружием. — Слюни текут, глаза тупые, непонятные звуки?

— Нет, — ответил один из направивших в нас оружие.

«Вот у кого глаза тупые».

— Опустите оружие.

Только сейчас я разглядел, что все большое помещение завалено трупами. Хотя пара участков была расчищена. Там стояли маленькие группки из двух-трех человек, один из которых обязательно был телохранителем. Под дверью валялись какие-то тряпки, означающие, что никто из присутствующих кода герметизации не знал. Те, кто направил в нас оружие, были одними из телохранителей, кроме одного. Было видно, что он новенький в рядах полиции, так как руки его тряслись, глаза были навыкате, а пистолет на предохранителе.

— Как вы сюда добрались? — Вопрос задавал, тот же полицейский-охранник (или как они там себя называют?), который говорил и до этого. Было видно, что он опытный. По крайней мере, намного опытнее его напарника, так что до сих пор держал руку на кобуре, а еще, я заметил, что он периодически разминал шею, будто от нервного тика или из-за старой травмы.

— Через коридор, — ответил я.

— Там же газ!

— Так я проветрил.

— Как это — проветрил? — не понял полицейский.

Он явно не доверял нам, хотя, как казалось, такое отношение у него было ко всем. Особенно он зыркал на телохранителей, которые, как и он, имели оружие, что явно ему не нравилось. Вряд ли он боялся, что кто-то решит выстрелить ему в спину, скорее, был просто недоволен, что кто-то может подорвать его власть.

Не успел я ответить, как в двери у нас за спиной послышались удары. Зомби пытались

вломиться внутрь, то ли подсознательно ища спасения в комнате со шюпками, то ли следуя какому-то своему бессознательному порыву. Так или иначе, двери были достаточно крепки, чтобы их сдержать.

— Взял и проветрил, — раздраженно ответил я, повернувшись обратно. — Какая разница? Лучше скажите, почему здесь дыма нет?

— То есть вы ворвались сюда, даже не зная, безопасно ли здесь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Да как бы выбора особого не было. Будь здесь газ — я бы и здесь проветрил. — Это было маловероятно, потому что окон в помещении не было. — А будь здесь толпа зомби — так мы тоже не с пустыми руками, — сказал я, потянувшись за пояс.

Бух! Выстрел! Один из тупых телохранителей выстрелил прямо в меня. Промахнулся, конечно.

— Нервный какой, — спокойно сказал я, но на всякий случай доставать вакуган не стал.

Вакуган! Я узнаю этот звук выстрела из тысячи. Стрелял как раз тот, у которого был вакуган. Я покосился на то место, куда попала пуля. Дырочка. Небольшое отверстие, из которого начал просачиваться фиолетовый дымок.

— И-ди-от, — медленно проговорил я по слогам, отходя от дверей.

— Зачем ты стрелял?! — пришел в себя полицейский. — Тем более из вакугана! Знаешь, какая у него пробивная сила? Ты дырку проделал!

— А я что? — тупо забасил охранник. — Он потянулся за оружием. Все по инструкции. Я защищал хозяина.

— Да кому твой хозяин сдался?..

— Я бы попросил... — начал толстячок, но полицейский его даже не услышал.

— Мы из-за тебя все тут можем погибнуть! Хочешь стать такими, как они? — Он указал двери, за которыми толпились бездумные полутрупы. — Или как они? — На этот раз он показал на трупы вокруг.

— Я действовал по инструкции, — тупо повторил громила, начиная злиться.

— А-а, что с тобой говорить? — махнул рукой полицейский. С виду махнул небрежно, но по глазам было видно, что побаивается верзилу. Мало ли что этому балбесу в голову взбредет, может и прибить по инструкции. — Подожди-ка! — посмотрел он на меня с прищуром. — Где-то я тебя видел.

— Да это же он! — крикнул один из стоящих на расчищенном от тел участке толстячков. Нос его напоминал перебинтованную картофелину, а под глазами чернели синяки. В руках он сжимал платок, прислоняя его ко рту, чтобы не дышать грязным воздухом. — Ах ты гад! Это ж ты меня ударил!

Приплыли...

— Арестуйте его, господин мент! — обратился он к стражу порядка. — Он меня и моих ребят побил! А еще мою девку украл!

Девушка зло на него посмотрела, но ничего не сказала. Такую украдешь.

— Вспомнил! — вскрикнул полицейский. — Это же ты про бомбу орал! Нам на тебя ориентировку присылали!

И когда успели? Видимо, они носят с собой планшеты, на которые и присылается информация. Этак они минуты за две успели вытащить из видео мое изображение и переслать всем полицейским на судне. Быстро работают, хотя странно, что меня не нашли, когда я разбил нос толстяку.

Полицейские достали пистолеты и направили их на нас, хотя девушка формально была не при делах. Телохранители на всякий случай повторили маневр.

— Вы что, все с ума посходили?! — впервые подала голос девушка. Громко так подала, из-за чего все внимание переключилось на нее. — У нас тут за дверью толпа тупых зомби и дыра, через которую просачивается дым, способный сделать нас такими же овощами, а вы тратите время на бессмысленные разговоры о том, как мы сюда добрались и на какие-то склоки! Вы хоть понимаете, что если мы здесь останемся, то все сдохнем к чертовой матери?!

Наступила тишина. Полицейские, видимо, пытались обдумать слова девушки, телохранители пытались сделать похожее выражение лица, но оружие не опускали. Пауза немного затянулась и девушка продолжила:

— Почему вы вообще еще здесь торчите? Все шлюпки на месте, — она показала на небольшие металлические «дверцы» в стене, которые выглядели, как сдвоенные гробы с небольшими оконцами на уровне предполагаемой головы, а справа от каждой двойной кабинке находилась панель.

— Мы... это... — начал полицейский, вертя головой и потирая шею.

— Мы не хотим умирать! — скороговоркой высказался его молодой ерзающий напарник.

— В смысле?

— Ну... — снова начал старший. — Капсулы управляются снаружи. Поэтому кто-то должен остаться, чтобы отправить остальных в... ну, подальше отсюда. На планету эту, наверно, мимо которой мы пролетаем.

И кто же это такой умный придумал такую систему? Вот так всегда бывает с вещами и людьми: снаружи все выглядит идеально, но если присмотреться, внутри оказывается полно дерьма и мусора.

— И чего? — снова вступил я в разговор. — Ты и оставайся! Ты же полицейский, так что должен защищать простых граждан, даже жизнью пожертвовать, если это необходимо.

Он невесело ухмыльнулся, поудобнее перехватывая пистолет и опасно поглядывая на телохранителей и даже напарника, в общем, на всех тех, кто тоже при оружии.

— Полицейский? — повторил он, хрустнув шейей. — И чего? Я тоже жить хочу!

— Все хотят... — начал я.

— А ты? — перебил он меня.

— Что я?

— Это же ты бомбу заложил, да?

Полицейский, только что бывший спокойным, начал постепенно краснеть и потеть, разволновавшись чуть ли не сильнее молодого коллеги. Переминался с ноги на ногу, повышал где не нужно голос. В общем, резко поглупел. А может, он всегда был глупым, просто умело притворялся.

— Если бы это я заложил, меня бы тут давно уже не было, и я не бегал бы от зомби и ядовитого газа по всему кораблю.

— Но это ведь ты первый закричал о бомбе! Или я не прав?

Логика была железной. Метеорологи не предсказывают погоду, а создают ее. Бритва Оккама.

— Так ведь меня героем надо считать, а не преступником, — усмехнулся я. — Если бы я промолчал...

— Редьку тебе, а не героя! — выкрикнул Костун, и даже сделал шаг, но за пределы

расчищенного от трупов и крови места выходить не стал. — Посмел меня ударить! Террорист, он и есть террорист! Будь моя воля...

— Что бы ты сделал? Натравил бы на меня своих красномордых? Красномордые поморщились, вспоминая, как я их раскидал, но предпринимать попыток мне отомстить не стали. Значит, зачатки разума есть. Но у них было оружие, так что самоуверенность могла пересилить логику, поэтому особо издеваться над ними я не стал — понаделают еще дырок в двери, а отдуваться всем придется.

— Я на тебя другую управу найду...

— Все! Хватит! — Это был полицейский. Несмотря на льющийся по лицу пот и все еще бегающие глазки, голос его звучал уверенно. — Я решил. Так как ты тут самый... самый главный преступник, ты и останешься. Отправишь нас на планету, а сам останешься ждать своей участи.

Сказал как отрезал. Вообще, я самого начала планировал так и поступить, услышав, что капсулу можно запустить только снаружи. Мне терять было нечего. Правда, теперь не очень-то хотелось соглашаться, так как выглядело это так, будто я пошел на поводу у трусливого копа.

— С одним условием, — после небольшой паузы ответил я. — Точнее — с двумя.

— Зачем ты соглашаешься?! — крикнула девушка.

— А есть выбор? Лучше помолчи, я тут договориться пытаюсь. Девушка покраснела, хотя виду не подала, что как-то смущена, пытаюсь делать вид, что просто разгневана. Хотя, скорее всего, и это тоже.

— Слушай своего друга, милочка. Я подумаю об условиях, — сказал он, наверняка даже не осознавая, что сам звучит как террорист, который захватил заложников. Теперь он обратился ко мне: — Только сначала повернись и руки за голову.

Я так и сделал. У меня из штанов вытащили вакуган. И как он додумался так вовремя?

— Так что за условия? — спросил он, не проявляя особого интереса.

— Первое — я скажу девушке на ушко пару слов, — я сказал «девушка» так, будто это ее имя, ведь настоящего я не знал. От нее это не ускользнуло, но она промолчала. Кто знает, может она меня про себя называет парень или мужчина, а может и урод!

— Хорошо. А второе?

— Она пойдет первой. Либо я отправлю ее на планету первой, либо не отправлю никого. И раз уж вы забрали мое оружие, не могли бы вы передать его девушке?

Довольно наглое условие, но выбора-то особого у них и нет.

— Пусть идет первой, мне все равно, но вот оружие. Тут уж извини, — полицейский развел руками, в каждой из которых было по пистолету. Теперь он явно чувствовал себя уверенней.

— Почему? Просто вытащи обойму и кинь в капсулу. Девушка войдет в шлюпку, дверь за ней закроется. Наклониться, чтобы поднять оружие, у нее не получится физически, так что сделать она ничего не сможет.

— Зачем это тебе? — прищурился коп, снова завертев головой, от чего его шея то и дело похрустывала.

— Забочусь о ее жизни. Вы посмотрите на нее, — я театрально показал на девушку. — Она же простая хрупкая девушка. — Просто хрупкая девушка крикнула, но я не позволил ей испортить построенный мной образ: — Мало ли что ее ждет на той планете? Оружие не будет лишним. Может, ты и хреновый полицейский, но хоть капля благородства в тебе

должна быть? Народ, ну, поддержите же меня!

Телохранители закивали и пробубнили что-то невнятное о хрупкой девушке, которую с первой секунды пожирала ее глазами. Даже богатенькие тетеньки и дяденьки что-то озвучили в поддержку моих суждений. И только Костун запротестовал, но он оказался в меньшинстве. Полицейский помялся для приличия, но согласился. Потом я выполнил первое условие, подойдя к девушке как можно ближе:

— Короче, когда приземлишься, — заговорил я шепотом ей на ухо, — собери пистолет. Ты же знаешь, как это делать? — Девушка кивнула. — Так вот, собери пистолет и иди к самой высокой горе или холму, что будет, в общем. И жди меня там.

— Ты спасешься?

— У меня есть план, не беспокойся, — успокоил я ее. — Только никто не должен знать, что я выживу, поэтому сильно не радуйся сейчас, поняла?

— Еще чего! — фыркнула она.

— Вот ты стерва. Ладно, вали в капсулу и делай, как я сказал.

— Хорошо.

— Все! — Повернулся я к народу. — Можем приступать.

— Прощай! — немного театрально обняла меня девушка и зашла в шлюпку.

Я нажал пару необходимых кнопок на панели и отошел. Секунд через пять, которые сопровождалось высоким сигналом, кабина начала «проваливаться» вглубь стены, набирая скорость. Образовавшийся проем перекрыла вторая шлюпка, вывалившаяся откуда-то сверху.

— Раз уж я полицейский, я пойду последним, так и быть. — Какой храбрый муж. — Но не забывай, что ты у меня на мушке, поэтому не рыпайся.

— Я все понял, — поднял я руки.

Вообще, так как девушка уже была в относительной безопасности, я мог бы перебить всех собравшихся, ну, или только тех, кто решит со мной повоевать, но было несколько «но». Здесь были камеры, через которые, я был уверен, тот, кто меня подставляет, следит за каждым моим шагом, и очередная бойня добавит моему недругу лишние доказательства моего причастия к происходящему. Было и еще кое-что. Очень неприятное. Планета, на которую эвакуировались выжившие пассажиры лайнера, скорее всего, была необитаема. Полностью. Я мог не есть вообще, а вот девушка...

После девушки хотел пойти Костун, но я отказал ему в чести, ибо он мог приземлиться недалеко от нее, и его мозг мог бы выдать бессмысленный план мести за ее побег от него. Даже с вакуганом у неопытной девушки мало шансов отбиться от двух йофиров. Так что следом пошла пожилая лысая пара с высокомерным выражением лица. В одну капсулу, предназначенную для двоих, сначала влезла сухопарая старуха, рядом с которой встал телохранитель (не йофир), а за ней, в такой же компании, отправился ее муж уже во второй шлюпке. Потом пошел высокий франт с черными волосами и черными склерами глаз — при этом радужка была желтой, а зрачок опять же черный, — который за все это время, что мы пребывали в помещении, ни разу не изменился в лице и не сказал ни слова. Он тоже отправился в сопровождении. Хотя его телохранитель (не похож, пусть и в сером) был человеком, что странно, при этом выглядел моложе. Потом я отправил еще одного толстяка — куда более потного, чем Костун — с телохранителем. После чего в сопровождении одного из телохранителей Костуна отправился молодой полицейский человеческой наружности, а за ним и сам Костун со вторым йофиром. И я остался наедине со старшим.

— Ты ведешь себя слишком спокойно для того, кто скоро умрет или превратится в овощ

— сказал он надменно. — А может, сначала второе, а потом первое.

— А что еще делать? Бегать и кричать? — Уверен, он бы так и поступил, зная, что у него нет шансов на спасение. — Не сильно поможет.

— Зачем ты девушку отпустил первой? Мог бы повеселиться с ней напоследок, — ухмыльнулся нехорошей улыбкой коп. Если он доберется до девушки...

— Да, все-таки хреновый ты полицейский. Придется тебя убить. Жаль, ты только начал мне нравиться.

Он высадил в меня всю обойму, прежде чем я подошел достаточно близко и сломал ему шею, навсегда оставив на его лице гримасу ужаса. Это я умею. Хорошо, что он решил пойти последним, не пришлось убивать его на планете при всех. И плевать, что там засняли камеры.

Дела сделаны, все улетели. Пора и мне. Я посмотрел на дырку в двери и только сейчас, присмотревшись, заметил, что помещение, в котором я нахожусь, слегка под пеленой. Газ, пока мы болтали, все же проник внутрь, и в довольно большом объеме. Я выругался. Не знаю, что сделает этот дым с организмом в таком относительно малом количестве, но явно не что-то хорошее. Возможно, именно из-за газа полицейский вел себя так агрессивно, как и большинство остальных. А может, у них всех просто такой характер. Не всем нужен внешний раздражитель, чтобы быть ублюдком.

Отправить шлюпу в открытый космос можно было только если она закрыта. Поэтому, не долго думая, я разбил в ней стекло. Пришлось повозиться. Я немного сглупил, выставив смерть мента слишком пафосно и позволив ему потратить на меня все патроны. Простые удары кулаками и локтями не возымели эффекта — стекло оказалось очень прочным. Но мне повезло. На правой лодыжке полицейского оказался прикреплен маленький пистолет, рассчитанный всего лишь на семь патронов. Семь пуль все же заставили треснуть окошко, остальное пришлось доделывать вручную. Я залез в шлюпку, протянул руку через разбитое стекло, нажал необходимую комбинацию кнопок и... ничего не произошло. Лишь противный писк напомнил о разгерметизации «салона». Я снова выругался, на это раз жестче. С минуту обдумывал ситуацию и не придумал ничего лучше, как со всей дури врезать по панели, и знаете что? Сработало! Проломленная панель заискрила, выдала невнятные звуки, но система заработала. Вот это я понимаю — технологии будущего!

Естественно, сломанная система не стала работать так, как надо, и вместо плавного разгона меня ждал резкий рывок, а так как внутри не было никакой герметизации, меня всем телом бросило на дверцу капсулы, и я почувствовал несколько сломанных ребер, а скорость оказалась таковой, что я уж подумал, будто меня выкинет из разбитого окна, хоть оно и было слишком узким, чтобы в него пролезть. Было больно и неприятно, но я знал, что это только начало. Ведь впереди меня ждал открытый космос и падение на планету...

В капсуле, вылетевшей из лайнера, словно пробка из бутылки шампанского, тут же заработали системы ускорения, понесшие меня в сторону планеты. Но была одна проблема. Не знаю, какой умник разрабатывал этот «гроб», но дверца в нем плотно закрывалась только при полной герметизации, а таковой, в связи с отсутствием оконца, не было. И не успел я отлететь от лайнера и разогнаться, как эта дверца распахнулась, и меня выбросило наружу. При всем моем желании я не мог ее удержать, даже если бы захотел, так как из-за поломки системы кабина при полете начала вращаться, но и при относительно малой скорости вращения, центробежная сила была слишком велика, и даже мне не хватило сил удержать дверцу. Хотя, если бы постарался... Но я не мог еще и потому, что был в открытом космосе.

Я успел почувствовать, и даже увидеть, как на моем теле начал появляться тонкий слой инея, а секунд через десять я попросту потерял сознание. Хотя еще через несколько секунд мой организм устранил эту досадную оплошность, заставив вновь очнуться в темноте космоса. Я продолжал по инерции лететь в сторону планеты, готовую распахнуть передо мной свои горячие объятия. Через несколько минут я начал входить в верхние слои атмосферы.

Сначала я почувствовал сопротивление, будто влетал во что-то неосязаемое, но все же осязаемое. Давление, нарастающее с каждой секундой в геометрическом прогрессе, одновременно сдавило и стало разрывать мое тело, в глазах все поплыло, в ушах, в которых до этого господствовала звенящая тишина космоса и стук сердца, начался настоящий фейерверк, порвавший мне перепонки. И тут же я почувствовал тепло, которое мгновенно переросло в жар, и запах горящей плоти. Но продолжалось это недолго, и не успел я подумать, что все очень плохо, как тело не выдержало танцующего внутри и снаружи вальса, и меня разорвало на части. На поджаристые куски, входящие в атмосферу безжизненной планеты.

Даже не помню, когда я впервые испытал подобное чувство. Чувство абсолютной свободы. Когда я сбросил «легкий скафандр» и прибавил скорость. Зато я помню, что испытал тогда, и после, во второй раз, а потом еще и еще. Иногда даже я специально это делал. Только вот длилось это всегда недолго, поэтому я наслаждался каждой секундой бесконечного ощущения... даже не знаю, как это объяснить. Свободы? Неосязаемости? Причастности? Всеведения?..

Я вышел из тела.

Даже не так — я сбросил лишний груз, освободив душу. Или астральное тело. Не знаю, что у меня там. Я, конечно, давно обучился способности выходить из тела на время, но это совсем другое. В этом случае чувствуется привязанность к физическому куску мяса, которое тянет обратно, как ненужный балласт. Но когда от тела почти ничего не остается, я обретаю истинную Свободу, оставаясь в невидимом и неосязаемом облике безликого духа, парящего над Вселенной. Я думаю, что именно так выглядит смерть, и в такие моменты мои мысли уходят далеко в прошлое, когда я думал, лежу перед сном на холодной земле под деревом, о том, кто даровал мне эти силы: бог или дьявол? И тогда я склоняюсь в сторону дьявола, который не дает мне умереть и приблизиться к истине мироздания, ощутить Свободу. Но возвращаясь обратно в клетку телесной оболочки, я вспоминаю, что жизнь не такая уж плохая штука, если перед тобой перекресток из бесконечности путей, и в конце которых

обязательно будет что-то интересное и новое. Ведь Вселенная настолько огромна, что мне и вечности не хватит, чтобы все увидеть и познать, поэтому моя жизнь мне вполне нравится.

Как я уже говорил, моя «Свобода» длится недолго: примерно секунд через тридцать «душа» начинает покрываться коркой новой кожи, отрастают органы, капилляры и нервные волокна. Уйдя в нирвану, я совсем забыл, что нахожусь в десятках километров над землей. Нарастающее новое тело быстро набирало вес, которое, под силой гравитации, начало медленно, но уверенно разгоняясь, нестись к поверхности. А ведь мог потратить время на поиски девушки. Не любой девушки, конечною, а той самой... У нее ведь мой любимый пистолет!

Неминуемо приближаясь к земле, я пытался рассмотреть хоть какие-то следы посадки других выживших, но все тот же умный создатель чертовых летающих «гробов» не предусмотрел сделать автоматический сигнальный факел с каким-нибудь ярким дымом. Человеку, приземлившемуся где-нибудь в пустынной местности, оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь заметил падающий с неба объект и уже бежит на помощь. Но сколько я не всматривался, шурясь от врезающегося в глаза ветра, ничего не видел: ни шлюпок, ни людей. Зато нашел вроде как самую высокую точку этой пустыни, где, по моему совету, меня должна была дожидаться девушка с моим пистолетом.

Посадка была жесткой. Если можно назвать посадкой падение с высоты примерно восемьдесят-девяносто километров — это я по времени падения рассчитал, хотя тут может быть более сильная или слабая гравитация, поэтому я мог и ошибиться. Но не суть важно. Было больно, даже несмотря на то, что я вырубился в тот же момент, как коснулся земли. Очнулся я уже практически целый и невредимый. Встал, осмотрелся, определил примерное направление до той высокой точки, что я видел сверху, и пошел. Через несколько секунд понял, что пятки просто горят от раскаленного песка, ведь обувь сторела при входе в атмосферу. Как и вся одежда...

— Ядрена кочерыжка, я ж голый! Нельзя в таком виде представать перед девушкой. Или можно? Я ж вроде ничего! — И продефилировал по песку. Потом резко остановился, внимательно огляделся — никого нет. Лепота. И пошел дальше.

Но одежду все же найти было надо, хотя бы кустик какой, а там что-нибудь придумаю. Но пустыня была гола, как и я. Если не ошибаюсь, то пустыня являлась глиняной, но при этом сверху потрескавшейся земли лежал примерно полуметровый слой песка, который и выступал в роли сковородки для моих ног. А еще дул сильный ветер, забивая песок во все доступные щели, что подогревало мое желание поскорее найти, чем прикрыться. Но вокруг не было даже кактусов. Поэтому я двинулся в чем мать родила в сторону гор. На самом деле, это была целая горная система, высшей точки у которой не было, а если и была, то найти ее без линейки было бы затруднительно, поэтому я просто двинулся к огромным каменюкам на горизонте. Двинулся я бегом, но не потому, что хотел поскорее добраться до девушки (и вакугана, конечно же), но и потому, что запахло жареным. Моими ступнями. Температура была не меньше пятидесяти градусов, а песок нагрелся и того выше.

Вы когда-нибудь бегали голышом по пустыне в разгар жарчайшего дня в ветреную погоду? Нет? Считайте, что вам крупно повезло!

Конечно, через некоторое время мой организм более-менее подстроился под окружающую атмосферу, но с песком, засыпающим мои глаза, аки Песочный человек, я все равно ничего поделать не мог.

Горы были невысокие и красноватые. Здесь вообще все было каким-то красным, желтым

и оранжевым, даже небо выглядело раскаленным. Далеко на горизонте плыло несколько ярко-красных облачков. Наверно, это все из-за здешнего Солнца, которое, судя по моим знаниям, являлось Красным Гигантом. Под ним ощущаешь себя подопытной мышью в террариуме, над которым светит очень яркий фонарь, от которого не спасают даже сомкнутые веки.

К горам я приблизился, когда светило вошло в зенит, и тут же встал под тень одного из огромных камней, стоявшего чуть наклонившись. Блаженство относительной прохлады заставило меня даже прикрыть глаза и облегченно вздохнуть. Ноги увязали в прохладном песке. Постояв так с минуту, я, наконец, взял себя в руки. Нужно было что-то делать. Оглядевшись, я не увидел никаких следов пребывания человека. Даже если девушка и была здесь, то ей не хватило опыта додуматься оставить хоть какой-то след или ориентир, зато... я учуял слабый запах. Пахло так, будто что-то где-то горело. Вообще, запах я уловил почти сразу, особенно четко, когда расслаблялся под сенью тенистого камня, но подумал, что это запах моих опаленных ног. Ан нет, пахло костром и жареным мясом, только не моим. Щурясь и закрываясь ладонью от бьющих в глаза солнца и песка, которые явно стоворились, я пытался рассмотреть дым. С трудом — ветер не давал дыму густо подниматься вверх — я все же разглядел за горной грядой какие-то следы в почти безоблачном небе. Надо было перебираться на ту сторону.

Сомнения настигли меня сразу, как только я понял, откуда идет дым. По моим скромным расчетам, все спасшиеся пассажиры должны были приземлиться на этой стороне гор, хоть и вдалеке друг от друга, но дым шел с обратной стороны, что меня и насторожило. Вряд ли они полезли через горы, только чтобы разжечь там костерчик. Хотя, я могу и ошибаться. Возможно, я плохо определил направление движения планеты или не учел скорость ветра, который мог отбросить шлюпки в сторону — хотя там стоят системы ускорения и стабилизации, так что это сомнительно, — скорее, это меня занесло не в ту степь. Ну или они решили поискать в горах или за ними что-нибудь, что можно поджечь, чтобы подать сигнал, а теперь ждут... полицейского, а получают только голого меня. И это лишь оптимистичные варианты. В пессимистичных: они могли разделиться из-за взаимной неприязни — ищи теперь иголку в поле, ветра в стоге сена. Или плохо продуманная система «гробов» дала сбой, и саркофаги на автопилоте полетели в одну точку, где и столкнулись, а теперь это был дым от взрыва.

Перейдя через небольшое узкое ущелье между горами, я обнаружил еще две горы, между которыми на это раз было подобие седловины, за которой, по моим ощущениям, и находился источник дыма. А еще был звук. Будто что-то гудело, но так слабо, что если бы я специально не прислушался, то ничего бы и не услышал.

Аккуратно взобравшись на самый верх, я увидел довольно странную картину, какую ну никак не ожидал увидеть не то что в горах, а вообще на пустынной планете.

Передо мной раскинулась небольшая низина, на которой находилось несколько конструкций разного размера и формы. Справа, чуть поодаль, стоял огромный полупрозрачный купол из шестигранных стекол. Кое-где виднелись дыры, а некоторые, особенно большие, закрывались брезентом или были заделаны металлическими пластинками. Влево от купола шел небольшой проход, утыкающийся в еще более странную конструкцию — большое железное здание, из низа которого торчали согнутые «ноги», будто держащие баланс здания, хотя одна из опор была разрушена, как и само здание, верхняя половина которого походила на цветок, будто внутри что-то взорвалось. Обломки валялись на

противоположной от меня стороне здания, явно сваленные туда специально. Ближе ко мне находилось длинное двухэтажное строение, которое тоже не выглядело сильно новым. Левее стоял двухэтажный дом, только немного ниже длинного, при этом будучи каким-то квадратным, и выглядел крепче других.

Костры — а их было несколько — были разожжены правее от длинного здания, и на них жарилась еда. На вертеле были насажены огромные ящерицы не менее трех метров в длину, а неподалеку валялось сразу три пары отрубленных конечностей. Возле ближайшего ко мне костра сидел один человек, который эту ящерицу постоянно и крутил на вертеле. Был он крайне недоволен и раздражен, из-за чего делал работу с каким-то остервенением. Другие повара — еще трое — тоже не были в восторге. Еще правее находились длинные столы и самодельные табуреты, на которых сидели люди. Были они в запесоченных одеждах и ели, видимо, ранее приготовленную порцию мяса. Рядом лежало оружие. В этом, с позволения сказать, лагере было полно народа: мужики разных возрастов, женщины и даже дети. Обычная такая деревушка, не считая крайне необычных строений в крайне необычном месте и на крайне необычной планете.

Хотя больше всего меня удивил транспорт. Самые настоящие машины разных видов. Были они такие же запесоченные, как и люди, но казались довольно современными, просто оказавшимися в непривычной среде. Большинство машин имели откидывающийся верх, покрытый при этом множеством небольших черных квадратных пластин. Солнечные батареи, догадался я. Да, в такой местности это очень полезно. Колеса у них были широкие и большие — удобно ездить по песку.

Я лежал на животе, а задницу мне припекало солнце. Песок, как и ветер, в эту область практически не попадал. Я думал. Было два основных варианта событий. Первый — машины и сидящие за столом люди — в пыли, значит, недавно куда-то уезжали. Могли ли они видеть падающие шляпки? Могли. Возможно, они захватили находящихся в них моих новых знакомых, в том числе и девушку. Второй — они просто катались и ничего не видели. И было три основных варианта действий. Первый — уйти. Не нарываться на бандитов (или кем они себя считают?), а поискать девушку своими силами, ну а если ничего не получится... Второй вариант — налететь, избить, оружие забрать, Людей поискать. И третий — сдать. Мол, я заблудился, одежду отобрали хулиганы, помогите, пожалуйста, накормите сиротинку. И меня либо примут с распростертыми объятьями, накормят и дадут одежды, либо захватят в плен, либо убьют на месте. Если обогреют (в пустыне это не сложно), значит, хорошие, и если остальные с лайнера у них, то все вообще прекрасно. Если возьмут в плен или «убьют», значит, негодяи, отметелю их за милую душу, а потом пойду искать... свой вакуган!

Есть такая поговорка: загад не бывает богат. То есть нельзя ничего загадывать наперед, а то сглазишь. Я не то, чтобы загадывал, но строил различные планы. У меня был выбор. Но никому не интересна семантика.

— Стоять, ни с места! — прозвучало у меня за спиной одновременно с щелчком затвора. Язык был мне знаком, как и всей Вселенной, в общем.

Я попытался встать.

— Ты чо, тупой слишком?! Я сказал: ни с места!

— Но перед этим ты сказал, чтобы я стоял, — возмутился я.

— Ты чо, умный слишком?!

И в знак протеста я получил прикладом по затылку. Отрубился. Ненадолго — секунд на пять. Но придя в себя, решил остаться неподвижным, дабы не нервировать неуверенного в

моем интеллекте аборигена.

Минут через двадцать меня доставили в лагерь. Так долго, потому что в горах хоть и находились тропы, но были они небольшими, а потому нести по ним человека на носилках (самодельных) оказалось проблематично. Я лежал, не двигаясь, молясь не упасть с серпантина, но не потому, что боялся, а потому, что если упаду, то подоспевшие аборигены увидят, что я в порядке, что невозможно для обычного человека. И тогда меня попытаются либо убить, либо жестко поймать и куда-нибудь запихнуть, откуда, по их мнению, я вылезти не смогу. И в этом случае мне придется воспользоваться планом, в котором я устраиваю бойню, а мне бы этого очень не хотелось, особенно в голом виде. Поэтому я мирно лежал, надеясь на опытность несущих меня людей.

В лагере меня бесцеремонно разбудили, выплеснув в лицо стакан воды. Значит, с жидкостью у них тут проблем тоже нет.

Я очнулся.

— Вот ты куда делся, — заговорил крепкий мужик с кучной рыжей бородой. Голос его был низкий и гудящий. Говори он постоянно, я бы подумал, что тот гул я слышал именно из его рта.

— Да никуда я и не девался, — ответил я.

Привязывать меня никуда не стали. Подняли с носилок и опустили на грубый табурет. Зато я был окружен такими же мужиками, но с автоматами.

— Ну как же? — мягко, несмотря на грубоватый голос, продолжил рыжебородый. — В том саркофаге тебя не было — а ты, я так понимаю, тоже упал с неба, — значит, ты куда-то делся.

— Ну, может и так, — пожал я плечами. Судя по взгляду, мой ответ ему не понравился, но я явился сюда не для того, чтобы петь дифирамбы и придумывать правдивые отговорки.

— Почему стекло было выбито? — резко задал он вопрос.

— Я выбил, — ответил я спокойно.

— Зачем?

— Дверцу заело, вот я...

Вообще, дверцу должно было оторвать к чертовой матери, а шлюпка так вообще обгореть даже изнутри при вхождении в атмосферу, да и шлюпка моя слишком далеко, чтобы до нее успели добраться и вернуться назад, поэтому его вопросы казались странными, но я продолжил подыгрывать.

— А как ты это сделал? — прервал он меня. — Стекло там бронированное, киркой не поцарапаешь.

— Так у меня пистолет был. Тут мне даже врать не надо было, стекло-то я в самом деле расстрелял из пистолета. Хотя добил я его руками, так что правда все же была не полной.

— И ты воспользовался им в таком замкнутом пространстве? — поднял брови.

— Так деваться было некуда...

Врать я тоже умею, хотя сейчас не особо и старался. Я все еще думал, что мне делать, а лучшее время для принятия важных решений, — попозже.

— И где пистолет?

— Так выбросил. Зачем он мне без патронов?

— Возле саркофага ничего не было.

— Так я его сначала с собой взял, — просто ответил я.

Я как мог пытался косить под идиота. Из-за таких игр меня часто и принимали за

настоящего идиота, и не верили в мою высокую репутацию наемника. Хотя это зачастую и выручало меня в ситуациях, подобной этой. Не то, чтобы я часто попадал в них, но за свою очень длинную жизнь некоторые ситуации казались настолько безвыходными, что если бы не мой неиссякаемый оптимизм, я бы до сих пор сидел в какой-нибудь камере, где надо мной проводили бы опыты.

— А потом понял, что он мне ни к чему, так и выбросил, — пояснил я.

— Ладно, хрен с ним с пистолетами, саркофагами. Ты почему голый?

— Так жарко же!

Рыжебородый рассмеялся, как и остальные, а потом что-то сказал стоящему ближе всего к нему человеку, тот побежал в сторону длинного здания.

— Складно поешь, — повернулся он ко мне. — Хрен с тобой, отправишься к остальным.

Значит, они здесь! Это я правильный план выбрал, хоть мне и помогли с решением.

Через пару минут прибежал запыхавшийся парень с болотно-зеленой тряпкой в руках.

— Вот, — рыжий протянул мне взятую у парня из рук тряпку, — прикройся. Отведите его к остальным, — обратился он к автоматчикам.

Мне дали время на одевание тряпки, которая оказалась длинной до пят версией пончо, а потом, когда по бокам от меня встали здоровые мужики, положившие с двух сторон свои лапы мне на плечи, а сзади и спереди также встали по автоматчику, меня повели в сторону квадратного здания. Эх, ностальгия.

Этот квадрат, как я понял, оказался смесью клетки для зверей и тюрьмой для всех остальных. При этом для зверей было выделено немного больше места, но это и не мудрено: живность этой планеты (по крайней мере, та, что находилась в загоне) сплошь была громадными существами. Через толстые решетки можно было увидеть и тех шестилапых ящериц, и огромных толстых змей, и больших гиеноподобных животных с массивным прижимистым телом. Хорошо, что я с ними не встретился по пути к горам, а то без оружия у меня было бы не так много шансов с кем-то из них справиться, особенно если бы их было много. С моей способностью я стал бы для них бесконечным запасом пищи.

Как я и предполагал, в просторной, но от того не более комфортной камере находились спасшиеся с корабля. Не считая телохранителей и... девушки.

— А ты что здесь делаешь?! — сразу накинулся на меня Костун. — Ты должен был сдохнуть на корабле!

— Как видишь, я живучий, — развел я руками. Меня толкнули в камеру, явно надеясь, что я рухну прямо под ноги остальным, но моя координация было не хуже, чем у гимнастов, а потому аборигены лишь расстроено хмыкнули и сплюнули на землю.

— Где Санда?! — дрожащим голосом выкрикнул молодой полицейский, схватившись за то место, где должен был быть пистолет с кобурой.

— Кто?

— Мой напарник! Что ты с ним сделал?

Думаю, ему бы не понравилось, узнай он, что я с ним сделал, хотя я все же сделал ему одолжение, свернув ему шею, а не бросив на растерзание зомби или оставив его дышать газом.

— Я? Ничего не делал, — сказал я, выставляя перед полицейским ладони. — Он в конце передумал и героически погиб, спасая мне жизнь.

— Врешь, тварь! — выкликнул молодой полицейский и даже сделал шаг вперед, но патологическая боязнь всего на свете не дала ему совершить надуманное, и он отступил на

несколько шагов назад, повернулся к стене и закрыл лицо руками.

— Думай, что хочешь. А где ваши обалдуи? — обратился я к толстячкам.

— Всех телохранителей убили сразу, как только нас притащили сюда, — ответил второй, более потный толстячок, не дав при этом высказаться Костуну. — А потом унесли их куда-то к той сломанной железной штуки. — Он махнул в сторону башни с «ногами».

— А этот как же? — указал я на того, который, по моим представлениям, был телохранителем черноглазого, и который один сейчас сидел на корточках.

— Да какой из него телохранитель? — высокомерно усмехнулся Костун.

Он, как и все остальные толстосумы, вероятно, считал, что чем больше телохранитель, тем он сильнее. Сказал, а потом посмотрел на меня и как-то резко потупился.

— Хорошо быть человеком, согласись, — хриповато отозвался сидящий на корточках. — Никто тебя не воспринимает всерьез, считая замухрышкой и слабаком, а потому и не обращают внимания.

— А ты, значит, не такой?

Он с самого начала показался мне необычным, потому что обычные люди не могут быть телохранителями у таких, как черноглазый.

— Кто знает, у нас всех есть тайны. — И весело улыбнулся.

— С телохранителями понятно, — сменил я тему, — а где девушка?

Толстячки переглянулись и пожали плечами.

— Не было ее с нами, — впервые за все время подала голос лысая тощая старушка. Она, как и ее муженек, резко контрастировали с Костуном и вторым толстяком.

— Нас всех поймали, а ее не было, — поникшим голосом подтвердил лысый тощий старичок.

— Я так и сказала! — повысила голос жена.

— Я просто уточнил, — сказал еще более поникший муж.

— Ничего ты не уточнил. Сказал очевидное.

— Я просто...

— Ты всегда просто! Одна я всегда сложно и всегда виновата!

В этой паре главенствовала явно жена, что, судя по выражению глаз, доставляло ей невероятное удовольствие. Я бы не удивился, узнав, что до этого у нее было пять мужей, которые скоропостижно скончались от какой-нибудь болезни, которую уже давным-давно научились предсказывать и лечить.

— Лучше б вы молчали, чистое слово, — вмешался Костун.

— А тебя не спрашивали, дэбел, — возмутилась старушка. — И не «чистое», а «честное».

— А при чем тут моя раса? Ты за своей смотри, танэк.

Оба пренебрежительно выплюнули названия чужой расы, словно это было какое-нибудь обзывательство. Названия некоторых рас и правда на некоторых языках было созвучно с чем-то неприличным и оскорбительным, хотя, насколько я знал язык и дэбелов, и танэков, у них ничего подобного не было. Хотя неологизмы можно придумать всегда.

— А что мне смотреть за моей расой? Нам больше миллиона лет, — гордо выпятила острый подбородок старуха. — И наша лысина тому подтверждение.

— У меня тоже есть лысина... — гордо выпятил круглый живот Костун.

— Ха! — перебила Костуна старушка. — Не надо путать отсутствие волос из-за эволюции и простое облысение.

Костун сжал кулачки так, что даже сквозь толстую кожу проступили белые костяшки, и готов был уже броситься и растерзать высокомерную старушку, но тут вмешался другой толстячок:

— Да будет вам, будет, — встал второй дэбел между оппонентами. — Сейчас мы все в одной тарелке. Не надо нам ссориться. Нужно что-то решать. Все мы здесь не бедные, так что предлагаю скинуться и отдать бандитам выкуп. Уверяю вас, если мы так поступим, завтра же окажемся у родных пенатов.

— Не все решают деньги, — впервые заговорил франт. Деньги никого не оставляют равнодушными.

— Как это? — поднял брови толстячок. Он явно не мог смириться с таким высказыванием. — Деньги могут решить любую проблему.

— Это работает только в том обществе, где деньги имеют вес. Здесь же людям важнее не умереть от голода и жажды.

— Молодо-зелено, — усмехнулся толстячок. — Так если деньги есть, то можно и еду с водой купить. Элементарно!

Толстячок скрестил, хоть и с трудом, руки на груди, демонстрируя, что его довод железобетонный, и черноглазый все равно ничего не сможет противопоставить такому аргументу, а потому разговор окончен.

— А вы видели здесь магазины? — спросил черноглазый. Толстячок поморщился.

— Да как тут что увидишь? — поддержал собрата Костун. — Нас же окружили, как крестьяне хлебопекарню. — Поговорки Костуна не отличались логичностью, но произносил он их всегда с таким видом, словно именно на этих жизненных мудростях и вырос, считая их незыблемыми. — Ничего не разглядишь.

— А я вот все разглядел, — подал голос телохранитель черноглазого, вставая с корточек. — Нет тут ни магазинов, ни рынков, а значит, и деньги не нужны. Только если вместо бумаги туалетной! — усмехнулся он.

Толстяк всячески пытался перебороть себя, что явственно отображалось на его запотевшем лице, он не желал верить в подобное, а потому пытался всех вокруг, как и себя, убедить, что выход все же есть, и он именно в деньгах, потому что в его понимании любой вопрос могут решить именно они. Уповать на иное он был просто неспособен.

Он так и не смог придумать никакого довода в пользу своего суждения:

— И... и что вы предлагаете нам делать? Если им деньги не нужны, то что? — поник дэбел, став похожим на толстую копию лысого тощего старичка.

— А разве не понятно? — вскинул телохранитель руками.

— Мне вот все понято, — подал голос и я, радуясь, что разговор, наконец, перетек в нужное русло. Зачастую такой момент приходится ждать часами, выслушивая ермолафию, не имея даже права подать голос, если ты не являешься одним из основных участников диалога или полилога, а всего лишь простой служака. У меня было и такое.

— И что же тебе понятно? — недовольно буркнул Костун.

— Им не нужен выкуп, им нужны мы. Особенно вы, — показал я на толстячков и довольно ухмыльнулся.

— Мы? Зачем? До некоторых доходит, как до жирафов. Толстых таких, упитанных жирафов.

— Вам же только что сказали. Им важны не деньги и ценности, а пропитание.

— И? — хором отозвались непонятливые толстячки.

— Вы как хотите: чтобы вас на костре зажарили, али в водиче сварили? А может, предпочитаете потушиться с пряностями?

Толстячки и старички вылупили глаза и пооткрывали рты, даже молодой полицейский отвернулся от стены и испуганно уставился на меня с таким видом, словно это я сам грозился их всех слопать. Может, даже подумал, что именно это я и сделал с его более опытным напарником.

— Они... они нас сожрать хотят? — запинаясь, спросил толстячок, умело имитируя базедову болезнь.

— Хорошо, что среди нас нет женщин.

Старушка деликатно покашляла, но никто не отреагировал.

— Они дикари! — осенило Костуна.

— Думаешь? — съязвил я.

— Но зачем им нас есть?

— А почему бы и нет?

— Но... мы же... — второй толстячок не мог подобрать слова. — Мы же живые... то есть это, разумные.

— Они тоже, — улыбнулся я.

Никто не нашелся, что ответить. Молчали минуты три. Каждый, наверняка, пытался найти выход в рамках своих скудных познаний, хотя он был более чем очевиден. Во времена жестоких войн на моей планете бывало так, что в плен попадали тысячи людей, а потом их одним за другим убивали, и не другие тысячи, а всего лишь десятки людей, а то и единицы. Просто их боевой дух и жажда жизни были так подавлены, что они не обращали внимания на смерти других, даже стоя в очереди к палачу.

— Тогда почему они сразу же убили наших телохранителей? — спросила старушка. — Они их потом унесли куда-то. Выбрасывать, наверно, как мусор.

— А у них мясо слишком жесткое, — ответил я первое, что пришло в голову. Вероятно, так оно и было. А может, боялись, что эти телохранители, среди которых были довольно сильные расы, попытаются отбить своих клиентов. Даже если шансов было мало, аборигены все равно понесли бы серьезные потери. Возможно, что их отнесли не выбрасывать, а готовить, пока мясо не испортилось на изнуряющей жаре. Либо запихнули куда-нибудь в морозилку, ведь судя по легкому гудению, в лагере все же работала какая-то техника, среди которой могло быть и подобие холодильника.

— А ты откуда знаешь про... мясо?

В ответ я лишь плотоядно улыбнулся. Дэбелы и танэки сделали шаг назад. Молодой полицейский уткнулся обратно в стену, возможно, планируя план мести за съеденного напарника.

Жара и правда была изнуряющей, что больше всего сказывалось на дэбелах, танэках и полицейском-человеке, когда как черноглазый и, что удивительно, его телохранитель не выказывали никакого дискомфорта. Я, естественно, тоже уже давно приспособился. Пусть клетка, в которой мы сидели, и давала тень, но воздух, казалось, замер на месте. Судя по всему, окружающие большую поляну горы препятствовали вентиляции.

— Как я уже говорил, — перебил тишину черноглазый, — наши деньги нам не помогут спастись. Поэтому остается только бежать.

— Бежать? Но как? Тут стальные двери и решетки, а снаружи толпа дикарей-каннибалов.

— Нужно придумать план.

— Какой тут может быть план? Мы обычные люди! — воскликнул Костун, чуть ли не рыдая.

Я, черноглазый и его телохранитель неопределенно хмыкнули.

План был прост, как химический состав клетки. Нужно было выбраться из клетки (ха-ха), раздобыть оружие, сколько получится пробираться незамеченными, а как только нас обнаружат (все решили, что это неизбежно), то как можно быстрее добежать до транспорта, отстреливаясь от преследователей, сесть и уехать куда глаза глядят. Если будет шанс — повредить оставшиеся машины. Основными действующими лицами в операции были все те же трое, что чуть раньше неопределенно хмыкнули. Богатеи, помимо того, что ничем не могли помочь, еще и не собирались этого делать, так как считали само собой разумеющимся, что кто-то должен их спасать: «И желательно — поменьше беготни». Молодой полицейский же дрожал, как чихуахуа, при этом такой же злобный, но ничего не мог сделать без своего оружия. Да и с ним от него было мало толку.

Иолай Савл — а так звали телохранителя черноглазого франта — оказался самым настоящим киборгом! Именно поэтому он сидел на корточках бóльшую часть времени — экономил энергию. Для него не составило проблем раздвинуть решетки, но чтобы пролезли толстяки, три прута пришлось вообще вырвать с корнем, что оказалось шумновато. Но нам пока везло — из-за постоянного буйства зверей во второй части квадратного строения, на любой шум, исходящий от «коробки», не обращали никакого внимания. Охранников же не было с самого начала, — местные никак не могли предположить, что среди нас может найтись тот, кто сильнее любого из животных, не способных толстые решетки даже погнуть.

Еще нам везло в том, что был разгар дня — не уверен, но вроде бы аборигены праздновали поимку обладателей сладкого мяса, а потому нагоняли аппетит, перекусывая огромными ящерками и выпивая не пойми откуда взявшийся алкоголь (или что их там так веселило?), — а потому в длинном здании напротив было пусто, и в окна нас никто не видел. Справа же покоилась куча какого-то металлолома, в том числе и наши «гробики», закрывающая обзор веселившимся жителям пустыни. Было решено пойти налево, в сторону разрушенной металлической башни. Так и сделали. Первым отправился Иолай, аккуратно заглянув за угол, он подал знак, что все чисто. Пройдя до конца следующей стены, мы чуть поодаль увидели подобие стоянки, на которой находилось около двадцати машин. Но до нее было не менее сотни метров, а примерно на середине пути находилась еще одна куча, только состоящая не из металлолома, а из всякой техники. Куча была меньше предыдущей, но мысль, что тут, видимо, постоянно что-то падает с неба, немного угнетала.

— Что будем делать? — спросил Иолай. — Мы трое, может, и добежим незамеченными до кучи, но насчет остальных не знаю. Плюс нам так никто и не попался на пути, оружия отстреливаться нет.

— А если устроить дисперсию? — предложил Костун.

Все посмотрели на него, пытаясь понять, что он имел в виду. Таких умных слов от него никто не ожидал, пусть и примененных в неверном значении.

— Может, диверсию? — догадался я.

— Я так и сказал, — возмутился толстяк.

— Ладно-ладно, не напрягайся.

— Диверсия — это хорошо, — подумав, сказал киборг, — но кому-то придется рискнуть жизнью. Предлагаю выкинуть на произвол судьбы этих толстосумов. — Толстосумы

попытались что-то гневно ответить, но Иолай не позволил им и слова вставить: — Они в пустыне и дня не продержатся. Нечего с ними нянчиться, все равно умрут, так пусть хоть послужат благому делу напоследок.

Самое главное, в его голосе и взгляде не было ненависти, он говорил так, словно это самое обычное дело и единственно верный вариант.

— Я не согласен, — твердо сказал фронт. — Мы должны попытаться выбраться все вместе, а не бросать любого, кто покажется нам обузой.

Иолай развел руками, показывая, что слова хозяина (друга?) для него закон. План рушился на глазах. Очень скоро кто-нибудь заметит, что клетка сломана, а внутри пусто, и тогда нас начнут искать.

— Надо было дожидаться темноты, — тихо сказал я, щурясь на солнце, которое, по моим подсчетам, зайдет за горизонт примерно через час-полтора. Судя по всему, дни и ночи на этой планете довольно короткие.

— К тому времени к нам уже могли прийти, чтобы отвести на ужин. Угадайте, кто был бы главным блюдом? — Иолай покосился на второго толстячка, который побольше Костуна, но тот ничего не заметил, слглатывая слюну, то ли от страха, то ли от разыгравшегося аппетита.

— Тоже верно, — согласился я. — Но вряд ли к нам отправили бы целый полк. Максимум — человек пять, с оружием, мы бы с ними справились.

— И точно! — Иолай цокнул языком. — Что-то я не подумал. Гм... А что нам сейчас мешает так сделать? Пусть толстые, старые и полицейские побудут здесь, а мы вернемся и устроим засаду.

— Кто-то должен остаться, чтобы проследить за остальными, — сказал черноглазый. — Пойдем я и Иолай...

— Ну уж нет. — Я скрестил руки на груди. — Кто тебя назначил главным?

Сам я командовать никогда особо не стремился, но не любил, когда это делали другие. Пусть сначала докажут, что способны.

— Здесь нет главных, — спокойно ответил он.

— Вот именно... э-э...

— Верон Трег.

— Верон Трег, — повторил я. — Ты не захотел использовать этих богатеев как наживку, вот сам и следи за ними, а мы и без тебя справимся.

Иолай посмотрел на босса, тот, немного подумав, кивнул.

Мы чуток переоценили жителей пустыни. За нами пришло даже не пятеро человек, а всего двое. Вырубить немного охмелевших вояк оказалось нетрудно, даже тот полицейский справился бы один. Мы спрятались за кучей металлолома, а как только появились аборигены, — вырубили каждый своего одним ударом и затащили в тень кучи. Оружие было скудным: автомат и простой пистолет. Я взял второе.

Вернувшись назад, где нас уже устали ждать, мы показали небогатую добычу. Иолай передал оружие Верону, но тот сказал, что ему не привычно с громоздким автоматом, а я не отверг предложение поменяться. Оружие, хоть и в малом количестве, мы достали, осталось либо дожидаться окончательной темноты, либо шума по поводу пропажи посланных за нами людей. Минут через пять случилось второе. Кто-то что-то крикнул, кто-то переспросил, первый кто-то опять что-то громко выкрикнул. Началась беготня, как в развороченном муравейнике.

Первый, заглянувший за угол, был с ножом, вырубить его, как и тех двоих, не составило труда. Нож я забрал и засунул в специальные ножны, одеваемые на ногу, которые также снял с руки аборигена, — мало ли. И мы побежали. В шумихе, которую устроили аборигены, нас даже не сразу заметили, и может, мы даже успели бы добежать до машин, но проблема была в белых костюмах. Я все еще был в болотно-зеленом подобии пончо, но вот остальные... Остальные выделялись на красном фоне пейзажа, как Люцифер в церкви. И в нас начали палить, но к тому времени мы уже добежали до кучи техники, за которой и спрятались. Сделав пару выстрелов в ответ, мы показали, что у нас тоже есть оружие, но на жителей пустыни это не произвело практически никакого эффекта. Они палили в нас так, словно у них нескончаемые патроны. Не думал, что в пустыне можно жить так комфортно и со всеми благами цивилизации.

Я решил перестать прятаться и отвлечь огонь на себя. Если все увидят, что я неубиваем, то так тому и быть. Иолай был прав — этим толстосумам вряд ли выжить в пустыне, поэтому они никому ничего не смогут рассказать, Верон с Иолаем не производят впечатления особо болтливых личностей, тем более что и у самих явно есть свои скелеты в шкафу. Полицейский... Потом разберемся.

— Можете не прикрывать! — выкрикнул я и побежал обратно к квадратному зданию.

Удивительно, но несмотря на шквальный огонь, в меня ни разу не попали. А это мне еще босиком по камням неудобно бегать.

Несмотря на задатки интеллекта у рыжебородого (вожак стаи?), остальные казались полными идиотами. Они стреляли по стенам здания, за которым прятался я, по куче техники, за которой прятались остальные, парочка — я заметил — просто палили в небо, приплясывая и что-то выкрикивая, и никто не замечал пару-тройку мертвых собратьев, валяющихся у них под ногами, — не нужно быть гением, чтобы понять, что с ними сделают. Складывалось ощущение, что они просто развлекаются, наплевав на все. Видимо, цивилизация здесь не так прекрасна, как я думал, если еще учесть, что они не брезгают каннибализмом. За все время, что они в нас палили, лишь двое додумались обойти строение, но мозгов на то, чтобы взять подмогу, у них не хватило. Возможно, по традиции самый жирный и аппетитный кусок получает тот, кто убьет чужеземца.

Я среагировал на подкрававшихся сзади аборигенов достаточно быстро. После выстрела в спину. Таким образом, я добыл еще дробовик и пистолет. Добежал обратно я так же без единой царапины. Дробовик отдал киборгу, пистолет — черноглазому. Молодой коп явно расстроился, что его обделили, но я не доверил бы ему даже чеку от гранаты.

— И что это было? — спросил Иолай, как только я вернулся.

— Вечерняя пробежка, — усмехнулся я.

— Я так и знал, что ты не так прост, человек, иначе бы не стал так рисковать, тем более ради кучки незнакомцев. Но что дальше?

Ответ вновь был очевиден, но иногда хочется, чтобы его высказал другой, это дает ощущение отсутствия ответственности.

— Будем прорываться. Я, который не так прост, ты, который киборг, и Верон, который, тоже не так прост, — пойдем «живой стеной», остальные будут прятаться за нами. Если кого убьют или ранят, то тут уж извиняйте, — возвращаться себе дороже. Хотя, если черн... Верон захочет, может потащить толстячков на себе. Лично я — сваливаю. Это к вопросу о том, что я готов рисковать ради незнакомцев.

А вот теперь ответственность за толстосумов, да и вообще всех, с себя снял уже я,

переложив все на твердые плечи Верона, тем более что он особо не выказывал недовольства. Если судить по его лицу, он пытался слиться с местностью, притворившись камнем.

— Рискуешь только ради себя? — спросил Иолай.

— В основном.

— Я стараюсь действовать объективно, — пояснил Верон, сделав пару слепых выстрелов в сторону аборигенов. — Если есть шанс — я им пользуюсь. Но тут ты прав. У нас только один выход. Если кого-то ранят, максимум, что я смогу — добить.

— Очень милосердно, — кивнул я. — Ну что, насчет восемнадцать? Все готовы? Ра-аз... два-а... восемнадцать!

И мы побежали, одновременно стреляя и прикрывая собой тяжело дышащую толпу.

Первым «лег» молодой полицейский. Он запаниковал и побежал не как все, а что есть прыти, обогнав «живую стену», но от пули в бок он убежать не смог. Вот и решилась одна из проблем нашей компании, а я и пальцем не пошевелил. Вторым оказался дэбел, который не Костун, но который больше него, а оттого медлительней. Он спотыкнулся о какую-то железяку и растянулся на земле. Подняться ему помешала пуля в голову. Вот странно, то эти дикари вообще попасть не могут, то убивают первым же выстрелом. Хотя, это, скорее всего, просто случайность. Костун, что удивительно, отличился несвойственной его брату прыткостью. Вот чья жажда жизни пересиливала гены.

Странный шум мы услышали еще стоя за кучей перед тем, как побежать, но не обратили на него особого внимания. Он шел со стороны садящегося солнца, видневшегося в большой бреши в идущих по кругу невысоких гор, а потому увидеть источник не представлялось возможным — светило было слишком ярким и ослепляло. До этого момента.

— Ядрена кочерыжка, — только и прошептал я.

Это был лайнер.

Тот самый космический лайнер, о котором можно было снимать фильм про зомби-апокалипсис, и энд у этого фильма явно был бы не хэппи.

Корабль летел — а точнее — падал, — немного накренившись, оставляя за собой широкую полосу густого черного дыма. Лайнер летел примерно в двух километрах над землей (а учитывая размер, это было сильно) и уверенно снижая высоту, но точно не для того, чтобы мягко сесть — космические лайнеры не были предназначены для полета вне космоса.

Никто не стрелял. Все стояли как вкопанные и наблюдали за необычным представлением. Даже аборигены, явно привычные к падению им на головы всякой дряни, никогда не лицезрели подобных шоу.

— Я не очень разбираюсь в таких вещах... — начал я, продолжая следить за удаляющимся кораблем, но черноглазый меня перебил, одновременно довершив мою мысль:

— Он на реакторе антимассы!

Это было самое эмоциональное, что Верон сказал за все время нашего знакомства, и сказал он это так, что даже глуповатые толстосумы поняли, что это очень плохо.

— Быстрее! — выкрикнул Иолай и побежал к машинам.

Остальные последовали его примеру. Аборигены же продолжали стоять и пялиться в небо. На всякий случай мы взяли три машины: в первую сел я и... Костун, чтоб его, во вторую — Верон и старушка, в третью — Иолай и муж старушки. Вообще, в машине было четыре места, но такой ненадежный транспорт мог сломаться, могло лопнуть колесо, могла кончиться энергия и все такое, поэтому взять побольше машин выглядело разумным

решением. Богачи, очевидно, водить не умели вообще. Первая остановка случилась раньше, чем мы ожидали. Не успели мы выехать за пределы круга гор, как на пути выбежала... девушка!

— Езжайте дальше! — крикнул я остальным, а сам остановился. — Ты, — крикнул я Костуну, — на заднее.

— Почему я должен...

Договорить ему не дал мой удар в глаз, под которым и так светил фингал после моего удара еще на лайнере. Зато он быстро перебежал назад, плача и держась за глаз. Девушка села на место, и я сорвался с места, поднимая за собой целый фонтан песка и пыли.

— Зачем я должен был пересесть? — сквозь нытье промычал Костун, решивший, что сейчас говорить можно и безопасно.

— Будут стрелять — прикроешь.

— Что?.. — Костун быстро высунулся в окно и убрался обратно. За нами гнались.

А может, и не «за», а «от». Но вряд ли аборигены понимали, что такое реактор антимассы, а если и понимали, то вряд ли знали, что он есть у этого корабля.

Сначала была вспышка. Из-за бьющего в глаза красного солнца впереди, она показалась совсем незначительной, но я ее уловил. Если бы кто стоял к взрыву боком, то он бы боковым зрением увидел, что на миг на противоположных концах земли как будто засветилось сразу два солнца: одно уходит за горизонт, другое же рождается прямо на поверхности.

Через несколько секунд взрыв уловили все. Звук был такой, словно в уши кто-то дул со всей силы, а все остальные звуки просто перестали существовать.

— Не смотри! — крикнул я девушке, которая собралась высунуться в окно и оглянуться. — Ослепнешь!

И тут нас накрыла ударная волна. Не сильная из-за расстояния, но машину повело, пришлось снизить скорость, чтобы не перевернуться. Дополнительным плюсом было то, что позади нас, прямо на пути ударной волны, находились горы, которые и ослабили удар.

— А нас радиацией не накроет? — выкрикнула девушка.

Я высунулся в окно. На горизонте возвышался огромный гриб, над которым, высоко в небе, расходился почти правильными кругами белый дым. Хоть поднявшийся в воздух песок мешал, но гриб было прекрасно видно. Аборигены же куда-то пропали, то ли затерялись в пыли и песке, то ли все поголовно взглянули на вспышку и оттого уже не видели, куда ехать. Да и вообще больше ничего не видели. Я сел на место.

— Взрыв слишком далеко, так что радиация не должна достать. Но лучше уехать подальше. Надо догнать наших «друзей».

Не успел я набрать скорость, как у нас за спиной послышались выстрелы. Аборигены, судя по всему, пережили взрывную волну, но возвращаться обратно в лагерь — к женщинам и детям — не собирались. Я снова высунулся в окно, но за пеленой пылине мог разглядеть преследователей, из-за чего было непонятно, как они вообще стреляют. Наверно, наобум, ибо все пули уходили в «молоко».

— Стрелять умеешь? — спросил я у девушки.

— Еще бы.

— Бери оружие у меня между ног и работай.

— Чего?! — вытаращила она на меня глаза.

— Автомат, говорю, бери. Я его просто ногами зажал, чтобы из машины не улетел.

— А-а, так бы сразу и сказал. — Девушка пыталась сдержать смущение. — А я не

ослепну?

— Ослепнуть можно только при вспышке, дальше не опасно, если, конечно, не будет второго взрыва. Хватит болтать, отстреливайся!

— Да. У меня еще пистолет твой остался, может его этому жирдяю дать?

Я посмотрел на заднее сиденье. Костун накрыл голову руками и дрожал, пытаясь хоть как-то сжать свою низкорослую, но ширококостную тушу на тесных задних сиденьях.

— От него толку как от козла молока, чтобы я ему еще свой пистолет доверил. Давай лучше сюда.

— Вот, — протянула она мне вакуган. — Только там патронов почти не осталось, ты еще на лайнере бóльшую часть расстрелял, а мне пришлось убить напавшего на меня монстра.

— Фигово. Тогда старайся стрелять из автомата прицельней. Патроны нам еще могут пригодиться.

Девушка взяла автомат и высунулась в окно, повернувшись ко мне своими аппетитными формами, которые обтягивало некогда белое и целое платье, но через несколько секунд вернулась в салон автомобиля. Я сделал вид, что все это время следил за дорогой.

— Да как тут прицелишься? Из-за песка ничего не видно.

— Черт. Водить умеешь?

— Да все я умею: и стрелять, и водить, и борщи варить!

— Идеал просто, а не девушка.

— Одно другому не мешает, — рассмеялась она.

Кое-как поменявшись местами — не скажу, что мне это не понравилось, — я взял автомат. Не знаю, куда я попадал, но, судя по крикам и звуку бьющегося пластика (или из чего там сделаны машины?), попадал я в нужные места. И тут заорал Костун. Истошно так заорал, что даже в ушах заложило, как несколько минут назад от взрыва.

— Моя спина! Мне прострелили спину!! А-а-а... Больно! Я умираю! Кровь! А-а-а!!!

— Да заткись ты нахрен, придурок! Твои крики лучше любой мишени! Заткнись, а то башку прострелю!

Костун поутих, но зарыдал пуще прежнего, держась за правое плечо. Вот он и сыграл свою роль. Я не успел снова высунуться в окно, как девушка крикнула:

— Впереди что-то есть.

— Что там? — Я сел на место и присмотрелся. — О, неужели.

Это была машина. Такая же, как у нас. Сначала я подумал, что кто-то из аборигенов нас обогнал, но потом понял, что это невозможно, — я не видел у них на стоянке столь быстрых машин. Это был кто-то из уехавших вперед. Скорее всего — Иолай.

Сравнявшись с нами, водитель резко развернулся, не забыв при этом полить наших противников свинцом, и догнал нас. Как я и предполагал, это был киборг.

— А я уж подумал, вы нас бросили тут, — крикнул я ему.

— Да как ты мог так о нас подумать? — театрально обиделся Иолай. — Мы всегда возвращаем долги. Мы даже специально замедлили скорость, чтобы вы нас догнать успели, а потом услышали выстрелы. Вот Верон и попросил меня вам помочь.

— А так бы не помог?

— Помог бы, — уверил меня он. — Я добрый! И Верон знает, что помог бы, даже если бы он приказал обратное, поэтому и отправил меня за вами. Он, знаете ли, любит чувство, когда у него все под контролем, даже если это не так.

— Ясно. Спасибо тогда.

— Да что уж там. Кстати, сколько там машин едет?

— Без понятия. За пылью ничего не видно. Но от нескольких я точно избавился.

— Ладно, вы езжайте вперед, а я разберусь тут.

Мы спорить не стали. Иолай сбавил скорость, а через несколько секунд мы вновь слышали выстрелы. Он был киборгом, так что за него не стоило переживать, тем более этот Верон вряд ли отправил его нам на подмогу, не будучи уверенным, что тот справится.

Догнать Верона не составило труда. Песок уже почти полностью осел, хотя на такое расстояние, вероятно, ударная волна и не достала, поэтому фары машины в сгущающихся сумерках мы разглядели еще будучи далеко.

Догнав черноглазого, мы кивками поприветствовали друг друга и поехали дальше, замедлив скорость. Примерно через час стемнело полностью, лишь небольшое количество звезд освещало пустынную землю. Иолай догнал нас чуть позже.

— Надо остановиться на ночевку, — крикнул Верон.

Мы остановились, пытаясь в темноте отыскать хоть что-то, напоминающее укрытие. Но пустыню не просто так пустыней назвали, хотя в этой даже ни одного перекасти-поля не было.

— Что будем делать? — спросил Иолай. — Тут и укрыться негде. Сплошная пустыня.

— Скоро похолодает, — заметил я, — поэтому у нас два варианта. Разжечь огонь, чтобы обогреться, но тут есть опасность нападения диких... монстров. Либо переждать холодную ночь в свете звезд. Некоторым из нас приемлемы и такие условия, но тут есть и обычные хрупкие люди. А один вообще ранен.

— Кто ранен? — удивился Иолай.

— Костун. Тот толстяк у нас на заднем.

— А что вы сразу-то не сказали? У меня есть познания в медицине.

Иолай вышел из машины и открыл заднюю дверь нашей.

— Ой-ей-ей! Он в отрубе. — Киборг пощупал пульс. — Скорее всего, потеря крови, у него в плече дыра сквозная. Будь он сантиметров на пять-семь повыше, уже копыта бы отбросил. И в маленьком росте есть свои плюсы.

Сам Иолай не был коротышкой, но ростом он все же и сам не вышел. Вероятно, это побочный эффект от кибернетизации, ведь роботизированные части не растут.

— Ты тоже ранена? — обратился он к девушке. Помимо того, что ее платье было изорвано, его еще и заливала кровь, словно на нее вылили целое ведро, того и гляди начнет всех вокруг телекинезом расшвыривать.

— Это не моя кровь, — ответила она тихо, словно боясь, что кто-то сочтет это за хвастовство. — Хотя, думая, у меня есть пара царапин.

Иолай тут же переключил свое внимание на нее.

— Думаю, нам придется развести костер, — сказал Верон, выходя из машины. — Заодно и обдумаем наше положение.

Особо обдумывать было нечего, но каждый наверняка имел свое мнение на сей счет.

— А чем разводиться-то? У нас даже веточек нет, не говоря уже о дровах.

— Зато у нас есть одежда и машины, вроде как из горящего материала, — объяснил я человеку, который, по-видимому, впервые оказался в таком положении. — Сейчас все устроим.

— Думаешь, нам хватит этого на всю ночь? И я не собираюсь сжигать свою одежду, —

запротестовала девушка, сложив руки на груди, словно готовясь защищаться, если я решу применить силу.

— Ну, во-первых, ночь долго не продлится. Солнце большое, а планета маленькая, так что часов через пять-шесть наступит утро; продержимся. А во-вторых, всю одежду сжигать не надо, хватит и мужских пиджаков для розжига. Тебе еще учиться и учиться, — добавил я менторским тоном.

В темноте не видно, но, думаю, она покраснела, хотя виду не подала, даже голос не дрогнул:

— А кто меня учить будет, ты, что ли?

— Может, и я.

Девушка молча отвернулась и хмыкнула.

Примерно через час огонь горел во всю. Сначала вытащили (а точнее — вырвали) из одной машины все сиденья, потом скомкали пиджаки и запихнули под кучу. Йолай, будучи киборгом, выдал искру и разжег огонь. Один пиджак оставили, чтобы подсунуть под голову Костуну, которого уложили перед костром; Йолай сказал, что рана не так уж и серьезна, но в нашем положении она может привести к летальному исходу. Дым, конечно, вонял пластмассой, но это давало повод думать, что звери будут обходить нашу вонючую компанию стороной. Сами мы сели против ветра, поставив машины боком, друг напротив друга, чтоб удобно было сидеть и общаться.

Первым заговорил Верон:

— Итак, что мы имеем? Мы посреди пустынной планеты, на которой, вероятно, полно огромных хищных животных, а оружия у нас мало. Всего трое из нас способны сражаться, от остальных пользы практически никакой.

Деликатности ему не занимать. Девушка хотела что-то сказать, но Верон не дал ей высказаться:

— Еще у нас есть раненый, который, скорее всего, не переживет эту ночь. Планета заброшена...

— С чего вы взяли? — все же вставила свое слово девушка.

— С чего? — поднял брови франт. — А разве не ясно?

— Я... хотела бы услышать ваши доводы.

Женщины не любят признавать, что чего-то не знают. Они вообще не любят признавать хоть что-то, если это принижает их в глазах других.

— Мои доводы? Они очевидны. Это пустыня. Если бы планета была заселена, то тут были хотя бы какие-нибудь указатели, не говоря уж о монстрах, от которых давно бы избавились. Еще тут есть людоеды, живущие на бывшей базе терраформаторов. Что еще нужно?

— Терраформаторов?

— Нельзя же быть такой невеждой, — вздохнул Верон.

— Нет, я знаю, что такой терраформирование. — Девушка старалась не показывать свои чувства, и ее голос, казалось, ускорял понижение температуры. — Просто хочу понять, что тут произошло и кто те люди.

— Хорошо, я объясню. Эту планету когда-то хотели терраформировать, то есть сделать ее пригодной для жизни. Судя по той конструкции, что была на базе, терраформирование было давно, так как это устаревшая модель, не используемая уже лет эдак пятьдесят, а еще, очевидно, процесс прошел не удачно, на что и указывает разрушенная база. Она,

вероятно, просто взорвалась из-за чрезмерной нагрузки. Понятно?

Девушка все еще дулась и явно не получала удовольствия от разговора, но любопытство все же пересиливало гордыню, что было необычно для представителей ее расы.

— Да, но кто же те люди? — спросила она.

— Вот этого я не знаю. Возможно, это те, кто работал на базе, а может, и их потомки. Дети уж точно. Или они упали так же, как и мы. Есть вероятность, что у этой планеты слишком большая сила притяжения или, возможно, здесь существуют гравитационные аномалии, на это указывает множество обломков, собранных в кучи теми людьми. Не вижу причин навещать эту планету по собственному желанию.

Верон чувствовал себя в своей тарелке, говоря все это. Вначале он показался несловоохотливым, но это, скорее всего, из-за того, что к нему не часто прислушиваются, а тут слушатели нашлись, и он решил восполнить то время, что провел в молчании, тем более, что говорил он по делу.

— Ясно, — кивнула девушка.

— И что нам делать? Тут даже горячей воды нет, — подала голос старушка из-за спины, ежась от холода под шалью.

— Честно сказать, я не знаю. Мы не сможем выбраться с планеты самостоятельно.

Помолчали. Пауза затянулась минут на пять, за которые тусклых звезд на небе как будто стало больше. По звездам можно было узнать, в какой части галактики мы находимся, но это не имело смысла, потому что маршрут лайнера и так все знали. Хотя не все знали, что частично он проходит по местам, где практически никого не бывает. Планета, на которой мы находились, даже не была включена в программу экскурсии, ибо не представляла собой ничего примечательного.

— Можно собрать какой-нибудь радиопередатчик и передавать сигнал SOS в космос, — предложил я.

— Это вариант, — согласился Верон, — но у нас нет необходимых приборов.

— У нас есть киборг.

— Кто?! — воскликнула девушка. — Всегда мечтала заменить себе какую-нибудь часть тела на роботизированную!

— Это я, — поднял руку Иолай. — Поверь мне, киборгом быть не так уж круто. Прямо сейчас, например, у меня совсем мало энергии. Солнце скрылось за горизонт, а других источников энергии я тут не вижу. Могу, конечно, высосать ее из машин, но тогда мы останемся без средств передвижения, а ждать, когда утреннее солнце вновь их зарядит, может быть опасно. Вдруг придется уматывать от аборигенов или зверей.

Девушка немного приуныла.

— Что касается радиоприемника, — Иолай повернулся ко мне, — то тут тоже есть проблема. Для начала я должен иметь хотя бы пятьдесят процентов заряда энергии и, как сказал Верон, нам нужна аппаратура, чтобы я мог усилить сигнал и послать его в космос.

— У тех ребят несколько куч этой аппаратуры. Если там и нет того, что нам необходимо, то я могу легко собрать нужный прибор.

— Прибор собрать я тоже могу, — кивнул Иолай, — но у меня совсем нет желания возвращаться в тот гадюшник.

— А есть другие варианты?

Иолай, да и все остальные, задумался. Часто бывает так, что приходится идти туда, куда тебе совсем не хочется, и делать вещи, которые ты ненавидишь. Обычно это называется

работой. А иногда от этого зависит твоя жизнь или жизни других.

— Мы можем либо вернуться, но на этот раз готовые ко всему, либо бродить по всей пустыне, в надежде найти более... цивилизованную цивилизацию. Но если здесь такие и были, то они давно отсюда смылись. Или превратились в дикарей.

Все снова призадумались.

— Подождите! — вскинулась девушка. — Но ведь там же радиация! Тот корабль...

— Она права, — согласился Иолай. — Обычным людям там делать нечего. Пусть не сразу, но с годами эффект себя проявит.

Мне ли не знать. На родной планете я видел тысячи и тысячи людей, подвергшихся радиации. Даже не знаю, что хуже: чума или лучевая болезнь. По крайней мере, второе не передается от человека к человеку.

— Значит, придется пойти только тебе, — сказал Верон киборгу. — На тебя радиация повлияет меньше всего, тем более, вряд ли ее там сильно много.

— Эх, опять всю работу на меня скидывают, — посетовал Иолай.

Укол совести был не таким уж и острым. У киборгов вместо крови течет олейхор, способный медленно выводить радиацию, если, конечно, она не превышает критической величины. Да, Иолай некоторое время будет чувствовать себя довольно погано, но это все равно не повод разболтать всем о моем бессмертии.

— Надо поспать, — решил Верон чуть позже, когда мы обсудили несколько насущных проблем. Старики пожаловались на голод, на что Верон посоветовал им сходить на ночную охоту. Аппетит у лысых толстосумов тут же пропал.

— Вот это верно! — поднял указательный палец вверх Иолай. — Утро вечера мудреней. Надо только сначала проверить раненого. Я бы сам сходил, но не хочу тратить энергию.

— Я проверю, — сказала девушка.

— Если бережешь энергию, не надо так активно жестикулировать, — пожурил киборга черноглазый.

— Не самый лучший телохранитель, да? — беззлобно улыбнулся я франту.

— Мы не раз выбирались из самых серьезных переделок вместе, — серьезно ответил Верон, — так что не надо неуместных шуток.

— Извините, если кого-то обидел. — Я усмиряюще поднял руки. — Не хотел.

Черноглазый не ответил. Существуют люди, для которых некоторые пустяковые вещи кажутся чересчур важными и серьезными. Некоторые заикливаются настолько, что со временем перестают замечать поистине существенные проблемы, что им в конечном счете аукнется.

Дабы не создавать неловкости, я тоже подошел к костру.

— Живой? — спросил я без всякого интереса.

— Дышит, — ответила девушка.

Мы вернулись к машинам.

— Кстати, — обратился я к девушке, когда мы расселись по местам, — ты откуда вылезла?

— Вылезла? — фыркнула она. — Как грубо.

— А как я должен сказать? Ты выскочила как черт из табакерки! Белое платье все в грязи, крови и рваное...

— Я про твою зеленую тряпку вообще молчу.

— ... на голове кавардак, лицо чем-то заляпано.

— Где? — Девушка начала судорожно оттирать с лица невидимую ей грязь. Один из примеров зацикливания на пустяковых вещах, которые по большей части присущи лишь женщинам.

— Да вон, под глазом, — подсказал я, пока она себе кожу не содрала.

— А сразу не мог сказать? Сиж тут, как кикимора... пустынная.

Она и правда была похожа на кикимору: одежда разорвана, волосы как солома, черная солома, а руки еще грязнее лица. Несмотря на все это, такой вид придавал ей какую-то очаровательную аутентичность.

— Сразу — это когда? Когда мы уматывали от аборигенов и взрыва или когда так стемнело, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно?

— Ладно-ладно, я поняла: не было времени. Теперь все? — Девушка закончила оттираться.

— Еще вот тут немного. — Я показал пальцем на лоб.

Девушка резко отстранилась.

— Ты чего? — удивился я.

— Я думала, ты сейчас слюнями своими оттирать соберешься.

— С чего бы это? — усмехнулся я.

— Да кто тебя знает, — пробубнила она, оттирая лоб.

— Меня знают все, кому нужно, а вот насчет тебя не знаю, извини за тавтологию. Может, наконец, скажешь свое имя?

Она немного замаялась, словно решая, достоин ли я такой чести.

— Скажу: Мара.

— Мара? — поднял я брови. — Просто Мара?

— А что такого?

— Да нет, ничего. Если ты Мара, тогда я Хорс.

— А если я скажу, что не Мара, у тебя тоже имя сменится?

— Так что с тобой случилось? — ушел я от ответа. — Почему тебя не было вместе со всеми в лагере? Что ты вообще все это время делала?

— Что делала? Да ничего особенного. Когда я приземлилась, то дверца почему-то не открывалась...

— Она и не должна открываться, — перебил Мару Йолай, который, по идеи, должен был спать, как и все остальные. — В начале, по крайней мере. Там специальная программа стоит, которая не дает двери открыться еще десять минут после приземления. Нас так и поймали — просто обмотали «гробики» стальными тросами, чтобы мы дверцу открыть не смогли, потом прицепили к машинам и отвезли в лагерь, а там уже народу было слишком много, так что отбиваться не решились.

Верон с Йолаем, как и лысые старики, не спали, но не из-за того, что наша болтовня им мешала, а потому что просто не хотелось. Так бывает, когда день насыщенней, чем предполагал с утра. Организм и разум не могут переварить все так быстро, чтобы еще и на поспать время оставить. Для меня этот день тоже отличался от большинства остальных в моей жизни, но я совру, если скажу, что он самый яркий из всех, что я пережил.

— Дурацкая система, — пробурчал я, вспоминая, как мне пришлось поднапрячься, чтобы убраться с лайнера.

— Так вот, — продолжила Мара ровным голосом. — Когда дверца не открылась, я кое-как достала пистолет...

— Вакуган, — машинально поправил я девушку. Да, он тоже считается пистолетом из-за формы, но все же нечто большее, чем простая пукалка.

— ...и собрала его. Благо, когда шлюпка приземлилась, пистолет зашвырнуло как раз под руку. А потом я прострелила окошко в соседнем месте, где было пусто, так как летела я одна.

— Не стоит благодарности, — самодовольно ухмыльнулся я, но девушка не отреагировала.

— Оконце разбилось, и когда герметичность нарушилась, замки перестали работать. Потом я встала, огляделась, увидела вдаль горы и вспомнила, что... Хорс говорил идти к самой высокой точке.

— Не стоит благодарности, — повторил я, но девушка снова никак не отреагировала. Я приуныл. Пусть я спас ее не от дракона, но и она не бедная принцесса, хотя замашками иногда походит на королеву.

— Я побежала к горам. И когда бежала, то оглянулась и увидела, как с неба летит еще одна шлюпка. Сначала я хотела побежать туда, но потом подумала, что там может оказаться Костун. — Девушка с отвращением на лице взглянула на тело возле костра. — Поэтому я решила бежать дальше. Там-то на меня и напал эта... ящерица. Прямо из-под земли выпрыгнула, в прямом смысле. — Она вздрогнула, может от воспоминаний о звере, а может, из-за холода: ночь обещала быть противоположной дню. — Он бросился прямо на меня, оттого и платье рваное. Я запаниковала и выстрелила в него наверно раз двадцать, пока не поняла, что он уже сдох. Пока я вылезла из-под его туши, платье еще и в крови испачкалось. В общем, когда я добежала и взобралась повыше, то увидела людей. Они выглядели не очень мирно, и я решила не рисковать, поэтому оставалась на месте.

— Разумно.

— А потом увидела то, о чем говорил... э-э...

— Иолай, — подсказал киборг.

— Да, Иолай. В этот лагерь въехало несколько машин с саркофагами, привязанными сзади. Скорее всего, машины выехали, как только приземлилась моя шлюпка, но на пути к горам я их не видела. В общем, они привезли все «гробы», один из которых был пустой — это мой, — а другой вообще с оторванной дверцей. Когда саркофаги открыли, я не увидела только полицейского, который должен был быть там. Даже обрадовалась немного, он был не лучше Костуна. Потом аборигены открыли шлюпки и сразу убили телохранителей, но не всех. — Девушка посмотрела на Иолай.

— Повезло, — улыбнулся тот.

Если кому и повезло, то этим самым аборигеном. Киборга не так-то просто убить, если не знать как. Если бы они сделали хоть выстрел, Иолай точно бы устроил настоящую бойню.

— У них забрали все оружие, — продолжила Мара, — а потом унесли куда-то за разбитую железную башню. Я еще некоторое время наблюдала за этими дикарями, прячась от дозора и гадая, что делать. Я уже собиралась обойти лагерь с другой стороны, чтобы добраться до тюрьмы, но тут заметила, как несколько человек побежали куда-то правее от меня с подобием носилок, а потом узнала лежащего на них Хорса. Кстати, почему ты был голым?

— Жарко, — сразу ответил я.

— И ты решил раздеться догола?

— Я много чего хотел, но завершить начатое мне не дали, — меня поймали, —

уклончиво объяснил я.

Вообще, не так уж я чего-то и хотел. Я даже не успел решить, какой из мной придуманных планов мне реализовать, так что мне, можно сказать, даже повезло, что меня поймали. Я ведь мог попросту уйти и бродить по всей пустыне, отбиваясь от диких животных, а в это время моих новых знакомых поджаривали бы на вертеле людоеды. Хотя, получается, что это им повезло, а не мне. Если подумать, они могли справиться и без меня, просто жертв было бы больше.

— Ладно, не важно, — оставила расспросы девушка. — Короче, я решила не отходить от первоначального плана, поэтому пошла вокруг, чтобы добраться до здания, где держали пленных. И будучи уже у края, где круг гор разрывается, я услышала выстрелы и решила, что лучше будет переждать и подобрать лучший момент, чтобы перебежать дорогу незамеченной.

— Зачем, если мы уже выбрались из клетки? — удивился я.

— Я не знала, что это вы. Я думала, это аборигены так развлекаются, паля в воздух или вроде того. Или вас уже убили. Поэтому решила идти дальше, чтобы убедиться, потому что с моего места не было видно, кто и где стреляет.

— Логично. Идти туда, где стреляют, чтобы убедиться, что нас укололи.

— А потом я услышала громкий звук позади, — проигнорировала Мара мою колкость, хотя и взглянула на меня с укором. Ей, видимо, больше хотелось досказать свою историю, чем пререкаться со мной по пустякам. — Я увидела падающий лайнер, — продолжала она. — Я даже сначала не поверила своим глазам, думала, у меня солнечный удар. Я едва не пропустила, как вы выехали, так засмотрелась. Хорошо, что я рассмотрела в одной из машин ту лысую старуху и выбежали на дорогу, ну а дальше вы все сами знаете.

Девушке повезло, что «та лысая старуха», как и ее муженек, уже посапывала во сне, а то получила бы в ответ тираду о том, какая она благородная, особенно будучи лысой, и не волосатым потаскухам выказывать ей свое пренебрежение.

— А как вы убежали? — помолчав, поинтересовалась девушка.

— Бегом, — ответил я.

— Смешно. Ладно, вы как хотите, а я спать, — сказала девушка, поудобнее устраиваясь в жестком кресле машины, обнимая себя руками, чтобы не замерзнуть. Все пиджаки, кроме того, что был подложен под голову Костуна, использовали для розжига костра, поэтому предложить ей было особо нечего. Мое пончо она вряд ли возьмет, тем более что тогда я останусь гол как сокол. Жилеты Верона и Июлая тоже не особо могут и помочь в борьбе с холодом.

— Надо назначить дозор, — предложил Верон, — а то мало ли кто решит напасть.

— Я подежурю, — отозвался я.

— Я сменю тебя через пару часов.

— Не сто́ит. Я могу не спать пару дней вообще.

Я, естественно, приуменьшил, дабы не возникало лишних вопросов, хотя Верон давно присматривается ко мне, пытаюсь на чем-то подловить. Мне даже показалось, что он заметил дырку от пули у меня в накидке сзади, куда стрельнул тот абориген, но ничего не сказал.

— Как скажешь, — пожал плечами черноглазый.

Только сейчас я задумался о саркофагах. Если разбитых и пустых было два, то почему тот рыжий спросил лишь об одном? И причем не о том, где дверцу полностью оторвало, а о втором, в котором летела Мара, и в котором лишь было разбито окно. Подумал, что тот, кто летал в шлюпке с оторванной дверцей, в любой случае не выжил, а потому и переключился

на вторую, где всего лишь не было стекла? Скорее всего, а иначе он задал бы резонный вопрос: как ты выжил? А если бы Мара не выбралась из шлюпки, что тогда? Тогда бы была одна пустая искореженная шлюпка и живой я. Это бы дало массу пищи для размышления. Меня могли посадить в отдельную клетку, а то и вообще к тем зверям, чтобы проверить живучесть. Повезло, можно сказать.

Хотя, если подумать, те аборигены не знали о существовании еще одного человека — девушки, — но зато о ней знали другие из нашей компании. После рассказа девушки у особо умных должен возникнуть этот вопрос. Что мне ответить, если меня спросят, как я выбрался с корабля? Полетел на другой шлюпке? Но она же практически уничтожена, даже дверцу оторвало. Что ж, я умею импровизировать, что-нибудь да придумаю.

Ночь, как я и предвидел, оказалась скоротечной. Во время дежурства я несколько раз подходил к Костуну и пинал его. В ответ слышалось кряхтение, и с каждым новым пинком кряхтение становилось более энергичное — поправляется, живучий толстяк. Когда небо начало слегка проясняться, костер уже не горел, хотя в воздухе продолжал витать едкий запах пластмассы. Помимо грязи, белый костюм Костуна был запачкан черной сажей. Удивительно, как он не задохнулся во сне.

На востоке (или где здесь встает солнце?) начали появляться первые лучи Красного Гиганта, когда я услышал со стороны восхода необычные для этих мест звуки. Сначала я не особо обратил на них внимание, — это могли быть какие-нибудь неизвестные мне звери, пробегающие мимо; зачем людей зря тревожить? Но звуки становились все громче, и они явно были не животного происхождения.

— Кажется, у нас гости, — послышалось сзади.

— У тебя чуткий слух, — сказал я, не оборачиваясь.

Верон, наверно, проснулся, как только услышал первый шум, а может, почувствовал мои колебания. Черноглазый не простой парень. Еще вчера вечером, когда мы решили разжечь костер, я заметил в его белом пиджаке дырку от пули в районе плеча, но он ее специально порвал чуть сильнее, из-за чего казалось, будто костюм просто порвался, обо что-то зацепившись. Но меня не проведешь. Когда он снял пиджак, чтобы разжечь костер, то также незаметно порвал и рубашку. Не один я скрываю тайну, но у меня есть преимущество, — его я знаю. Если бы он спросил о дырке у меня на спине, я бы не остался в долгу, поэтому получалось, что мы сохраняем наши тайны, пока не попытаемся разузнать о них друг у друга.

— Как и у тебя, — ответил Верон, доставая оставшийся пистолет. — Эй, Иолай. — Черноглазый потряс друга-телохранителя за плечо.

— Я не сплю! Я не сплю! — дернулся Иолай, разлепляя глаза и быстро озираясь по сторонам.

— Сколько у тебя энергии?

— Почти пятьдесят процентов. А что?

— У нас гости.

Иолай схватил дробовик и громко матюгнулся. От этого проснулись и все остальные.

— Что будем делать? Отстреливаться? — поинтересовался Иолай.

— Лучше побережь патроны. Уезжаем.

— А Костун? — спросила девушка, растирая сонные глаза. Она быстро сориентировалась и сразу поняла, что происходит. Она энергично потирала руки, заледеневшие за ночь.

— А что происходит? — недовольно спросила старушка. — Еще ночь на дворе.

— Не у всех, — грубо ответила ей девушка.

— Заводите машины, я принесу Костуна... если он еще жив.

— Жив, жив, — кивнул я.

Мара недовольно поморщилась. Не то, чтобы она желала ему смерти, но горевать точно бы не стала, как и все мы.

— Странно, что они только сейчас зашевелились. Наш костерчик, наверно, на километры вокруг был виден, в темноте-то.

— Может, потому и не решились нападать, что темноты боялись, зверей, а может, найти не могли: мы далеко уехали.

— Все может быть. Еще они могли вернуться в лагерь за подкреплением.

Верон быстро и легко перенес толстяка на заднее сиденье машины и сел за руль, рядом с Иолаем. Я возглавил вторую машину. Позади недовольно пыхтели лысые старики. И мы рванули с места, поднимая тучу пыли и песка. Я оглянулся, но разглядел лишь слепящий восход солнца.

— А еще они могли специально дождаться солнца, чтобы спрятаться в его свете, — крикнул я.

— Думаешь, они настолько умны? — усмешливо подняла брови Мара.

— Да черт их разберет. Режебородый задавал мне довольно разумные вопросы, я даже удивился, а спустя пару часов они уже начали палить в воздух, словно чокнутые макаки. Может, у них интеллект от времени суток зависит? — усмехнулся я.

— Если так, то это очень плохо. Сейчас утро, они могут быть вообще гениями.

Вряд ли это было так. Пусть машины на солнечных батареях и не издавали громких звуков, но в пустыне и их было достаточно. Они могли оставить машины и остаток пути пробежать, тогда бы мне было труднее их засечь. Возможно, они и не собирались скрываться, уверенные, что и так нас догонят. Это не было лишено смысла, потому что эти дикари в пустыне как рыбы в воде, когда как никто из нас не знает даже названия планеты, не говоря уже об ее географии. Прямо сейчас мы могли мчаться напрямик в ловушку.

— А куда мы едем? — крикнул я Верону. Вряд ли он знал больше меня, но две головы лучше одной.

— Подальше, — ответил чуть хриплым голосом сидящий ближе Иолай.

— Так нам не подальше, а поближе надо! Забыли вчерашний план?

— Так это был план? Я думал, просто предложение.

— Есть другое?

Иолай задумался, посмотрел на Верона. Тот немного помолчал и отрицательно мотнул головой. Одна голова хорошо, но иногда и три не достаточно.

— Не, нету, — подтвердил вслух киборг.

— Надо провести разведку, — громко предложил Верон. Он не отрывал взгляда от дороги, если так можно назвать километры песка. Что странно, здесь почти не было барханов, лишь изредка земля шла волнами, словно ее кто-то встряхнул. Интересно узнать, была ли планета такой до неудачного терраформирования или стала уже после? Возможно, когда-то здесь выселись целые леса, но если так, от этого не осталось и следа.

— Разведку?

— Кто-то должен остаться и дождаться преследователей. Посмотреть, сколько там людей. Мы можем с ними разделаться, забрать машины и оружие. Думаю, для вторжения нам это может очень пригодиться.

— Согласен, — сразу же ответил я. Иногда я атаковал целые города в одиночку и без оружия, и, скажу вам, это довольно утомительно.

— Не согласна, — тихо подала голос девушка, но ее все равно услышали и удивленно на нее уставились. Даже Верон, до этого сосредоточенно глядевший вдаль, повернул голову.

— Почему? — недоуменно спросил я.

— Смотрите сами. — Она указала куда-то правее.

И все увидели. Увидели толпу (стадо? стаю?) огромных зверей, несущихся наперерез нашему незамысловатому маршруту. Это были те самый гиеноподобные животные, каких держали в клетках аборигены. Я и Йолай выругались так, как это умеют только земляне.

— Думаю, разведка отменяется.

Я быстро развернул машину, раскидывая по всему салону пассажиров, и помчался обратно к восходу солнца и поднятой нами пыли. Почти романтика. Верон сделал то же самое. Наши машины не то, чтобы были медленными, мы, скорее всего, легко могли оторваться от зверей, но каковы шансы, что их не будет и в другой стороне? Да и преследователи явно не собирались отставать. Убегать от тех и от других, рискуя нарваться на третьих, — не лучшая идея. Поэтому был один наиболее разумный вариант. Враг моего врага — мой друг. А если этот враг и не собирается с нами дружить, то что делать? Ответ очевиден: сравнить первого со вторым. И тогда у тебя, в худшем случае, останется лишь один враг, который, к тому же, будет ослаблен.

Мы были профессионалами: я и Верон, а потому нам не надо было сговариваться и объясняться, что делать. Мы просто знали, что наиболее верно в данной ситуации, а потому развернулись, заранее этого не обговорив и не предупредив. Развернулись и ринулись прямо на врага. Но не бездумно, как казалось со стороны, а понимая, что делаем.

Мы развернулись и ехали назад медленнее, чем только что, но не потому, что хотели оттянуть неизбежное, а потому что ждали. Ждали зверей. Как мы и предполагали, не в меру умные звери, разглядев наш маневр, тут же сменили направление, бросившись напрямик за нами. А чтобы «встреча лучших друзей» прошла как по маслу, мы сбавили скорость, в надежде, что достигнем наших противников впереди в тот момент, когда противники позади уже будут на расстоянии броска. Это было рискованно, но выхода у нас не было. И риск оправдался.

На нас ехало не меньше дюжины машин, — наверно, весь оставшийся автопарк аборигенов, — крепко же мы им насолили. А сзади бежало примерно две дюжины когтистых и зубастых существ. Единственное, что омрачало, — неистовые крики лысых толстосумов, которые не понимали, что мы задумали, но им это все равно очень не нравилось.

По нам начали стрелять в тот момент, когда мы приблизились достаточно близко, чтобы можно было разглядеть лица аборигенов, и тогда мы сделали простой, но действенный маневр: стрельнув пару раз для антуражу, мы разъехались в разные стороны от группы машин, оставив охотников и добычу наедине друг с другом. Кто из них кто — решайте сами.

Аборигены, не ожидавшие такого поворота, резко дали по тормозам, зарываясь в песок. Эта ошибка и стала для них роковой.

Гиеноподобные звери подотряда кошко-псовых со всего хода влетели в ряды аборигенов, не забыв при этом изящно прыгнуть и вцепиться зубастыми пастьми им в глотки. Сила челюстей зверей была таковой, что они легко сминали черепа людей. Даже странно, что дикари не попытались их приручить для охоты. А может, и пытались, сажая их в клетки и съедая самых неподатливых. Это и не важно, так как эти звери теперь пожирали их, словно

легкую добычу, и даже автоматные очереди и выстрелы дробовиков не пугали монстров, а на место одного дикого животного, приходило другое, не менее свирепое. А может даже и более, ведь оно не просто убивало, а мстило за павшего товарища.

Как ни странно, пара автомобилей смогла развернуться и попыталась умчаться подальше от бойни, но мы тоже не сидели сложа руки, — ждали, когда из кучи-малы кто-нибудь выскочит, поэтому пассажиры обеих машин оказались под нашим обстрелом. Все шло по плану, кроме того, что зверей оставалось больше, чем мы рассчитывали. Это пугало, ведь только что они разделались с десятком машин, забитыми вооруженными под завязку людьми, а у нас их всего две, плюс три с половиной боевые единицы. Мы думали, что нам придется воевать с разъяренными зверями, но все оказалось еще хуже. Звери резко остановились, капая кровью из зубастых пастей, устремили взгляды куда-то в небо и резко подорвались, уматывая от нас еще быстрее, чем за нами мчались. Мы синхронно развернулись, всматриваясь туда, куда только что смотрели «собачки».

С неба спускался объект, резко контрастирующий на краснеющем небе. Объект был в виде черного, почти не отражающего света диска, диаметром метров двадцать. Это был корабль патруля, космической полиции, если угодно. Плавно опустившись к земле, из нижней части диска появилось несколько «ног», которые также плавно вынырнули из корпуса «тарелки», будто корабль был сделан из легко подстраивающегося жидкого металла. Опустившись на землю, корабль замер, словно чего-то ожидая.

— У меня созрел новый план по сваливанию с этой планеты, — тихо проговорил я, не отводя глаз от диска.

— Неужто? — также тихо съязвил Иолай.

— Почему они не выходят? — спросила девушка таким же шепотом. — И почему мы шепчем?

— Они ждут. Мы тоже ждем.

— И чего же?

— Без понятия. Сейчас разберемся.

Я сделал шаг вперед, поднял руку, сделал знак «спок» и громко сказал:

— Мы приш... Мы были здесь с миром!

Сказал я это с автоматом в руках, вооруженным народом за спиной и примерно тремя десятками растерзанных аборигенов чуть поодаль. Я это понял уже после того, как высказался. Никакой реакции не последовало.

— Может, у них дверь заклинило? — повернулся я к остальным.

И как по волшебству из «тарелки» послышались тихие глухие звуки. Я аж дернулся от неожиданности и быстренько вернулся к остальным.

Диск немного поднял ближнюю к нам часть вверх, будто задрал нос, хотя нижняя часть так и осталась в горизонтальном положении — материал, из которого был изготовлен диск, и правда менялся по желанию тех, кто сидел внутри. В корпусе сначала появились очертания вертикального прямоугольника, который начал быстро опускаться на землю, словно трап, а затем мы увидели Людей. На них были плотные черные костюмы, полностью скрывающие владельца. Все тело было покрыто тонкой, но, по всей видимости, очень прочной броней, на голове находился такой же черный шлем с тонированным забралом, не дающим увидеть лица, а из области затылка торчал небольшой шланг, идущий куда-то за спину. В руках они держали штурмовые винтовки. Особые, подходящие для стрельбы даже в космосе: изоляция от жары и холода, отсутствие отдачи и все в этом духе. Было всего человек тридцать, а то и

больше. Они выбежали из «тарелки», словно тараканы, и выстроились полукругом в два ряда — стоящие на одном колене и просто стоящи позади первых, — но при этом оставив место перед опустившимся трапом свободным. И только солдаты замерли на своих позициях, направив в нас оружие, по трапу тут же начал спускаться еще один патрульный.

Был он большой и плечистый, в черной, но не бронированной одежде, даже оружия не имел. Руки заведены назад, походка свободная, можно даже сказать — вразвалочку. А еще он был не человеческой расы. Эта раса называлась — джигударго. Лицо его было светло-коричневым, а длинные рыжие волосы убраны назад и стянуты. На лице была не очень густая растительность: небольшие усы и бородка — тоже рыжие. Его надбровные дуги выделялись даже на грубо вырубленном лице. В общем, если бы я не знал, то подумал бы, что эта планета — его родина, так он вписывался в нее, особенно цветом.

Он дошел почти до самого края трапа, но на землю ступать не стал.

— Рад вас видеть! — громко и бодро произнес рыжий.

— А вот мы не уверены...

— Меня зовут Адарак Симкое Лаксит! — также бодро продолжил рыжий, то ли не услышав меня, то ли не желая слышать.

— Мы заметили...

— Кто я — вам знать не обязательно!

— Ты ж только что свое имя сказал...

— Судя по вашему виду, вы с того корабля, с которым случился несчастный случай и он упал! — Это был не вопрос. Судя по всему, других людей он здесь встретить не ожидал. Прилети он на десять минут раньше...

— Несчастный? — повела Мара бровью.

— Но вы выжили! — Он ударил по воздуху кулаком.

— Судя по этим людям, — кивнул я на солдат, — это ненадолго.

— И это очень, очень, очень... плохо. — На последнем слове он очень резко посерьезнел.

— Думаете?

— Вы немного нарушили наши планы...

— Чьи — «ваши»?

— ...но не беспокойтесь, я прибыл, чтобы все исправить.

Я, конечно, видел группы зачистки, но люди в них обычно немногословны и приступают к выполнению своей задачи сразу же, без лишних разговоров. Наверно, нам повезло, что эти оказались исключением. Или нет, от его нездорового позитива как будто еще острее ощущалось чувство безысходности.

— Прячься за машину и не вылезай, чтобы ни случилось, — не оборачиваясь, прошептал я девушке.

— Хорошо.

— Чтобы ни случилось, сиди тихо, — с нажимом повторил я.

Мара медленно попятилась назад, прячась за транспорт, пока я прикрывал ее. Судя по тому, что солдаты не отреагировали, ее они не заметили вовсе, а может, считали, что какая-то пластмассовая машинка от них все равно не спасет. В пустыне больше нигде было спрятаться.

— Главное, — продолжил рыжий, — чтобы вы не сопротивлялись, и тогда все закончится быстро и безболезненно. Есть добровольцы? А то я не очень люблю убивать

против воли.

Я сделал шаг вперед.

— Можно я?

— Ну вот! — обрадовался рыжий. — Так бы всегда! А то обычно все начинают плакать или угрожать меня убить, прятаться за спинами товарищей, но вот — сразу вышел добровольцем и не стал позориться.

Только глупцы и трусы угрожают убийством. Или те, кто на самом деле и не помышлял убивать. Если человек предупреждает о подобном заранее, значит, он хочет, чтобы его остановили. Я не хочу. Да и кто сможет?

— Да, я такой, — скромно отозвался я.

— Хотя одежда у тебя странная. Да и черт с ней, главное, что ты вызвался добровольцем, а это есть хорошо. Только ты это, пистолет сначала выбрось.

— А, ну да, — театрально спохватился я и небрежно отбросил вакуган в сторону «тараканов».

— Ну вот, так-то лучше! А так как ты доброволец, я разрешаю тебе загадать последнее желание.

Свои желания я привык сам исполнять, и одно из них скоро сбудется.

— А можно два, но они будут маленькими?

— Гм... — задумался рыжий. — Ладно, так тому и быть. Сегодня я добрый.

— Первое: я хочу, чтобы меня... эм...

— Лишили жизни, — добродушно подсказал рыжий.

— Да, чтобы меня лишили жизни вон на том месте. — Я указал на точку, слева от стоявших полукругом солдат и справа от меня.

— А почему именно на том? — удивился рыжий.

— А там пересечение энергетических полей метафизической аномалии астрального сегмента малой силы, — пояснил я. — Я уверен, что лишившись жизни именно там, я сразу попаду в рай.

Рыжий почесал затылок и задумался, но, видимо, так ничего и не поняв, немного растерянно ответил:

— Что ж, ладно, у нас свобода вероисповедания.

— Спасибо, — кивнул я и встал на нужное мне место.

— А второе желание?

— Я хочу досчитать до десяти, чтобы привести мысли в порядок и подготовиться к переходу в иной мир.

— Хорошо, — согласился рыжий.

Ко мне подошел один из солдат и встал сбоку, приготовив пистолет, чтобы застрелить меня сразу, как только я досчитаю до десяти. Я же сложил руки перед лицом, соединив ладони, закрыл глаза и начал считать.

Я, естественно, не собирался быть добровольцем на собственной казни, да и бессмысленно это. Ни одно оружие в мире не способно окончательно меня убить, а у этих какие-то винтовки. У меня был план. И был он прост: убить всех, кто пытается убить нас. Надеюсь, Верон и Иолай догадались, зачем я устроил это представление.

— Девять...

Я быстр. Я очень быстр. Я так быстр, что стоящий рядом со мной солдат, направляющий мне в голову пистолет, не понял, как умер, как и не поняли этого еще несколько человек,

стоящих ближе всего ко мне.

На счете «девять» я резко наклонился назад, уклоняясь от выстрела, выхватил у солдата пистолет, попутно сломав ему запястье, и выстрелил солдату сбоку в голову. Сделав кувырок вперед, я подхватил отброшенный ранее вакуган и выстрелил раньше, чем кто-либо успел хоть что-то предпринять. Пуля вакугана пробила первую голову, словно лист бумаги, и полетала дальше, скашивая стоящих небольшим полукругом солдат. Даже если их броня и была трудно пробиваемой, то шлемы имели намного меньшую прочность, но все еще были достаточно крепкими, чтобы пуля из вакугана застряла в голове пятого по счету солдата, однако я выстрелил не единожды, а потому положил довольно много народу. Остальных выносили Верон и Иолай, первый с пистолетом, второй с дробовиком.

Сделав еще несколько выстрелов по ряду солдат, у меня кончились патроны. Я, отпрыгнув назад, добрался до автомата первого убитого мной солдата, отстегнул от формы и, зажав спусковой крючок, открыл огонь по более уязвимым головам противников. Ответный огонь не заставил себя ждать. Верон же с Иолаем спрятались за машинами, за одной из которых уже пряталась Мара, я же вбежал по трапу в «тарелку», по которой солдаты стрелять не решились. Рыжий к этому времени уже успел укрыться внутри. Так бы мы и убили всех, расстреливая противника с двух сторон, но для этого нам не хватило патронов. Первым перестал стрелять Верон, потом и у меня опустел автомат, Иолай сделал еще пару выстрелов из дробовика и затих.

— Эй вы, квакушки большеголовые! — закричал я, забегая в «тарелку». — Попробуйте поймите!

Несколько Человек побежало за мной, но я неожиданно для них остановился и с разворота ударил в голову ближайшего ко мне так, что у него треснуло забрало, и он полетел в толпу, сбивая остальных преследователей с ног. Ближайшего, кого не сбilo с ног, я ударил кулаком, устроив сотрясение и ему. Быстро сняв винтовку с тела, пока все в замешательстве, я начал снова палить уже в спины. Те вояки, что остались обстреливать Верона, Иолая и Мару, не ожидали такого поворота событий, а потому даже не успели ответить, упав замертво, немногие же оставшиеся в живых разбежались, спрятавшись из виду за «тарелкой». Я еще пострелял тех живых, кого сбilo с ног, а потом, размахнувшись, кинул винтовку в сторону остальных за машину и начал отстегивать вторую, и тут же услышал новые выстрелы — оружие достигло цели. Я уже начал подниматься на ноги, как мне в затылок прилетела пуля. Я совсем забыл про рыжего.

— Не отступать! — крикнул он. — Стреляйте, их всего трое!

Трое, которые положили почти всех его солдат. Я был четвертым, но меня он уже не считал.

Он крикнул и сам начал стрелять, причем не из винтовки, как его вояки, а из чего-то покрупней. А еще на нем была броня, тоже попрочней обычной. Я пришел в себя секунд через тридцать

— Эй, рыжий ублюдок!

Адарак резко обернулся и вытаращил на меня глаза:

— Ты... Я же... Я...

Он так и не сумел оформить свои мысли в словесную форму. Прыгнув в его сторону, я взмыл в воздух и обрушил на него ярость своего кулака, отчего его развернуло на триста шестьдесят градусов, и его массивная туша кубарем покатила по трапу вниз, выронив из рук крупнокалиберное орудие. Отстегнув еще один автомат, я спрыгнул с трапа, чтобы

покончить с оставшимися солдатами. Я ожидал встретить шквал огня, но под тарелкой оказалось всего двое, которые не представляли особой угрозы. Присмотревшись, я увидел вдалеке еще несколько черных силуэтом, быстро удаляющихся от места бойни. Добивать их не имело смысла, за нас это сделает пустыня.

Из-за машины показались сначала Верон и подставивший ему плечо Иолай, а потом и дрожащая Мара.

— Все целы? — спросил я, подходя к ним и озираясь по сторонам, не притаился ли где выживший противник.

— Верону попали в плечо и живот, а мне из крупного левую руку прострелили, теперь чинить придется, — посетовал Иолай. Из его руки медленно вытекала маслянистая желтоватая жидкость.

— Я в порядке, — дрожащим голосом сообщила девушка. У нее лишь на щеке был небольшой порез. — А что... что с Вероном? Он не умрет?

— У меня всего лишь царапина, — довольно твердым голосом сказал Верон. — А вот насчет тебя не уверен, — обратился он ко мне и как-то странно посмотрел.

— Да я в норме!

Теперь на меня странно смотрели все. Примерно так же, как на корабле смотрели на мои черные одежды. Было бы забавно, заявись я туда в пончо на голое тело.

— У меня что-то на лице?

Я обтерся рукавом, но смотрели все не на лицо. Я тоже опустил взгляд.

— Ой.

Лучше бы я был в черном костюме. У меня на одежде, в районе груди и живота, зияло несколько дырок от пуль.

— Наверно, моль проела, — посетовал я.

— Ага, мы так и подумали.

— Ты не гераклид. — Это прозвучало как утверждение.

— А, точно! А я все не мог вспомнить, кто ты такой. Все на языке вертелось, но никак не вспоминалось. А ты думал, что я тоже гераклид?

— Была такая мысль, — качнул головой Верон. — Думал, ты носишь линзы.

— А почему просто не спросил?

— А ты?

— Это как-то... невежливо.

Вообще, я знал, что он за тип, потому и не задавал ему вопросов, чтобы он не задал их в ответ. Моя тайна несколько... интересней. Несмотря на все это, теперь о ней знали все, как и о том, что Верон — гераклид, хотя он, считай, сам это признал, не оставив мне шанса отплатит ему той же монетой. Гераклид — феномен вселенского масштаба, но на моем фоне это просто заурядная личность. Теперь не отвертеться.

— То-то и оно, — усмехнулся он. — Так кто же ты?

— Предлагаю для начала свалить с этой планеты, — решил сменить я тему, прекрасно осознавая, что это ненадолго, — пока сюда не прилетел еще какие-нибудь тараканы.

— Хорошая мысль, — согласился Иолай, отводя Верона на корабль.

Не успели они переступить через тело рыжего, как тот схватил Иолая за ногу, и киборг, потеряв равновесие, упал вместе с Вероном на трап.

— Ах ты ж скотина! — взревел киборг и ткнул рыжего ногой в нос, а потом еще раз, и еще...

— Хватит! — крикнул я.

— Чего хватит? Пристрелить его! — Иолай потянулся за винтовкой, прицепленной на груди одного из мертвых солдат.

— Не надо, — подал голос Верон.

— Да блин! Почему не надо? — негодуя взревел киборг. В сравнении с Иолаем, Верон выглядел пацифистом, хотя с виду все выглядело наоборот: черные склеры глаз Верона придавали ему устрашающий облик, когда как Иолай выглядел молодым пареньком с ершащимися волосами, что предавало ему внешность более чем безобидного юнца. Это, кстати, сыграло ему на руку, когда аборигены на месте убили всех остальных телохранителей. Несмотря на внешнюю невинность, жалости в нем было с гулькин нос.

— «Язык» нам не помешает, — спокойно ответил Верон.

— «Язык»? Он же простой патрульный, что он знает?

— Посмотри на солдат. Чего у них не хватает?

— Помимо мозгов? — Иолай задумался, разглядывая тела. Сначала скривил гримасу, но через несколько секунд подскочил как ужаленный. — Точно! И как я сразу не заметил? Наверно, от жары разморило. Вот, — обратился он к девушке, — это еще один минус киборгов — мы можем перегреться.

Это, конечно, было неправдой, некоторые киборги для энергии вообще использовали тепло окружения, другие солнечный свет или даже радиацию, хотя Иолай, судя по всему, не относился ни к первым, ни ко вторым. Сразу все поглотители энергии вставить в одного киборга попросту невозможно. Можно было с уверенностью сказать, что тот же Иолай способен черпать лаву руками.

— Я не поняла, — вздохнула девушка, — что в них не так? Обычные военные патрульные.

— Посмотри внимательней.

— Да я уже смотрела. Ничего такого не вижу.

Девушка очередной раз чего-то не понимала, когда все остальные знали правильный ответ, а потому злилась, что никто не высказал свои наблюдения вслух, чтобы ей не пришлось показывать свое невежество, хотя ничего зазорного на самом деле здесь не было.

— Вот именно, — поднял я указательный палец. — А должна видеть нашивки. Все патрульные носят нашивки с принадлежностью к армии Правительства. Номер и символ. А у этих ничего такого нет.

— Значит... — начала Мара.

— Значит, они не патрульные, — перебил девушку Верон, хотя та явно не собиралась продолжать мысль.

— Или бывшие патрульные, — добавил я.

— Или так, — подтвердил гераклид. Хотя это было сомнительно. С другой стороны — они летали на последней модели патрульного корабля.

— И что будем делать?

— Допрашивать.

— Я ничего не скажу, — прошипел рыжий, сплевывая кровь.

Все же он довольно крепкий, подумал я про себя. Обычно такой мой удар не оставлял противника в живых. Вообще, он и правда мог быть полезен, как «язык», но когда я его бил, то об этом не думал, потому и не сдерживался.

— Куда же делась твоя обходительность? Или она всплывает только с толпой

вооруженных солдат за плечом?

— Пошел ты... — прорычал он.

— Так что, сначала его допросим или смоемся в открытый космос?

— Полетели. — Верон начал подниматься. — Лучше здесь не оставаться, а то либо звери прибегут, либо аборигены, либо еще одна толпа фальшивых патрульных.

— А как же твои раны? — немного взволнованно спросила девушка. За него она переживала больше, чем за меня. Пусть дырок в одежде у меня было больше, но от ран не осталось и следа, хотя все это восприняли как-то спокойней, чем я ожидал.

— Заживают, — просто сказал он.

— Как?

Теперь ее больше волновало, как так быстро раны заживают у Верона, а я остался не у дел. Пусть я и не стремился привлечь внимания к своим способностям, но раз уж все выплыло наружу, я ожидал больший интерес к своей особе. Судя по всему, девушку больше интересовал сам Верон, чем его способность исцеляться.

— Он гераклид, — ответил я за Верона. Я не пытался переключить внимание на себя, но посчитал, что Верону будет немного неловко рассказывать о себе. Да и Иолаю тоже. — Ты не слышала о гераклидах?

— Слышала, что они очень сильные.

— Они очень сильные, да, а еще у них довольно сильная выносливость и регенерация.

— Даже такие ранения могут залечить?

У меня, к слову сказать, ранения посерьезней были.

— Пуля, попавшая в плечо, прошла навывлет, кость не задета, — вернул себе слово Верон. — А из живота... — черноглазый на секунду замаялся, — А из живота потом выйдет. Раны полностью затянутся минут через двадцать.

— Круто, — протянула Мара.

— Круто, — подтвердил Верон, уже поднимаясь в «тарелку», но все же опираясь на Иолая. — И все же, у некоторых, как видно, бывает и круче.

Иолай и Мара мельком глянули на меня. Я лишь смущенно махнул рукой.

— Надо собрать оружия на всякий случай, — сказал Иолай, ногой отбрасывая одного из солдат с трапа.

— Я помогу, — ответила девушка.

— А я затащу нашего убийцу дедушки внутрь.

Все же удивительно, как иногда судьба собирает вместе совершенно непохожих людей. Или это злой рок? Ладно, если бы причины начинались с какой-нибудь мажорной ноты, но ведь нет, события, предшествующие знакомству, обычно совсем безрадостны, а то и вовсе трагичны. Есть пары, которые прожили вместе всю жизнь, а их знакомство произошло, когда на дороге один въехал в другого, разбив обе машины. И знаете, что тогда происходит? Тогда человек оказывается вырванным из привычной ему комфортной среды и помещается в ситуацию экстремальную; он снимает маску и показывает свою истинную внутреннюю сущность, о которой, порой, и сам не догадывался. В такие моменты люди и сближаются больше всего, ведь они сразу понимают, с кем имеют дело, и подстраиваются, заранее продумывая свою линию поведения. Они будто становятся пазлом, мозаикой, части которой идеально друг другу подходят, даже если на первый взгляд рисунки различаются кардинально. Но стоит их совместить, как видишь абсолютное соотношение формы и содержания. Тогда и понимаешь, что вам было судьбой повстречаться, и именно в такой ситуации. Люди обычно скрывают свое истинное «Я», словно поворачиваясь рисунком мозаики вниз, оставляя видимым лишь безликую серую спину. Но стоит их встряхнуть, как они показывают свою настоящую, красочную сторону.

«Тарелка», которую мы захватили, была последней моделью, даже я вряд ли бы смог нормально с ней управляться. А вот Верон освоился быстро, сказав, что уже успел полетать на такой. Рыжий, видимо, решил, что не выйдет из переделки живым, а потому заранее заблокировал панель управления и даже поставил таймер на самоуничтожение, но Иолай легко взломал систему, заявив, что Верон уже успел полетать на корабле, а значит, он знает о нем все. Мара перебирала оружие, которое мы сняли с убитых солдат, и переставляла патроны, заполняя магазины, а пустые откидывала в сторону. Я же не поленился переодеться в запасную форму вояк и теперь допрашивал рыжего.

— Слушай, рыжий...

— Меня зовут Адарак Симкое Лаксит, — гордо заявил он, бесцеремонно перебив меня.

Его пришлось привязать к одному из крепких сидений прочным канатом, так как он был довольно силен, а сотрясение, которое я ему организовал, не причиняло особого дискомфорта. Кровь из разбитого Иолаем носа заляпал ему всю форму, но кровотечение давно остановилось.

— Я это уже слышал, рыжий, — махнул я рукой. — Лучше скажи, кто ты такой и откуда взялся? Ты ведь знаешь, кто пустил газ в лайнер, что привело к его крушению?

Рыжий как-то нехорошо осклабился и отвернулся, по крайней мере, настолько, насколько это позволяли туго натянутые веревки.

— Чего тут смешного?

— Я ничего не знаю, — громко произнес рыжий.

— Ты прилетел на следующий день после крушения корабля, потом попытался нас убить, при этом прекрасно зная, что мы выжившие с того самого лайнера, и ты ничего не знаешь? И ты думаешь, тебе кто-то поверит?

Рыжий не ответил. Естественно, что он не собирался говорить, а угрожать физической расправой было бессмысленно, ибо он заранее был готов к такому исходу, запрограммировав корабль на самоуничтожение, но не обязательно угрожать человеку, чтобы что-то узнать,

достаточно заговорить его, пока он случайно не обмолвится о том, о чем должен был бы молчать. Хотя многие, готовые умереть, предпочитают сделать это без лишней боли, а потому боятся пыток.

— Ты крепкий, — продолжил я, — раз пережил мой удар. Даже для твоей расы такой удар минимум грозил вырубить тебя на пару часов. А ты ничего, живехонький, лишь глазки немного бегают, только вот не пойму, то ли от сотрясения, то ли ты врать не умеешь совсем.

— А я и не вру, — снова улыбнулся рыжий, — просто не хочу говорить. — Он насмешливо посмотрел мне в глаза.

— Что ж, это поправимо.

Я достал нож, который забрал еще у одного из аборигенов в лагере, и про который совсем забыл. Он был в специальном чехле на ноге и, оттаскивая рыжего в «тарелку», я случайно задел его рукой этого джигударго, тогда и вспомнил о нем. Клинок ножа был длиной с ладонь и выглядел внушительно. Внизу лезвия, у самой рукояти, находился топорно зазубренный серрейтор.

— Интересно, раз ты такой крепкий, боли ты тоже не боишься?

Рыжий немного повернул голову, взглянул на нож с ничего не выражающим лицом, хотя в глазах читался огонек страха, но ничего не ответил.

— Что ж, тогда проверим...

— Постой, — перебила меня Мара.

— Ну что еще? Будешь читать мне мораль о неправильности пыток пленных?

— Нет, просто хотела сказать, что я закончила заполнять магазины.

— И что там? — вмешался Йолай. Он вытащил из медицинской комнаты несколько инструментов и попытался залатать свою протекающую руку. Это у него не особо получалось, так как приборы не были предназначены для роботизированных частей тела.

— Девять полных магазинов.

— Не так плохо, как я думал, — кивнул киборг.

— Ну, молодец, — сказал я, — меня-то чего отвлекаешь? У меня тут важный разговор. — Я снова повернулся к рыжему, который за это время словно забыл и обо мне, и о ноже в моей руке.

— Так один патрон лишний остался, — пояснила девушка, — в отдельный магазин его бессмысленно запихивать, а выбрасывать жалко. Может, его использовать по назначению, чтобы нож раньше времени не пачкать?

Я демонстративно призадумался. Мара хоть и была дилетантом, но иногда соображала, хотя такой жесткости я от нее не ожидал. Возможно, она просто не верила, что я и правда начну вот так резать пленника посреди корабля, а просто блефую. Что ж, она плохо меня знает.

Рыжий сначала как-то дико смотрел то на меня, то на девушку, потом медленно и спокойно сказал:

— Я действительно не знаю подробностей, но кое-что все же сказать могу, отвечая на твой вопрос.

Судя по всему, он не только боялся пыток, хоть и плохо это скрывал, но и умирать ему тоже не хотелось. С учетом того, что полчаса назад он собирался взорвать всех вокруг вместе с собой, это было странно. Возможно, он просто хотел покрасоваться перед своими солдатами, даже не сомневаясь в том, что они победят.

— Это на какой же?

— Про лайнер. — Он снова нехорошо улыбнулся.

— Ну? Кто убил всех людей?

— Ты!

Даже Верон, до этого молча сидевший за панелью управления, повернулся и нахмурился. Неужели он до сих пор во мне сомневается?

— Я? Что за чушь? Мы оба прекрасно знаем, что это не так.

— Мы-то знаем, а общественность нет. У нее совершенно иные представления о случившемся на корабле.

— Камеры... — догадался я. — Так и знал.

— А что с камерами? — не поняла девушка. — Камеры же записали, что ты предупреждал всех о бомбе и сам спасался.

— Да, а еще они записали, как я раскидал телохранителей Костуна и его самого, вырубил в толпе охранника и убил полицейского.

— Полицейского? — удивилась девушка. — Ты же говорил, что он сам тебя отпустил.

— Я много чего говорил... — отмахнулся я от нее. Интересно, как бы они все отреагировали, если бы я с самого начала рассказал правду? Тот молодой полицейский точно бы кинулся на меня, за что серьезно поплатился бы. В глазах остальных я тоже выглядел бы злодеем, хотя, если учитывать его поведение, вряд ли меня так уж сильно стали презирать.

— Подожди, но ты все это сделал в качестве самообороны, а тот коп вообще угрожал тебя убить, да и вел он себя не так, как положено полицейскому в подобных ситуациях.

Наивность Мары поражала. Пусть она и была лишь начинающей воровкой-мошенницей, но жизнь ее явно потаскала за волосы.

— Только вот на камерах все будет немного иначе, — вмешался Иолай. — Кое-какие фрагменты могут выпасть, а какие-то просто испортиться. Звук тоже может повредиться, поэтому будет невозможно разобрать, о чем говорится на видео.

— Но ведь видеомонтаж легко можно обнаружить, с сегодняшними-то технологиями.

— В том-то и дело, что никакого видеомонтажа там не будет, — вернул я себе слово. — Я и охранников бил, и полицейского убивал, а потом лайнер рухнул и взорвался. Любой грамотный оратор выставит все так, что в этом виноват я. На правду можно посмотреть под разными углами.

— Но... — начала девушка, но замолчала, не зная, что ответить. Немного помолчав, она все же нашла, что сказать:

— Я главного не понимаю: зачем им это нужно? Чего они добиваются?

— Мне тоже интересно, — согласился Иолай.

— Поверьте, я хочу это знать не меньше вашего.

— Может, ты кому дорогу перешел?

— О-о, я многим дорогу и переходил, и переезжал, попутно давя под колесами клеветов. Вот только вряд ли кто-то из них достаточно умен и... безумен, чтобы совершить такое, лишь подставляя меня.

На самом деле, я знал много довольно безумных личностей, которые могли бы устроить подобное шоу, и даже не ради того, чтобы подставить меня, а просто веселья для. Некоторым людям, бывает, нравится делать вещи, которые большинство считает отвратительным, и таких людей называю либо психами, либо гениями, хотя часто со временем такие близкие понятия стираются, и вчерашний ненормальный сегодня становится примером для подражания у миллионов. Так, бывает, возникают целые религии. Возможно, когда-нибудь

возникнет религия под названием амарталианство или амартализм, учитывая при этом, что тот, кому будут поклоняться, бессмертен. Возможно, даже, что ее создам я сам. Хотя пока у меня есть дела поинтересней.

Несмотря на все это, большинство тех безумцев, которые могли устроить подобный теракт, давно гниют в земле, распухают в воде или превращаются в ледышку в открытом космосе. Однако может случиться так, что кто-то, кому я оставил жизнь, решил отомстить, хотя для этого нужно быть кем-то больше, чем психом, либо кого-то я просто не добил. В любом случае, тот, кто решил все это устроить, довольно глуп, раз решил мне мстить, вместо того, чтобы забраться в самый темный угол и скулить там до конца своей ничтожной жизни, обливаясь холодным потом при каждом шорохе.

Забавно, что мой противник должен быть одновременно глуп, умен и безумен. В таком случае круг получается несколько уже.

— И зачем взрывать весь лайнер, чтобы подставить тебя, ты тоже мог погибнуть вместе с остальными, — заметила Мара.

— Кстати, насчет погибнуть... — оживился Иолай.

И вот, эта тема снова всплыла.

— Давайте сначала решим, что делать с этим рыжиком, — перебил я. — И куда мы вообще летим?

— Предлагаю выкинуть рыжего за борт, — сказал киборг. Похоже, все свои проблемы он пытается решить подобными методами, хотя вряд ли у него часто получается.

— Я не согласен, — тут же вмешался Верон.

— Кто бы сомневался, — буркнул я.

— Как я уже говорил, я не люблю ничем не обоснованных смертей.

Зато предпочитаешь не обоснованное ничем спасение жизни тем, кто этого не заслуживает, подумал я про себя. Полагаю, Иолай был бы со мной согласен, выскажи я эту мысль вслух, однако я пока решил ее попридержать.

— И что тогда предлагаешь?

— Мы уже минут тридцать кружим вокруг планеты, с которой улетели, и никакой активности других патрулей или им подобных. Можно посадить его где-нибудь, где побезопасней. Может быть, и его когда-нибудь найдут, как и нас...

— А еще его могут сожрать дикие звери или аборигены, если у него, конечно, мясо не слишком жесткое, — добавил я. — Мсье знает толк в извращениях!

Так или иначе, руки Верона оставались чисты. Это как похоронить человека заживо, оставив ему в гробу пистолет с одним патроном. По сути это не убийство, но маловероятно, что он использует этот патрон, чтобы отбиваться от червей.

— И еще кое-что.

— Да-да?

— Мы никого не забыли?

Все призадумались, осматриваясь по сторонам. Было слишком тихо, никто не причитал, не ныл и не угрожал.

— Ядрена кочерыжка! — вскрикнул я. — А где Костун и те лысые?

— Кажется, мы оставили их в машинах.

— Если они все еще живы, мы их заберем, — сказал Верон.

— Как скажешь. Ладно Костун, он без сознания, но те лысые-то почему не вылезли после перестрелки?

Мы вернулись на эту чертову пустынную планету, засыпанную красным как перец песком. Высадив упирающегося здоровяка из «тарелки» недалеко от гор (возле других, где, как нам казалось, никто не живет), мы отлетели метров на сто и выбросили ему две винтовки, в одной из которых был лишь один патрон, — чего зря оружием раскидываться? Потом взлетели вверх и довольно быстро нашли место, где мы оставили толстосумов, так как неподалеку стояла дюжина разбитых машин и лежало в крови десятка три аборигенов и еще примерно столько же солдат в черном, и это не считая убитых зверей. На фоне пустыни, пусть даже и красноватой, эта картина явственно выделялась. Опускаясь на землю, мы увидели, что толстяк уже пришел в себя и даже вылез из машины, испуганно озираясь и не понимая, что да как: слева и справа кровавое месиво, впереди — приземляющаяся черная тарелка с неизвестно кем внутри. Любой будет в шоке.

Трап опустился.

— Ну, привет, — помахал я ему.

— Что... что здесь произошло? Откуда вы?..

— Ты залезать-то собираешься? Или решил тут пока пожить?

Костун сначала осмотрелся вокруг, потом немного призадумался (или сделал вид) и за неимением альтернатив все же решил пойти к нам. Я вышел из корабля и окрикнул лысых стариков. Ответа не последовало. Подойдя к машине, в которой они должны были быть, я увидел их тела — они даже не пытались спрятаться, — цокнул языком и вернулся в «тарелку». Верон вопросительно посмотрел на меня. Я лишь покачал головой. И мы поспешно вернулись в открытый космос.

— Так, — сказал я, потирая руки, — первый вопрос решен. Остался еще один: куда нам отправиться?

— Мы летим ко мне, — твердо сообщил Верон.

— О, а ты живешь где-то неподалеку?

— На самом деле, я живу очень далеко — несколько тысяч галактик отсюда. Но мы летим немного в другом направлении, там находится... вилла.

Верон не выглядел особо довольным. Судя по всему, то место не вызывало в нем радостных воспоминаний, но я решил довериться ему. Всяко лучше, чем лететь ко мне в гостиницу.

— Я не прихватил с собой сменное белье. Можно мы заедем в магазин?

— Я не дурак, чтобы лететь туда напрямую. Совершим метасалирование и вмиг будем там.

Все только охнули. Даже Костун, который все еще не пришел в себя, сразу понял, что его ждет.

— Ненавижу метасалирование, — поморщился я, — а точнее это чувство... ничего.

— Его никто не любит, а что поделать? — отозвался Иолай.

— А нам энергии-то хватит? — поинтересовался я у Верона. Обычно «тарелки» патрульных не обладали возможностью накопления большого количества энергии.

— Сразу на место мы прыгнуть не сможем, ни один корабль во Вселенной не способен прыгнуть на такой расстояние в один скачок, поэтому придется переместиться несколько раз.

— Бли-ин, — недовольно протянула Мара.

— Я не хочу, — жалобно подал голос Костун. Он не прекращал держаться за свою подбитую руку, словно боясь, что она отвалится. Он был бледен, отчего синяки под глазами

проступали еще отчетливей, и едва даже седел в кресле от истощения, как физического, так и морального: если верить Маре, его никто никогда не бил, а тут за несколько дней разбитый нос и пуля в плече. И не говоря уже о том, что у него не осталось телохранителей, а его драгоценные денюшки сейчас не ценней макулатуры.

— Чего ты не хочешь?

— Не хочу лететь туда, куда вы тут все собрались.

Несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на его толстые, но от этого не менее хрупкие плечи, он лишь причитал, однако не видно было, чтобы он погряз в безысходности. Вероятно, он даже не понимал, как все на самом деле плохо.

— А, ну да, ты же все пропустил.

И я рассказал ему как можно более простым языком, что случилось на лайнере и кто те убитые солдаты. Костун по несколько раз переспрашивал, но все же, в конечном итоге, понял основную мысль: нас хотят убить, и деньги ему тут опять не помощники, — все же он до этого об этом не задумывался.

— Я что, зря столько денег накопил? — посетовал дэбел.

— Теперь копи нервы.

Он осунулся и недовольно нахмурился, явно гадая, как ему выпутаться из всего этого. Об этом думали все, хотя Костун думал об этом, лишь как о своей личной трагедии, и мысли у него были только о своей собственной шкуре.

— Я уже проложил маршрут на несколько прыжков вперед, — подал голос Верон, — чтобы мы перемещались поближе к звездам для быстрого накопления энергии, так что пристегнитесь и расслабьтесь.

— Расслабишься тут, как же.

Верон запустил функцию метасалирования. Поток невидимой энергии устремился вперед, собираясь в темный сгусток перед кораблем. Вобрав в себя достаточное количество энергии, этот сгусток словно взорвался в замедленной съемке и перед нами предстал абсолютно черный круг. Он был едва различим на фоне космоса, черного, как сердце бывшей, но отсутствие на небольшом участке перед нами звезд говорило о том, что впереди есть нечто, закрывающее их от взора, будто поглотившее часть Вселенной.

Мы сидели пристегнутыми в узких креслах, которые, в случае надобности, могли «утонуть» в полу, оставляя просторное пространство, и ждали своей неминуемой участи. Верон тоже пристегнулся, а потом медленно, словно нехотя, влетел в черный круг, который одновременно как будто затягивал нас в себя, не оставляя шансов на спасение.

Это чувство невозможно описать во всех его проявлениях. Кажется, словно ты падаешь в пустоту, ощущая ее не только физически, но и ментально, и эмоционально. Будто ты перестаешь существовать. У тебя отключаются все функции организма: ты не видишь (даже так называемых «мушек»), не слышишь (даже биения собственного сердца), не ощущаешь кожей стягивающих тебя ремней, даже пошевелиться не можешь, как если бы ты сам стал частью бесконечной пустоты. Для меня это чувство являлось абсолютной противоположностью тому, когда мое тело рассыпается в пыль и моя душа обретает «истинную свободу». Здесь исчезает даже она.

К метасалированию невозможно привыкнуть. Помимо живых существ, отключается и техника: никому так и не удалось записать то, что происходит внутри портала: на видео кажется, будто с объектива забыли снять крышку, а вместо звука просто тишина, даже если во время перехода во всю гремела музыка. Немного жутко. Перейдя на другую сторону,

техника не работает еще секунду, именно поэтому и рекомендуется пристегиваться — искусственная гравитация также отключается, и ты можешь попросту вылететь из кресла и сильно приложиться, когда она вновь запустится как ни в чем не бывало.

И все это происходит неведомо сколько времени. Так как часы в портале тоже не работают, то проведенное внутри время могут посчитать лишь те, кто не проходил через этот портал, оставаясь снаружи. Во время экспериментов было установлено, что переход может быть от тысячной доли, до пары десятков секунд. Сам человек сказать не может, сколько он пробыл внутри, так как не способен во время перехода даже мыслить, не говоря уже о счете про себя, хотя складывается ощущение, что проходят эпохи. Кто-то даже говорил, что некоторые при переходе так и не вернулись, но в это мало кто верит, предполагая, что они просто задали неверные координаты и влетели куда-нибудь в центр звезды, где благополучно сгорели.

Мы же вылетели туда, куда и намеривались.

— Ай! — вскрикнул Костун.

— Ну что еще?

— Моя спина! Я же ранен! — заныл он, придерживая руку.

— Ты не в спину ранен, а в плечо.

— Какая разница? Мне все равно больно!

Наверно, не надо было за ним возвращаться. Но кто бы мог подумать, что он столь везуч? Не валяйся он без сознания на заднем сиденье, то разделил бы участь тех двоих лысых старичков, чьих имен мы никогда не узнаем.

— Сколько времени до следующего прыжка? — спросил Иолай у Верона.

— Минут десять. Мы можем прыгнуть и раньше, но лучше накопить энергии на максимум, на всякий случай.

— Хорошо, тогда я успею обработать толстяку рану и перевязать.

— Я не толстяк! — Костун гордо выпятил грудь и тут же скорчился от боли, но все же выдавил: — Я Костун Де Вито Рейнольдс.

И почему все так хвастаются своими именами, словно для них честь носить персональное название, да еще и данное им другими? Вот я свое сам себе придумал. Правда, когда кто-то об этом узнает, заявляет, что у меня нет фантазии. Даже если они не врут, я им не верю.

— Да хоть Император Человечества! — рявкнул Иолай. — Тебя подлечить или сам регенерируешь? А то мне и самому не помешал бы ремонт.

— Да. Подлечить. — Костун виновато опустил голову.

Лететь пришлось довольно долго. Если бы не постоянное метасалирование, можно было бы даже и вздремнуть. Больше всего доставалось Костуну, так как он был ранен, и каждый такой переход сопровождался его мычанием, айканьем и нытьем. Дважды его рана открывалась, и Иолаю приходилось перевязывать все по новой. Благо в медицинском кабинете находилась массивная аптечка со всем необходимым. Когда, наконец, Верон сказал, что мы прибыли, все вздохнули с облегчением.

Планета, возле которой мы оказались, была зеленой. Почти всю поверхность, не считая двух океанов и множества более мелких водоемов, покрывал густой лес и широчайшие поля. Вид из космоса открывался потрясающий. Было одно «но»: повсюду летало множество различных космических транспортных средств.

— Я думал, мы хотим затеряться, — проговорил я.

— В толпе это сделать легче, — ответил Верон, уверенно направляя корабля к планете.

— Это на черной-то патрульной «тарелке»?

— Изнутри не видно, но я сменил цвет на серебристый, так что на нас никто не обратит внимания.

— А разве у патрульных кораблей есть такая функция?

— У этой модели есть.

Самая бесполезная функция корабля, но не для нас. Серебристый в самом деле был в тему, потому что почти все корабли вокруг были именно такими, аж глаза слепило от отражающегося от них света местного солнца.

— Понятно. Что дальше?

— Спускаемся.

И мы полетели на планету.

Как оказалось, эта зеленая утопия являлась чем-то вроде загородного поселка, в котором богатенькие мажоры покупают себе специально отведенные участки, на которых возводят различные постройки по вкусу. Главным условием было — не уничтожать растения без позволения. А еще эта планета являлась образцом удачного терраформирования.

Мы приземлились на одной из площадок возле огромного особняка, и к нам тут же сбежался народ — прислуга. Особняк был огромен. Было даже трудно сказать, сколько же в нем этажей: казалось, будто каждое окно выходит на один из балконов — маленький, под одно-два окна, или большой, являющийся общим для нескольких комнат. Цвет крыши — даже нескольких крыш различных размера и расположения, что делало их похожими на пьедесталы — был блекло-голубой и имел несколько декоративных, как потом оказалось, каминных труб, — загрязнение атмосферы так же являлось неприемлемым. Перед домом было всего четыре площадки для посадки кораблей различного размера. За особняком находился большой бассейн, а за ним уже начинался огромный зеленый корт для гольфа. Метрах в двухсот по обеим сторонам дома начинался густой лес смешанного типа.

— Не слабо, — присвистнул я.

— А то! — отозвался Иолай.

Верон приказал подготовить три гостевых комнаты и приготовить сытный ужин на пятерых. От мысли о еде у Костуна китом заурчало в животе, — оно и не удивительно, мы не ели с самого побега с лайнера. Еще он приказал убрать «тарелку» в ангар.

— Нам нужно поесть и набраться сил, — сказал Верон, когда прислуга разбежалась выполнять поручения. — Поэтому о делах поговорим завтра, ближе к полудню по здешнему времени.

— Нас точно тут не найдут?

— Эта вилла принадлежит моему двоюродному брату — я не очень люблю подобную роскошь, — поэтому маловероятно, что нас тут будут искать. Тем более, мы с кузенком не очень-то близки, так что он даже не знает, что я был на лайнере. Здесь он тоже редко появляется — работа в правительстве отнимает много времени. А еще этот участок оформлен на подставное лицо. Поэтому не переживайте, что нас здесь найдут, если нас вообще ищут, и чувствуйте себя как дома. Прислуга покажет вам ваши комнаты, где вы сможете принять по желанию душ или ванну и переодеться.

— О, душ! — оживилась Мара, чистота заботила ее больше, чем пустой желудок. — Моя заветная мечта последних двух дней!

— Повторюсь — чувствуйте себя как дома.

— Тут, кстати, есть профессиональный врач, наш с Вероном давнишний друг, так что толстяку более качественно окажут медицинскую помощь, — добавил Иолай. Костун хотел что-то возразить, но передумал. — И мне тоже не помешает... подлечиться. — Он поднял одной рукой другую, которая повисла плетью, когда он ее вновь отпустил.

Вестибюль особняка оказался просто огромным. Большое витражное окно заливало помещение синим, зеленым и красным цветами, что предавало белому мрамору еще больше шика и ощущения нереальности. Вестибюль по кругу обрамляли высокие массивные колонны в древнегреческом стиле, поддерживающие внутренний балкон, идущий полукругом и утопающий в стене над входом, чтобы не мешать свету, проходящему сквозь стекло. Однако на этом балкон не заканчивался, выступая уже снаружи; опять же, дабы не мешать освещению, внешний балкон был чуть ниже внутреннего, и туда вели небольшие лесенки с обеих сторон. Прямо напротив входа находилась полувинтовая широкая лестница — таких в доме было всего пятнадцать — по пять на каждый этаж. На мансарды же вели уже прямые лестницы.

Комната, которую мне предоставили на втором этаже, оказалась просторной и немного напоминала ту, что была у нас с Марой на лайнере, только эта казалась как бы объединенной гостевой и спальней. Также в ней отсутствовал бар, зато была небольшая кухня, на которой вряд ли можно приготовить слишком много блюд, лишь легкий перекус. Ванная комната имела угловую ванную-джакузи и отдельную душевую кабинку в соседнем углу. Справа от входа в комнату стоял большой шкаф, в котором я обнаружил всевозможную одежду, причем многое оказалось практически моего размера.

Когда слегка стемнело и прислуга сообщила о том, что ужин готов, я уже успел помыться в ароматической ванне и переодеться в новую одежду, подальше запихнув форму патрульного. Спустившись в обеденный зал, мы все расселись за длинным столом, во главе которого нас уже дожидался Верон. Несмотря на то, что нас было всего пятеро, стол был заставлен яствами почти до половины. Жареные курицы и индейки, всевозможные салаты, картофель во всех его способах приготовления, порезанные колбасы и сыры, фрукты и овощи, рыба непонятного вида и много другое; некоторые блюда были более экзотичны. Из напитков присутствовали вино, коньяк, водка, соки и морсы.

По желанию можно было заказать почти что угодно — местная служба доставки доставляла продукты почти со всех уголков Вселенной. Некоторые товары доставлялись даже незаконно, но планета была усеяна богачами всех мастей, так что местные патрульные были толще большинства остальных во Вселенной.

Ранее мы решили, что все дела обсудим завтра, поэтому возникающие по поводу произошедшего разговоры тут же пресекались Вероном на корню: «Лучше обо всем поговорить на свежую голову». Так что практически все темы касались особняка, который никого не оставил равнодушным. Иолай похвастался починенной рукой. Костун почти не говорил, что для него не свойственно, даже не ныл, пусть изредка и потирал перебинтованное плечо.

После ужина, сытые и довольные мы отправились спать в особенно уютные после всего случившегося кровати.

На следующее утро мы собрались в просторном личном кабинете Верона, точнее его брата. Нам принесли утренний кофе и свежие домашние булочки с различными начинками и пряностями.

— Этот кабинет надежно защищен от прослушивания и оснащен глушащими

устройствами, так что все, что мы здесь обсудим, останется между нами, — сказал Верон.

— Думаешь, нас могу подслушивать? — с сомнением поинтересовался я.

— Лучше подстраховаться.

— Согласен.

— Итак, думаю, нам лучше начать сначала.

— И снова согласен, — кивнул я. — Тогда, полагаю, начать должен я.

И я поведал всем о том, как меня нанял вирусус, а точнее, его босс, и передал подробную инструкцию, что нужно делать. Уточняя, что я известный в узком кругу вор и просто преступник, я не стал, сказал лишь, что иногда промышляю подворовыванием и выполнением подобных заказов. Потом рассказал о том, что было на лайнере, не упустив и встречу с Марой.

— Вот, в общем-то, и все, — закончил я. — Дальше вы все знаете сами.

— Вообще-то, не все, — тихо сказала Мара, виновато опустив голову.

— В смысле? Что я пропустил?

— Ты ничего не пропустил... наверно. Просто есть кое-то еще.

Все с любопытством уставились на раскрасневшееся лицо девушки, особенно я. Было интересно узнать обо всем случившемся с другого ракурса, мне неизвестного. Мара, я был уверен, что-то скрывала все это время, и вот настал момент истины. Люблю я узнавать чужие тайны.

— И что же? — поторопил я ее откровение.

— Ну, в общем, я... Меня...

— Да говори уже! — рявкнул Костун. По сравнению со вчерашним днем, сегодня он явно вернулся в норму.

— В общем, наша встреча не случайна.

— Наша встреча? — удивился толстяк.

— Да не моя с тобой! А моя с Хорсом.

— В смысле?

— Ну, в общем, примерно месяц назад со мной связался один неизвестный. Он сказал, что знает, кто я такая...

— А кто ты такая? — перебил ее я. Девушка замялась и, прочистив горло, ответила:

— Я... воровка. Именно поэтому я и подобралась к Костуну, чтобы его обчистить.

— Ах ты... — вскочил толстяк. — Я так и знал! Знал, что ты простая профурсетка!

Неужели Костун действительно считал, что всех этих девушек, которых, если верить Маре, он меняет каждые три-четыре месяца, привлекает его харизма и внешние достоинства, а не толстый кошелек? Даже у самообмана должна быть разумная граница.

— Не перебивайте девушку, пожалуйста, — холодно сказал Верон. Костун нехотя сел обратно в кресло, потирая перебинтованную руку. До некоторых слишком долго доходит собственная глупость, и часто такие люди винят в своих напастях что угодно, только не собственное скудоумие.

— Короче, — продолжила девушка, — тот человек предложил мне работу. Мне нужно было попасть на лайнер «Infortissimo», натолкнуться якобы случайно на человека, чью фотографию мне прислали по почте, и помочь ему кое с чем. Точнее не помочь, а подтолкнуть, чтобы он выполнил работу быстрее, потому что они подозревали, что он может временно забыть о своих делах и развлекаться месяц, а то и больше. — Она укоризненно взглянула на меня, но тут же виновато отвела взгляд.

— Этот человек — Хорс? — уточнил Верон.

— Да. Я его сразу узнала, когда увидела сидящим в баре. Черное на белом трудно не заметить.

— Я приперся на корабль весь в черном, — пояснил я вопросительный взгляд Верона. — Потом переоделся. Подожди, — повернулся я к девушке, — ты же говорила, что Костун сам захотел приехать на лайнер. А что, если бы он не захотел?

— Да она сама меня и уговорила, — проворчал Костун. — Я хотел в следующем месяце ехать, а она уговорила на раньше.

— Понятно. Значит, ты не просто поняла, что мы похожи, а знала обо мне с самого начала. Это все объясняет.

Про фальшивую историю с отцом я не стал ей напоминать, потому что не все в той истории было ложью на сто процентов. Когда придет время, она, возможно, расскажет правду, если сочтет это необходимым.

— Но я ничего не знала о том, что будет. Мне лишь сказали время, когда нужно прибыть, показали фото человека и сказали, что его нужно подтолкнуть. Клянусь! — выкрикнула Мара. Она покраснелась пуще прежнего, а из глаз градом катились слезы. Она боялась, что мы начнем ее обвинять во всем произошедшем, это в лучшем случае, а потому добавляла к своему рассказу чересчур драматичности. Нет, она не врала, говоря о том, что не знала, это было очевидно, но все же слегка играла для пущей убедительности. В общем, типичная женская линия поведения.

— Да врет она все! — снова вскочил Костун; его правдой не проведешь. — Не верьте ей! Это все из-за нее и него. — Он показал своим пухлым пальцем и на меня.

— Надо было его на той планете оставить, — впервые вставил слово Иолай, все это время сидящий с портером [портативный компьютер] в руках.

— Сядьте, — так же холодно, как и в прошлый раз, сказал Верон Костуну. — А вам я верю, — он повернулся к девушке.

— Верите? Правда?

— Если бы Вы все знали, то не попали бы в такую... опасную ситуацию. Вы бы заранее продумали план побега. Так что очевидно, что Вас подставили.

Надо будет потом у него выяснить, заметил ли он тоже, что Мара слегка актерствует.

— Так ты не видела того, кто тебе заказал эту работу? — спросил я.

— Нет, мы разговаривали только через почту.

— А деньги?

— Он сразу же перечислил их мне на личный счет, и больше, чем я могла бы... стащить у Костуна, потому я и согласилась.

Чтобы устроить такую подставу, простых денег недостаточно. Вряд ли этот человек, или даже группа людей, лично участвовал в закладывании бомб с газом, скорее он точно также нанимал сторонних людей. Вот будет потеха, если все это было не ради того, чтобы подставить меня, а ради убийства кого-то на борту. Или всех. Так или иначе, я знаю слишком много, чтобы оставлять меня в живых, как и остальных членов нашей дружной компании.

— А ты не узнал того вирусуса? — спросил у меня Верон, выведя из раздумий. — Может ты где-нибудь раньше его встречал и имел с ним дела?

— Я имел дела, если это можно так назвать, только с одним вирусусом, и закончились они не очень хорошо. — Я не стал уточнять, что особенно плохо они закончились для волосатого. — Но вот в чем загвоздка — этот вирусус, похоже, знал о том, что я когда-то вел

дела с другим волосатым, хотя... — хотел сказать: свидетелей, — ...знающих об этом уже не должно быть в живых, а если кто-то и остался, то давно уже слишком стар, чтобы браться за месть. Возможно, он был среди его людей, но я особо не всматривался, да и не было резона, — они все на одно волосатое лицо, тем более способны менять свою конституцию.

— Да, скорее всего он изменил свое телосложение, чтобы ты его не узнал, — согласился Верон. — Или хотел, чтобы ты воспринял его не всерьез.

— Или и то и другое, — добавил я.

— Или и то и другое, — согласился гераклид.

— Но я сразу понял, что он не так прост.

— Ладно. — Тихо стукнул по столу ладошкой Верон. — Что мы имеем? Кто-то проделывает сложнейшую работу, чтобы незаметно поместить в хорошо охраняемый лайнер множество газовых бомб с каким-то психотропным веществом, превращающим всех в зомби, после чего нанимает Мару, чтобы она в определенное время прибыла на корабль и помогла Хорсу, которого они наняли позже, кое-что украсть. Открыв кейс, Хорс случайно запускает таймер, который и привел заложенные бомбы в действие. И те люди явно знали, чем все кончится, — погибло примерно семьдесят тысяч человек. И все ради чего? Чтобы подставить одного человека? Глупо.

Все призадумались, но добавить было нечего. Все это действительно было слишком глупо. Или кто-то хочет, чтобы так казалось со стороны. Но если целью был не я, затея уже не кажется такой уж абсурдной. В любом случае, мы в центре минного поля, и лишь от нас зависит, не разорвет ли кого на мелкие части. Нам нужен проводник, а кто подходит лучше, если не бессмертный?

— Кстати, — подала голос девушка. — Ты расскажешь о себе? Почему тебя пули не берут?

Все с интересом уставились на меня. Вот теперь мне точно не отвертеться.

— А что тут рассказывать? Я бессмертный, — небрежно бросил я.

— Бессмертный?!

— Ага.

— В смысле?

— В том смысле, что мне почти три тысячи лет, и я не умираю, чтобы со мной не приключалось. А приключалось со мной за это время очень многое.

Все как-то притихли, пытаясь переосмыслить услышанное. Я обронил эти слова, словно ведро ледяной воды на голову слушателям. Я, конечно, мог бы поломаться и попытаться улизнуть от ответа или наврать с три короба, но это не имело смысла, потому что все видели те дыры от пуль на накидке, и не за что бы ни поверили в лживые рассказы. Лучше сказать все сразу, чтобы впустую не тратить время. Зато теперь можно не быть осторожным. И никто не бросится закрывать меня грудью от пули, хотя вряд ли кто-то из присутствующих на это способен, не считая, может, Иолая, но тот скорее прикроет лишь Верона.

Пауза затянулась. Я зевнул. Первым подал голос Верон:

— Тогда, может все это связано именно с этим... обстоятельством?

— Скорее всего, так и есть, — просто ответил я. — НО! Если они меня хотели не убить, а подставить, значит, знали о моей способности. А таких мало, и практически все они предпочитают действовать деликатней. И зачем им все это? Тем более что они могли это сделать не так громко и без такого количества жертв.

— Кажется, я кое-что нашел, — тихо сказал Иолай, роясь в компьютере.

— Что там?

— Заявление местного правительства о произошедшем. И оно вам не понравится.

Масштаб события, даже учитывая десятки тысяч жертв, оказался куда более внушительным, чем должен был быть по факту. В истории Вселенной были намного более серьезные происшествия, как случайные, так и спланированные кем-то специально, но, казалось, что этому событию уделяют какое-то запредельное внимание. Конечно, можно было сослаться на то, что на лайнере было очень много высокопоставленных лиц, но прочитав новости, стало понятно, что этому факту практически не придают значения, упоминая лишь мельком. Большая же часть заявления уделялась не последствиям катастрофы и разъяснениям информации по поводу жертв, а обвинениям. Иолай вычитывал из заявления наиболее интересные моменты:

— Так. Вот. «Мы не раз выказывали свое недовольство человеческой расой, но Совет нас не слушал, ссылаясь на то, что очень многие другие виды ведут себя жестоко и недружелюбно, а те, кто не ведет, — вели так себя раньше. И мы с этим согласны. Действительно, многие расы в начале своего становления были довольно... диковаты, но со временем они превратились в цивилизованные общества». Так, тут идут примеры «цивилизованных» рас, хотя по поводу некоторых я бы поспорил...

Тех же вирусусов многие вообще считают животными, несмотря на то, что некоторые индивидуумы очень умны и образованы. Их, конечно, не так много, но они есть, а значит, у расы большой потенциал. Но все всегда вначале смотрят на внешний вид.

— Не отвлекайся, — сказал Верон.

— Да-да, нашел. «Все эти расы... Но они окультуривались, не без помощи других, более развитых рас, конечно же. Однако человечество не принимает наши догмы, упорно их игнорируя и... ведя себя как животные. По статистике („По их, естественно, статистике“, — вставил слово Иолай), большая часть преступлений совершается именно человеческой расой. Они крадут...» Тут идет перечень всех преступлений. Потом еще напоминание, что наша родная планета превратилась в летающий кусок... мусора, в который мы сами ее и превратили постоянными войнами. Еще что-то о болезнях, которые привезли с собой люди. Дальше. Вот. «Сегодня человечество очередной раз показало свое истинное лицо, совершив ужаснейшее деяние: человек убил несколько десятков тысяч высокопоставленных лиц и просто гражданских». Они, почему-то умалчивают, что там тоже было и много людей, — пробормотал киборг. — Продолжаю: «У нас есть неоспоримые доказательства. Это видеозапись, где четко видно бесчинство человека». Дальше идет небольшое видеоролик, в котором есть все то, о чем предполагал Хорс: половина видео испорчена, на остальной части всякие нелюбезные поступки того же самого Хорса. Даже я бы поверил, не будь я свидетелем произошедшего.

— Продолжай, — тихо прервал Иолая Верон.

— Как скажете. Дальше идет комментарий по поводу запечатленного на камерах. Все очевидно и все абсурдно. Еще говорится, что преступник приземлился на планете, на которой жило местное мирное население, добровольно (а как иначе?) покинувшее мирскую жизнь, и жестоко перебил ВСЕХ жителей.

Про взрыв ни слова. На планете был я, и там умерли люди, этого достаточно, чтобы связать эти факты воедино, а лишнее можно вычеркнуть за незначительность. Так-то взрыв произошел достаточно далеко от поселения, чтобы там никто от этого не умер сразу, они бы максимум облучились, что проявилось бы спустя минимум месяцы. А это значит, что им кто-

то помог.

— Всех?! — вырвалось у Мары.

— Ага, тут так написано. А еще написано, что он отправил в космос сигнал SOS, а когда на помощь прибыла команда патрульных, он их всех тоже перебил, а корабль угнал.

Суперчеловек прям, странно, что планета осталась цела.

— Это уже перебор, — вскинула руками девушка.

— Есть еще кое-что интересное: «Нам также стало известно имя террориста, его зовут Амарталис де Восаф. Нам мало о нем известно, кроме того, что он известный в преступном мире вор и разбойник, а теперь еще и массовый убийца».

— Амарталис? — вопросительно подняла брови Мара. — Ты же говорил, что тебя зовут Хорс.

— Я врал.

— Врал? Почему?

— Давайте вспомним, что не я один здесь врал. Причем моя ложь об имени не так ужасна, как у некоторых.

Девушка нахмурилась и немного покраснела, но ответила спокойно и даже немного обиженно:

— Но я-то все рассказала...

Интересно, как бы она отреагировала, скажи я, что из нее не настолько хорошая актриса, как она думает, да и врать мне по сути бесполезно, а она врала. Пусть не про свою связь с тем, кто меня подставил, кто подставил все человечество, а про свое прошлое и своего отца, но врала. Но скажи я об этом вслух сейчас, это походило бы на попытку оправдаться и перевести тему.

— Чего ты ко мне пристала?! Это всего лишь имя. Я тоже не верю, что твое имя настоящее. Может, акцентируем внимание на чем-то более важном? Есть там чего-нибудь еще интересного? — обратился я к Иолаю. Все тоже вновь повернулись к нему, хотя девушка продолжала коситься на меня, поджав губы.

— Я думал, вы и не спросите, — усмехнулся он. — В конце самое интересное. Вообще, есть две новости: плохая и очень плохая. С какой начать?

— Не ёрничай, — спокойно сказал Верон. — Давай по порядку.

— Ну ладно. Тут тонны текста, так что изложу кратко. Во-первых, обвиняют не только... эм... Как к тебе обращаться-то?

— Пусть будет Амар.

— Как скажешь. Так вот, обвиняют не только Амара, но и всех тех, кто спасся с корабля вместе с ним.

— Хочешь сказать... — Верон поднес руку к подбородку и подергал короткие волоски.

— Именно. Нас всех считают его сообщниками, пособниками и все в этом духе.

Оно и не удивительно, они знают все то же, что и я, а значит, не менее неудобны. Так или иначе, Иолай с Вероном тоже убили многих.

— Но я же ничего не делал! — вскрикнул Костун. Он понял мало, но то, что его хотят выдать за бандита, все же уловил.

— Мы все ничего не делали, — спокойно ответил Верон, не глядя на толстяка, — но их это не интересует.

— Значит, соскочить не получится. — Иолай скорчил гримасу.

— А вы хотели соскочить? — удивился я.

— Почему нет? Не нас же подставляли. Мы хотели довести тебя до этой виллы, обогреть, накормить, да и попросить, так сказать. У нас своих проблем навалом. Ну, полагаю, теперь у нас не осталось выбора. — Иолай вопросительно посмотрел на задумавшегося Верона.

— Полагаю, что так, — ответил тот. — А какая вторая новость? — спросил черноглазый, немного помолчав.

Иолай снова недовольно поморщился, словно надеялся, что о второй новости никто не вспомнит и все разрешится само собой.

— О, вторая похлеще, — протянул он. — Этот самый мужик из местного правительства развивает тему, о которой говорил в начале, только с каким-то маниакальным задором. Если коротко, то он обвиняет всю человеческую расу в том, что она... человеческая раса. Мол, за двести тысяч лет они (то есть мы, люди) так и не перестали быть животными, и поэтому не заслуживаем нежиться в верхах. Он предлагает всех людей скинуть на самое дно общества, а еще лучше — переселить на какую-нибудь планету, по типу той, на которой мы недавно побывали... Точнее он говорит, что они нас спасли и помогли подняться, не позволив загнить на нашей грязной планетке, и ожидали в ответ благодарности и все в этом духе, а получили кукиш с маслом. Не довольны они человеками, короче. В общем, он хочет очистить Вселенную от людей, а заодно и от тех, кто им симпатизирует.

— Да ну, бред! — громко фыркнула Мара. — Он чокнутый какой-то. Кто его поддержит? На него Совет даже внимания не обратит.

— Ну, не скажи, — вздохнул Иолай.

— В Совете довольно много тех, кому человеческая раса не по нутру, — согласился Верон. — Когда только люди на вашей планете начали проявлять зачатки высокого разума, многие проголосовали за то, чтобы познакомить вас с Вселенной, открыть ее тайны и рассказать о том, что на самом деле происходит за пределами вашей Солнечной системы. В вас видели потенциал и надеялись, что вы послужите общему делу, сделав жизнь в мире... лучше и комфортней, но вы, вместо развития собственных технологий, начали пользоваться благами других цивилизаций, полностью позабыв о собственных достижениях, забросив их на полпути. Вы обленились. Поначалу все считали, что вам надо как-то акклиматизироваться и адаптироваться, но годы и столетия шли, а вы так и не перестали быть теми, кем стали, узнав об истинных размерах Вселенной и об ее благах. Прошло почти две тысячи лет. Многие пересмотрели мнение своих предшественников о пользе человечества в будущем.

— То есть ты считаешь, что они правы?! — Иолай даже отодвинулся от друга. Человеческая гордость буквально пылала в нем неугасаемым пламенем, которое он того и гляди обрушит на чью-нибудь голову. Приятно видеть подобное в тех, кто человек лишь по расе, когда как современные люди воспитываются в традициях общего воспитания, то есть никому не навязывают, что их раса чем-то особенным отличается от остальных, пусть это и не так. Так или иначе, каждый член своей расы стремится больше к сближению именно со своими сородичами, и это не изменят ни воспитание, ни соседство, ни даже насильственные попытки мутуализма. Максимум, к чему это приведет, — еще бóльшая разобщенность.

— Ни в коем разе! Есть множество рас, которые более никчемны, чем человечество. Намного никчемнее. Люди подняли экономику многих стран и даже планет, а также принесли во Вселенную несколько новых религий, которые хоть и служили поводом для войн, но так же и объединяли целые нации, до этого враждующие. Да и без этого хватало. Так что я считаю, что заявление действительно звучит глупо. И подозрительно.

Иолай придвинулся обратно к Верону.

— Хочешь сказать, что все это тоже спланировано?

— Катастрофа лайнера и это заявление несомненно связаны. Кто-то пытается подставить, но только не одного Амара, а всю человеческую расу. Амара же попросту использовали, чтобы всколыхнуть общество и заставить всех ненавидеть хотя бы одного человека, проецируя *его* преступление на всех людей.

— Неужели все настолько тупы, что не увидят подвоха? Они же все разумные.

— Каждый по отдельности разумен. А толпа — это тупой, склонный к панике опасный зверь. Им нужно лишь указать цель, а дальше они сами не заметят, как станут вначале косо смотреть в сторону любого человека, а потом и вовсе в открытую выказывать свою неприязнь. Если кому интересно мое мнения, то я считаю, что те, кто так использует людей для своих гнусных скрытых целей, — и есть настоящие неразумные дикие животные.

Верон, обычно тихий и разумный, прямо на глазах превращался в эмоцию, в негативную эмоцию. И это из-за предстоящей угрозы людям, хотя будучи камирутгом, максимум должен реагировать на это спокойно. Это один из тех случаев, когда разбиваются стереотипы.

— Скрытых целей? — уточнила девушка. Судя по всему, ее тоже может и не тревожила судьба людей в полном понимании этого слова, но, если это можно так назвать, беспокоила. Кому кроме психов нравится воевать? — Думаешь, они не просто хотят сбросить всех людей в грязь, а у них есть еще и скрытые мотивы?

— Это очевидно, — ответил я за Верона.

— И какая же у них истинная цель?

— Вот это и есть главный вопрос, — сказал я, подняв указательный палец.

— То есть ты не знаешь?

— Откуда мне знать-то?

— Я имела в виду...

— Да понял я, — перебил я девушку. — Я могу лишь предположить некоторые варианты, но все они не выдерживают критики.

— А ты попробуй.

Я немного помолчал, задумавшись. Вариантов у меня было много, но большинство были либо слишком надуманными, либо просто невозможными. Хотя, если мой противник настоящий псих, ему в голову могло прийти все что угодно. Я решил поделиться лишь наиболее реальными идеями.

— Первое — они видят в людях угрозу перестановки власти. Их власти. Они видят, что у людей есть хватка, и опасаются, что через какие-нибудь две-три тысячи лет человеческая раса полностью захватит власть во Вселенной, и будет решать судьбы тех рас, которые намного старше человеческой. Гордыня не дает им позволить этому свершиться, а потому они хотят избавиться от нас, пока мы еще не так высоко поднялись. Превентивный удар, так сказать. Хотя это глупо, потому что у власти пока они, и у них достаточно могущества, чтобы попросту не позволить человеку слишком высоко взлететь более благоразумным и менее жестоким способом. Не пристало таким древним и мудрым расам решать все силой. — Последнюю фразу я произнес с толикой едко-го ехидства. Пусть многие из рас в Совете довольно древние, но мудрыми из них можно назвать не более двадцати процентов. Будь они так мудры, как пытаются казаться, давно позволили бы влиться к ним новой крови. Последний раз, когда в совет вошла новая раса, произошло почти тысячу лет назад. Это были танэки.

— Разумно.

— Второе, — продолжил я, — они хотят сделать людей рабами, чтобы те им прислуживали, ведь кто-то должен это делать, по их мнению. А кто как не неоперившаяся раса лучше всего подойдет на эту роль? Остается только убедить общественность, что человек — это просто грязное животное, а остальное дело техники. Лет через двести-триста никто и не вспомнит, что человеческая раса была вполне разумными созданиями, подающими большие надежды.

— Но есть еще один вариант, — сказал Верон.

— Да, есть, и он самый простой.

— Какой же? — спросил озадаченно Иолай. Мара тоже переводила взгляд с Верона на меня, открыв рот и не замечая этого. Костун выглядел хуже: он весь потел и постоянно ерзал в кресле, рискуя протереть дырку. Слова об изгнании людей или превращении их в рабов, казалось, ничуть его не волновали. Наверняка, он очень бы хотел, чтобы человек вроде меня стал его телохранителем взамен убитых йофиров.

— Они хотят вычеркнуть человеческую расу из истории Вселенной просто потому что.

— Просто потому что? — пораженно переспросила Мара. — Я не понимаю...

— А что тут непонятного? Мы просто им не нравимся, вот и все. В истории даже моей родной планеты есть множество моментов, когда войны начинали те, кто считал себя высшей расой, а остальных смешивал с грязью и пытался их уничтожить, как неудобных и не отвечающих их стандартам. Или в назидание остальным.

Обычно такие войны заканчивались плачевно для тех, кто их начинал, потому что единственными высшими себя признавала лишь одна нация, против которой тут же объединялись все остальные. Все намного хуже, когда множество рас объединяются против расы «низшей».

— И ты думаешь, что тут то же самое?

— Я ведь говорю: я не знаю. Я лишь привел несколько очевидных вариантов. Какой-то из них может быть действительностью, а может ни один из них не подходит даже близко. Кто знает, что в голове у тех чокнутых.

Возможно, что темой с расами здесь и вообще не пахнет, а кто-то просто пытается подставить меня одного. В таком случае моему противнику абсолютно плевать, кто попадется под его горячую руку. Однако все же возникает вопрос: а при чем здесь человечество? Правительство просто подловило момент или все так и планировалось?

— И что же нам делать?

— Не знаю. Спасать человечество?

— Для начала нам бы не помешало самим спастись, — относительно спокойно сказал Иолай, продолжая ковыряться в портере, но его пальцы, бьющие по экрану, превратились в настоящий вихрь. Верон встал так резко, что его массивное кресло едва не опрокинулось.

— В чем дело?

— Кажется, нас нашли.

— Нашли?! Но как? Ты же говорил, что тут безопасно.

— Похоже, нас кто-то сдал.

Все переглянулись, потом дружно уставились на притихшего Костуна, покрывшегося испариной так, что он чудом не выскальзывал из одежды. Толстяк отводил глаза и тяжело сопел, словно пробежал спринт, да еще и покраснел как вареный рак.

— Ты? Как ты мог?! — рявкнула Мара, хватая его за грудки.

— А-а что я? Я жить хочу! Я ничего не делал! Я тут ни при чем! Я им так и скажу! Я ведь случайно...

Вот как раз один из примеров никчемной расы. Недаром те танэки открыто выказывали ему свое презрение, хотя и сами не лучше. Дэбелы — одна из тех рас, что соответствуют своим стереотипам.

— Ты что, совсем тупой? — спокойно спросил я.

— Я...

— Я-я, натюрлих? Ты, может, дрых и все пропустил, но когда те солдаты прибыли на планету, они собирались нас всех казнить на месте, не смотря на расу, пол, возраст и принадлежность к какой-либо иерархии. Им плевать, замазан ты в этом деле или нет, они убьют тебя без лишних вопросов, чтобы не оставлять свидетелей.

— Они не могут! Они же правительственные...

— Да ни черта! Спящий ты уродец, как ты не можешь понять? Они действуют самостоятельно. В Правительстве есть те, кто хочет уничтожить человеческую расу и всех, кто им симпатизирует, а так как они в Правительстве, то у них есть власть, чтобы привести план в исполнение, наплевав при этом на закон. Они и есть закон.

— Но... я... — Костун окончательно осунулся и поник, не зная, что ответить. Казалось, он сейчас расплчется.

— Нас окружили, — сказал Иолай. — Вокруг дома десятка два патрульных кораблей, и их орудия нацелены на нас.

— Что же делать? — почти шепотом обреченно спросила Мара, ни к кому конкретно не обращаясь.

[Купить полную версию книги](#)